

ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 женщин, изменивших мир

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эта книга научит женщину быть самодостаточной и уверенной, не теряя очарования. Она позволит на практике применить то, что сделало героинь этой книги выдающимися.

- Валентин Бадрак
 - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
 - Клеопатра VII
 - Жанна д'Арк (Жанна Дарк)
 - Екатерина Вторая
 - Елена Блаватская
 - Мария Склодовская-Кюри
 - Коко Шанель
 - Мэрилин Монро
- notes
 - 1

Валентин Бадрак

7 женщин, изменивших мир

**(Опыт выдающихся личностей
нашей цивилизации)**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Клеопатра, Жанна Д'Арк, Екатерина Вторая, Елена Блаватская, Мария Склодовская-Кюри, Коко Шанель, Мэрилин Монро... Все эти женщины удивительно разные, и вместе с тем, их объединяет одно общее качество: Они сумели не только изумить мир, но утвердить могущество женского начала, вступившего на путь самостоятельного влияния на мир. Они разрушили традиционный и кощунственный для сознания женщины стереотип, – что, будто бы женщина для создания гармоничных, счастливых условий своего существования неизменно должна опираться на мужчину. Многие из них использовали возможности мужчин, но совершали это столь изящно и с таким исконно женским вкусом, что явились в мир самостоятельными, самобытными и достойными восхищения образами. Они остались женщинами – отступницами, самостоятельными фигурами, абсолютными владельцами собственных образов даже в тех случаях, когда меняли их в угоду влиятельным мужчинам.

Развитие цивилизации поставило женщину перед новым опасным выбором: оставаться истинной подругой мужчины, или идти к успеху своим собственным путем, соперничая с мужчиной и доказывая в процессе конкуренции свою состоявшуюся гениальность. Не оспаривая, какой путь является более естественным для женщины, и, оставляя за женщиной право воспользоваться предоставленным тендерным равенством, стоит признать: среди добившихся признания женщин больше всего отчаянных одиночек, которые положили на алтарь успеха часть своего женского начала. Чтобы доказать наличие у прекрасной половины человечества неисчерпаемой энергии духа и способности стать проводником для целых народов.

Не исключено, что главное назначение женщины – вселить несокрушимую уверенность в своем мужчине, сыне или муже, дать ему жизнь, научить любить и чувствовать. В этом заключено и глубокое противоречие, ибо, отдавая мужчине всю себя, женщина нередко растворяет в нем и свою собственную личность. Самым мудрым из них все же удавалось, играя роль женщины-подруги, оставаться самодостаточной, величественной и многогранной личностью, владеющей и вершащей при помощи жаркого пламени любви, гибкости души и пластичности игры. А самые отчаянные из женщин занимались самореализацией, отбросив все приписываемые традицией функции.

Вызов и нестандартное мышление – вот основа для появления женской идеи и создания новых моделей жизни

представительниц прекрасного пола. Но в этом одновременно проявляется и их «отступничество» – то, с чем не желает мириться патриархальное общество. Те из женщин, которые оказываются достаточно сильны духом, чтобы выдержать избранную линию, и обладающие достаточной волей, чтобы реализовывать собственные идеи, в конце концов, воспринимаются как победительницы, законодательницы моды в формировании иных, не похожих на существующие, стилей поведения женщин. Это взрывоопасное для общественного мнения поведение, в чем бы оно ни выражалось, – в жажде власти, стремлении к невероятному успеху в профессиональной деятельности, в рискованном пути к богатству или отказе от брака, в свободном проявлении сексуальности, – все это так или иначе, является борьбой за более высокий уровень независимости, за высшую свободу, приравненную к свободе мужского мира. И надо признать, благодаря самым стойким из женского племени, представительницы некогда слабого пола достигли изумительных и порой пугающих мужчин, результатов.

Клеопатра продемонстрировала миру блеск женщины-царицы, сильной даже в своей слабости, успешной и величественной даже в моменты отчаяния. Это пример игры мужской роли без потери женственного, на основе использования чарующих возможностей и обаяния личности и безупречных практических знаний, которые делают женщину божеством. В глубинах истории она застыла сияющим символом женской власти, – мягкой, горделивой, гуттаперчивой.

Жанна Д'Арк — мужичка-крестьянка, которая по заданию безымянных, оставшихся в тени истории режиссеров, выполняла роль сказочной девы-воина. Завороженная фантастической миссией сама, она загипнотизировала сознание целой нации. Ее выдающиеся качества женщины проявились тогда, когда она, руководствуясь эмоциональной силой лидерства, пошла дальше своих сценаристов. Она вышла из-под контроля и ошеломила всех, от короля до самого мелкого слуги его двора. Благородство, необыкновенная сила намерения и жажда сияния затмили ее непредусмотрительность, примитивность неразвитого мышления, приглушенную, сублимированную женственность.

Екатерина Вторая отличается от Клеопатры чрезмерной мужественностью образа. Встав на мужское поле борьбы, она, в отличие от Клеопатры, трансформировала свою женскую самость, развив сугубо мужские качества. Она выросла из смертельно опасного периода становления до полной самостоятельности, до кометы, знающей свой путь и ведущей за собой. Клеопатра отдавала эмоциональную и сексуальную силу мужчинам, чтобы

воспользоваться, как щитом, их мужскими возможностями военачальников и мощью подготовленных легионов. Екатерина же с простотой неуголимой самки эксплуатировала мужчин для пополнения эмоциональных резервов, мужскую же силу побеждать развила у себя сама, оставив потомкам помпезную, воинственную и горделивую гримасу женщины-победительницы.

Елена Блаватская – безусловный символ духовного превосходства женщины, показатель способности достижения такого размаха влияния, когда признают и лицемерные недоброжелатели, и беспринципные хулители. Но еще – уникальный пример того, что область идей расходится безграничным веером, а сила мысли не имеет пределов. К концу жизни Елена Блаватская превратилась в живого апостола, в апологета непостижимой мистики и колдовской магии. Своим образом и своей ролью женщина утвердила целый ворох важных законов и принципов воздействия на современников и потомков, технологии влияния сделали ее непревзойденной.

Мария Склодовская-Кюри – женщина, провозгласившая равенство полов в сугубо мужской деятельности. Женщина-эмблема, она при жизни превратилась в идола, вещающего новым языком, открывающим новые возможности для притесненного пола. Ее значение не столько в фактических результатах научных поисков, сколько открытии перед женщиной необъятного пространства новизны, наделения женщины обновленным мировоззрением. Ее инъекция – укол сильно действующего средства, отрезвляющего, дающего волю аморфным, силу – беспомощным, веру – заблудившимся в апатичном патриархальном мире.

Коко Шанель прожила жизнь-фейерверк, пленяя мир и преобразовывая внешний облик представительниц прекрасного пола. Она подарила женскому племени феноменальный инструмент использования мужчин для собственного восхождения, для освобождения от вечных пут зависимости, от нелепого явления второсортности женщины в патриархальном мире. Она выросла до искушенной, опытной музы, требующей равноценного обмена, – идеями, в первую очередь. Порой для ее обозначения лучше всего подходит образ пушистого, манящего и вместе с тем прозорливого, на редкость чуткого зверька, снабженного безукоризненно действующим хоботком для высасывания новаторских мыслей.

Мэрилин Монро озаменовала приход революции женского сознания. Если Коко Шанель изменяла внешность, то Мэрилин Монро расколдовала внутренний мир женщины, смело приравняв его в сфере тайных желаний к мужскому. С ней женщина

лишилась комплекса второго пола. Из забитой и брошенной девочки Норма выросла до инфантильной, терзаемой психологическими проблемами Мэрилин Монро, средней актрисы, выпячивающей половые признаки. Но этот тривиальный образ благодаря ее отрешенности и старательности смог прошибить брешь в стене, воздвигнутой предубежденными мужчинами против женской сущности. Сквозь эту брешь устремился новый поток сознания, так необходимый современной женщине для достижения самодостаточности.

Вместе эти семь женщин служат угрожающим мужскому сообществу напоминанием, что женщине подвластен весь диапазон качеств, что женщина является силой столь разносторонней и тонкой, что может претендовать на силу качественно высшего, более подготовленного, лучше осведомленного и просвещенного носителя энергии. Если, конечно, захочет...

Клеопатра VII

69 год до н. э. – 30 год до н. э

*Царица Египта, символ единения
женского очарования и власти*

*Совершеннейшее воплощение
женщины, когда-либо появлявшейся
на свет, царственнойшая из женщин
и женственнейшая из цариц,
существо, повергающее всех в
изумление, превосходящее самое
пылкое воображение, – та, кого
мечтатель неизменно обнаруживает
в основе своих мечтаний.*

Теофил Готье о Клеопатре

Клеопатра не нуждается в представлении. Пожалуй, вряд ли можно найти человека, ничего не слышавшего, не читавшего или не смотревшего фильм об этой женщине, живущей в восприятии большинства людей в виде живописной и удивительно пестрой легенды. Но в то же время мало кто старался вникнуть в детали жизненной стратегии Клеопатры, снискавшей славу вовсе не потому, что она была царицей Египта.

Если говорить о Клеопатре как о женщине, добившейся успеха и попавшей на скрижали истории, необходимо заметить, что она, как и подавляющее большинство выдающихся личностей прекрасного пола, прежде всего бросила вызов традиционным представлениям о месте женщины в обществе, существенно расширив их. Она, возможно, могла бы стать женщиной-подругой одного из лучших мужчин своего времени, но с самых юных лет ей пришлось вступить в непримиримую борьбу за собственное выживание, и это наложило неизгладимый отпечаток на ее восприятие отношений между полами. А выжив и начав властвовать, она научилась руководствоваться исключительно собственными интересами, в какой-то степени навязанными происхождением, обстоятельствами и необходимостью тщательно заботиться о своей безопасности в суровом и не ведающем жалости античном мире. В отличие от своих предшественниц, царственных особ Египта, Клеопатра реально управляла государством без соправителя-мужчины. Причем управляла

настолько искусно, что сделала Египет мощной и баснословно богатой державой. Не случайно историки утверждают, что роскошь окончательно заполонила Рим с появлением Клеопатры. Она умудрялась скрыто противостоять Римской империи, могучей военной машине, которой к тому времени уже покорялось полмира. Клеопатра прибегала к искусству дипломатии в наиболее сложный для Римской империи период, когда гражданская война в течение долгих лет раздирала грозное государство на части, разведя по разным лагерям наиболее искусных борцов за власть в империи, а ее собственное государство сотрясали смуты. В этих условиях надо было обладать тонким аналитическим умом, чтобы просчитать, на кого делать ставку. Определяя претендента, она максимально и с невероятным успехом использовала для борьбы искусство обольщения, чем добилась славы одной из самых ловких искусительниц в истории. Она сумела связать свое имя с несколькими самыми выдающимися именами Древнего Рима – Гаем Юлием Цезарем, Марком Антонием и Октавианом Августом, что обеспечило ей бессмертие в сообществе этих великих мужчин. И, пожалуй, самое интересное заключается в том, что ей удалось обнажить для истории человеческие слабости этих талантливых мужей, оказавшись все-таки не покоренной ими, но повлияв на разум каждого. Завладев вниманием знаменитых римлян, последняя представительница династии Птолемеев способствовала созданию животрепещущей легенды о таинственной и коварной Клеопатре, уникальной женщине, чья судьба вызывает неизменный неподдельный интерес на протяжении более двух тысяч лет.

Однако сильная воительница была, прежде всего, слабой женщиной – человеком, совершающим ошибки, имеющим слабости, страхи и комплексы. Именно этой, человеческой стороне жизни Клеопатры, а также ее изобретательным стратегиям стоит уделить внимание. Благодаря нескончаемой цепи хитросплетенных интриг она уцелела и в страшную эпоху сумела красиво прожить короткую, но яркую, как вспышка молнии, и полную приключений жизнь, врезавшись в сознание потомков в виде полумифического, насыщенного множеством вымышленных оттенков образа.

От тактики выживания к стратегии успеха

Родиться в I веке до н. э. в многодетной семье царского рода было не менее опасно, чем появиться на свет безнадежным

бедняком. И если беднейшая прослойка населения больше всего опасалась голода, эпидемий и отсутствия защиты от всякого физического посягательства, то неспособным бороться за себя царственным особам также грозила неминуемая смерть – от изощренных родственников-конкурентов и более сильных внешних завоевателей. Правила естественного отбора распространялись на всю вертикаль общества – от монарха до раба, и никто, кроме, быть может, лишь обладающих холодной отстраненностью философов, не мог долго ощущать себя уютно в этом мире. Были ли потребностью жителя этого мира всего лишь хлеб на столе или достижение любой ценой высшей власти – никто не решался уверовать в обманчивый комфорт роскоши и эфемерную стабильность бытия.

Воспользоваться высшим правом престолонаследия могли лишь двое детей царя. Вполне очевидно, что отношения между детьми с первых лет жизни неизменно сопровождал смертельный призрак конкуренции, заставляя быстро взрослеть и самостоятельно заботиться о том, чтобы выжить. Жизнь отождествлялась с властью, и только властвующий мог надеяться выжить, опираясь на мощь государственной машины. Поскольку младшие дети нередко рассматривались как потенциальная угроза царствующей паре, их могли устранить физически или, как минимум, под страхом смерти удалить на безопасное от монархов расстояние. Впрочем, нередко были и убийства в самих монархических парах, ведь то были браки не по любви. Таким образом, средние и младшие дети с ранних лет пребывали в состоянии обостренного психического напряжения и душевного смятения. Их взросление сопровождала продолжительная фрустрация^[1], заставляя искать альтернативные способы выживания. Неудивительно, что они опирались на голос собственных инстинктов гораздо чаще, чем на рациональные аргументы разума.

Наибольшее влияние на Клеопатру оказал ее отец Птолемей XII, открывший ей множество замечательных возможностей в достижении своих целей благодаря балансированию между врагами, недругами и нейтральными наблюдателями из числа сильных мира сего. Историки, сообщая о нем противоречивую информацию, сходятся на том, что он, не обладая сильной волей, компенсировал слабость характера необычайной хитростью, коварством и жестокостью. Птолемей XII научил девочку этому искусству, изумляющему позже ее современников и опирающемуся на древние религиозные символы, виртуозность подкупа и оболъщения, актерский талант и театрализацию любых действий. Именно отцовская инъекция сформировала в девушке

уверенность в необходимости искать и находить опору у Рима – для сохранения государственности Египта. Птолемей XII сам обладал талантом влезть в душу даже к дьяволу и обучил этому хитроумному умению свою среднюю дочь. И если он мог задабривать подарками, обещаниями и действовать откровенным подкупом, то Клеопатра обладала куда более грозным оружием – женственностью и беспредельным обаянием. Это оружие ненавязчиво оттачивалось ею с самого детства вместе с приобретением знаний о международной политике, экономике, биологии, филологии и еще множестве наук, которые дети постигали в рамках эллинистических традиций, подкрепленных необходимостью. Знать, чтобы выжить, – таков неумолимый суровый закон жизни. Так или иначе, но и отец, и дочь опирались на неизменно действующий принцип: максимальное использование животного начала в людях, максимально возможное апеллирование к их инстинктам.

Почему именно третья дочь заняла столь важное место в жизни египетского царя? Тому, как кажется, есть несколько веских причин. Во-первых, старшие дети, ожидающие восхождения на престол, в противовес отцовской бесхарактерности развивали в себе и демонстрировали для устрашения окружающего мира, даже больше, чем сам властитель Египта, немыслимую жесткость и волю в характере, необходимые для управления государством. Младшие же, чтобы не быть истребленными, вынуждены были учиться гибкости, стать умелыми интриганами, тщательно маскировать свои намерения и демонстрировать высокое искусство дипломатии. Именно такая роль была близка самому Птолемею XII, который стал царем благодаря исключительной политической ловкости и зловещему сплетению дворцовых интриг. Восхождение к власти его самого явилось невероятным и небезопасным трюком, поскольку египетский правитель был незаконнорожденным сыном Птолемея IX, а после кончины отца был отодвинут в пользу другого претендента. Жизнь научила его не только смиренно ждать своего часа, но и тайно влиять на события.

Как паук, он в ледящей тишине плел таинственные сети, опутывая ими всех. Второй причиной, по которой отец приблизил к себе Клеопатру, оказался его возраст. Как указывает Майкл Грант, Птолемею XII не было и двадцати, когда он был провозглашен царем. Зыбкость его позиций и динамично меняющаяся политическая обстановка не позволяли ему в это смутное время ощутить себя по-настоящему отцом. Зато к моменту взросления Клеопатры и четвертой дочери Арсинои он чувствовал себя более уверенно и, по всей видимости, начал

активно готовить опору на будущее. Две старшие дочери, тоже Клеопатра и Береника, были потеряны для него: они выросли слишком негибкими и чрезвычайно властолюбивыми; учить их уже было поздно. Из-за своих тайных дипломатических войн и интриг он упустил главное – духовную связь с дочерьми. Но главное было то, что для собственных быстро взрослеющих и стремящихся к власти старших дочерей, как это ни парадоксально, он уже был конкурентом и служил целью, которую надо было со временем устранить. Никто никого не щадил только за то, что узы кровного родства связывали всех этих отчаянных людей под одной фамилией.

Младшие сыновья были слишком юны, чтобы усвоить тайны дипломатии. Оставались средние дочери, Клеопатра и Арсиноя, две царевны с небольшой разницей в возрасте, которым можно было передать искусство управления государством. Пожалуй, была еще одна веская причина такого решения стареющего Птолемея – слишком большой разрыв в возрасте между старшими дочерьми и младшими сыновьями. Ведь им предстояли кровосмесительные браки, а Птолемей хорошо помнил, за что поплатился его предшественник. Принужденный римским диктатором Суллой жениться на своей мачехе, он убил ее, но и сам за это был низвергнут народом. А с одной из средних дочерей Птолемей в конце концов и сам мог бы стать соправителем, составив новый семейный союз: он готовился к старости...

Последующие события показали, что расчетливый египетский монарх не ошибся. Когда в стране начались смуты (не исключено, что не без участия двух ставших совершеннолетними старших дочерей), Птолемей XII вынужден был бежать за поддержкой в Рим. Некоторые летописцы уверены, что Клеопатра сопровождала его в этом путешествии и это позволило девочке-подростку многому научиться и усвоить хитроумные уловки отца.

К тому времени, когда несколько окрепший царь при поддержке Рима вернулся в Египет, его старшая дочь уже была убита (вероятно, людьми Береники, победившей в разразившейся войне за власть), саму же победительницу восстановленный монарх покарал смертью, заодно дав урок оставшимся детям, как необходимо обходиться с отцом. Несомненно, Клеопатра была потрясена таким ходом событий, но сама жизнь заставляла ее стремительно взрослеть и учиться жить по законам взрослого мира, не ведающего ни сострадания, ни жалости к ближнему. Для девушки еще один важный урок заключался в осознании, что с воинственными родственниками невозможны полумеры: оставленные в живых во сто крат опаснее тех, которые еще не втянулись в истребительную борьбу. Жестокость и дикость были

данью времени: братья и сестры одинаково спокойно относились и к тому, что нужно делить между собой ложе, и к тому, что нужно уничтожать друг друга. И то и другое имело одну банальную цель: выжить.

Испытания Клеопатры, ставшей соправительницей отца, начались почти сразу. Через несколько месяцев Птолемей XII покинул этот мир, оставив юную дочь наедине с накатывающимися снежным комом фатальными обстоятельствами. Клеопатра благоразумно скрывала кончину отца от римлян, что дало ей временную отсрочку в несколько месяцев. Она вела себя с поразительным хладнокровием, взявшись за традиционные методы укрепления власти. Манипуляция религиозными символами и мистерия обожествления были первым необходимым шагом в цепи восшествия на престол и закрепления Клеопатры в роли царицы. Став женой своего младшего брата Птолемея XIII, она совершила культ царей. Последний предназначался для формирования устойчивого общественного мнения внутри Египта и являлся официальной доктриной обожествления при жизни. Причисление себя к лику святых, богами посланных править этим государством, призвано было утешить сомневающуюся часть населения и убедить потенциальных возмутителей спокойствия в стабильности и прочности настоящего государственного управления. Мистика таинства воздействовала на очень многие головы, заставляя воспринимать царицу богиней Исидой, а царя – богом Осирисом. Юная царица знала цену религиозным символам и в течение жизни не раз прибегала к ним для укрепления своих позиций и даже просто чтобы произвести впечатление на окружающих.

За два года, прошедших от воцарения до появления в Египте великого воителя Юлия Цезаря, Клеопатра показала себя вполне состоявшимся лидером. Кроме обожествления себя, она осуществила ряд шагов, рекламирующих ее как единовластную правительницу. Например, одна (без соправителя) заменила священного быка в одном из основных святилищ, начала чеканить монету с собственным изображением, словно забывая о своем более молодом брате-муже. Она справилась с неурожаем и даже рискнула стать на сторону одного из римских наместников во время его спора с другим. Правда, в такое шаткое время Клеопатра благоразумно объявила и о том, что ее брат Птолемей XIII является соправителем. И, по всей видимости, вклинивание в раздор между сильными римлянами было серьезным просчетом, едва не стоившим жизни молодой царице. Противники, выступавшие в составе регентского совета юного царя, тотчас

воспользовались ситуацией, и Клеопатре под страхом гибели пришлось на время оставить египетскую столицу. Можно лишь гадать, чем бы завершился новый виток борьбы за власть, если бы в этот момент на египетский берег не высадился Юлий Цезарь со своими непобедимыми легионами.

Клеопатра осознала всю историческую глубину этого события и совершила невероятный по смелости и оригинальности шаг – предстала перед прославленным полководцем в образе смущенной просительницы. Причем с явной целью совратить воителя для решения своей главной проблемы: ей надо было выжить в этой сложной обстановке всеобщей враждебности. На этот раз она сделала правильную ставку, в результате чего ее ждал неожиданно баснословный выигрыш...

Блистательность блефа и искусство лавирования

Египетская царица с детства хорошо усвоила законы психологии и понимала, куда могут завести инстинкты могучих властителей Рима и сильных, на первый взгляд, мужчин. Она использовала эти знания всякий раз, когда была необходима сделка. Когда в возрасте двадцати одного года она встретилась с Юлием Цезарем, любвеобильным пятидесятидвухлетним зачинщиком гражданской войны, у нее не было иного выхода, кроме как обольстить тонкого ценителя женской красоты. Ведь к тому моменту Клеопатра уже хорошо знала, как отнесся властитель Рима к убийству своего противника Помпея Великого и организаторам убийства, находившимся в окружении ее брата. Клеопатра также хорошо знала, что евнух Потин, главная опора ее младшего брата Птолемея, люто ненавидит римлянина, так беззастенчиво ворвавшегося в его сферу влияния. Кроме того, Цезарь вряд ли обрадовался тому факту, что Потин от имени Птолемея XIII снабдил сына вероломно обезглавленного Помпея кораблями и солдатами. Таким образом, и у Цезаря возможности маневра были не велики: ему нужны были незыблемая поддержка и ресурсы Египта для оплаты усилий своих легионеров.

А поскольку он не мог рассчитывать на окружение Птолемея XIII, а смелость и готовность к борьбе Клеопатры внушили ему доверие, он сделал ставку на нее. Конечно, обаяние Клеопатры, ее девичья свежесть и решительность стать на сторону римского полководца довершили дело, но это было вторичным фактором. Их связи никак не помешал тот факт, что Клеопатра, при ее знании полутора десятка языков, к моменту встречи с воителем все еще не владела языком римлян. Приворожив Цезаря,

Клеопатра неминуемо воспользовалась частью его имиджа победителя. Благосклонность полководца стала на долгое время стеной безопасности, отделяющей Египет от хищных взглядов римлян.

Там, где ненавязчиво делятся государства и мановением руки вершатся судьбы целых народов, сложно говорить о трепетной романтической любви. Попав в постель будущего императора Рима, Клеопатра начала активно действовать, проявив при этом не столько энергичность, сколько трезвость мышления, подкрепленную острой приправой женского очарования.

Для начала Цезарь был вынужден уравнивать в правах царицу и Птолемея XIII. На деле это означало восстановить единоличную власть Клеопатры. Цезарь имел в Египте свой важный интерес, и Клеопатра отчетливо уловила это. Она сумела убедить полководца в том, что не только является партнером в постели, но и вполне способна решать военные и политические задачи. Как справедливо отмечает исследовательница мотивации взаимоотношений египетской царицы с римскими полководцами Люси Хьюз-Хэллет, жестокая нужда в деньгах, а вовсе не помутневший от любовных ласк Клеопатры разум полководца удерживала Цезаря в Александрии. Долгая борьба нервов, наконец, привела к выяснению отношений на поле брани между сбежавшим из дворца Птолемеем XIII и легионами Цезаря. Не исключено, что военное противостояние было спровоцировано Клеопатрой, которой нужна была определенность. Для нее опять наступил выбор между смертельным риском (ведь Цезарь с малочисленным войском мог и проиграть в этой схватке) и невыносимым выжиданием. Клеопатра всякий раз выбирала активные действия, предпочитая рисковать, чем терпеливо ждать развязки. Причем она всегда осознанно и с тщательной подготовкой шла навстречу опасности, руководствуясь какой-то мужской логикой, лишь приправленной неожиданной и непредсказуемой для всех женской тактикой. Во дворце она всячески подстрекала четырнадцатилетнего брата-царя к бурному проявлению эмоций, и этот трюк, в конце концов, удался. Его результатом стал молниеносный и жестокий разгром мятежных войск и смерть Птолемея XIII, который утонул из-за тяжести золотых доспехов. Цезарь, которому также нужна была стабильная ситуация на границе империи, теперь имел двойную выгоду: он мог оставить в Египте преданного человека, связанного с ним гораздо более тесной связью, чем просто дружба или обещания. И он мог рассчитывать на получение необходимых ему ресурсов.

Но даже такой расчетливый человек, как Юлий Цезарь, не

мог предположить, что Клеопатра намерена сама стать весомым и во многом самостоятельным политическим игроком, а не довольствоваться ролью богатой фаворитки на задворках империи. На редкость изобретательная женщина для верности решила посильнее привязать мужчину старым и верным способом – родив ему наследника. У Клеопатры было несколько веских причин для такого шага. Во-первых, у Цезаря не было наследника, и сын от египетской царицы вполне мог бы стать таковым. Во-вторых, ребенок от властителя Рима должен был служить защитой для нее самой: кто из не страдающих близорукостью римских граждан посмеет низвергнуть женщину, имеющую ребенка от первого гражданина Рима? Этим шагом она намеревалась уравнивать себя в правах с римлянами. И в-третьих, что самое важное, если в будущем Египтом будет править сын Римского императора, вовсе не обязательно присоединять это государство к империи. Рождение сына от первого среди равных в Риме, таким образом, сулило независимость Египту.

Но Клеопатра лишь одно не смогла предусмотреть: что Цезарь не станет официально признавать очевидное – что это его ребенок. А Цезарь поступил именно так, поскольку речь шла уже о его репутации, а значит, и о политическом долголетии. Он мог, руководствуясь моралью общества своего времени, иметь сколь угодно много любовных связей вне семьи. Этот величественный и, без сомнения, гениальный полководец лишь снисходительно улыбался, когда его легионеры во время триумфов с задором распевали веселые песни о лысом развратнике. Но он не мог позволить, чтобы наследником империи стал человек, не являющийся гражданином Великого города. Вернее, он не мог бы узаконить такого хода событий, даже если бы хотел этого. Даже Цезарь был скован обстоятельствами, которые были выше его власти. Цезарь не признал ребенка даже тогда, когда Клеопатра, не выдержав, появилась в Риме.

Возможно, Клеопатра была озадачена, удивлена и даже раздражена. Но тот факт, что она оставалась в столице мира непредвиденно долго, для всех наблюдателей за развитием отношений двух исторических личностей служил сигналом ее двоякого восприятия событий. С одной стороны, она не теряла надежды повлиять на императора, а с другой – сделала целый ряд хитроумных попыток привлечь на свою сторону наиболее заметных игроков в империи. То есть фактически готовила себе новые тылы – на случай, если развитие отношений с Цезарем по каким-либо причинам станет невозможным. Ведь она оставалась в Риме и тогда, когда сам неисправимый завоеватель вынужден был по государственным делам оставлять столицу. А может быть, она

стремилась к усилению своих позиций параллельно отношениям с диктатором – ведь и самому Цезарю было бы легче вести диалог с влиятельной властительницей богатой державы, чем с нетерпеливой просительницей-любовницей.

Убийство Цезаря стало потрясением для Клеопатры, перевернувшим всю ее дальнейшую жизнь. Но совершенно очевидно и другое: египетская царица ни на миг не теряла самообладания, ей было чуждо отчаяние и лихорадочные непродуманные действия. Может быть, она не испытала и ощущения внутренней утраты. Цезарь был для нее опорой в этом мире, но его мир не мог стать миром Клеопатры. Она жила в другом, восточном измерении, никогда не теряя чувства реальности; она отдавала себе отчет, что не сможет стать для Цезаря даже тем, чем была для Александра Македонского Роксана. И не только потому, что Цезарь не посмел бы так жестоко играть с окружением, возвышая женщину, которая не является римлянкой. Но еще и потому, что и сама Клеопатра уже давно отвела себе более весомую историческую роль: она никогда бы не позволила себе довольствоваться лишь ролью жены – пусть даже величайшего человека на Земле. Она была самодостаточным сформировавшимся психотипом с чрезвычайными для женщины амбициями; ей нужна была не только свобода действий, но и простор, опирающийся на политическую поддержку сильных мира сего и на несметные богатства Египта. Она уже обладала высокими знаниями и вкусила прелесть роскошной жизни на вершине существующего социума. К тому же у нее не было пути назад, к существованию в более простых социальных условиях. Как владычица государства, более слабого в военном и политическом отношении, чем Римская империя, она была легкой добычей, и это было вечным стимулом действовать жестко, трезво и решительно. После внезапной смерти Цезаря и оглашения его завещания, из которого следовало, что ни Клеопатра, ни ее сын не получают ничего, она еще раз осознала, как близка грань, за которой таится и ее гибель. Царствовать или умереть – было ее вечным земным крестом, который она несла в себе.

Именно поэтому после мартовских ид Клеопатра стала действовать еще более холодно и беспощадно, руководствуясь твердым, бесчувственным расчетом. Не потому, что в ее сердце не было чуткости и нежности, а потому, что смертельная опасность грозила теперь ей и ее маленькому сыну. Ей оставалось либо ждать развития событий, закрыв глаза и уши от страха и отчаяния, подобно страусу, прячущему голову в песок, либо активно действовать, влияя на происходящее и самостоятельно вписывая в историческую летопись грандиозные события.

Что сделала египетская царица, лишившись Цезаря? Она должна была устранить возможные угрозы и обеспечить выживаемость сына – до того времени, когда сумеет найти новую опору. Ровно полгода ей понадобилось для приведения в действие своего жуткого плана. Согласно сценарию, ее младший брат и соправитель неожиданно заболел и скорострительно скончался. Царице не оставалось ничего другого, как сделать соправителем своего собственного сына Цезариона. Это было двойным символом: во-первых, маленький человечек стал божественной и неприкосновенной особой для египтян, во-вторых, это событие должно было напомнить Риму, что незаконнорожденный наследник великого Цезаря (который спустя полтора года после убийства и сам был причислен к богам) неуклонно следует традиции могущественных и божественных правителей, традиции своего знаменитого отца. Клеопатра, конечно, хотела уравнивать своего сына в правах с Цезарем. И поднять таким способом уровень своего величия – в глазах римлян, где она оставалась лишь одной из многих любовниц этого прославленного гражданина Рима.

Отныне царица не желала делать скоропалительных и явных ставок на кого-либо из римских воителей. Она не поддержала обратившихся за помощью заговорщиков, ссылаясь на неурожай в Египте. А помощь сторонникам Цезаря – Марку Антонию и Октавиану – скорее инсценировала, чем пыталась оказать, поскольку, выведя свой флот из Александрии, по предположению некоторых историков, возвратила обратно, ссылаясь на рассеявшую корабли бурю и внезапную собственную болезнь. Впрочем, этот эпизод дает дополнительные штрихи к портрету Клеопатры. Как отмечает Майкл Грант, до нее ни одна из цариц эллинистических государств не принимала на себя прямого командования военным флотом (и, похоже, такого в мировой истории не случалось и после Клеопатры, хотя Маргарет Тэтчер организовала военно-морскую кампанию в Атлантике, разумеется, не принимая прямого руководства). Второй штрих еще более важен, поскольку раскрывает талант женщины-дипломата, искусно обошедшей смертельные препятствия в образе грубых и жестоких к оппонентам римских полководцев. Хотя кажется очевидным желание Клеопатры выступить на стороне цезарианцев, на самом деле не все так однозначно. И неудачное выступление флота, и опоздание после этого к решающему сражению вновь набранного флота, принимая во внимание организаторские способности царицы, говорит скорее о ее таланте в театрализации действий, нежели о реальных намерениях. Интересно, что она не просто сама играла роль, а

разыгрывала представление при помощи многочисленных марионеток в виде полководцев, войск, окружая все это жизненными декорациями в виде морской стихии и кораблей. Цезарь уже был мертв, а кто возвысится после него, было совсем не ясно. Поэтому поведение Клеопатры, для которой неверная ставка означала низвержение и смерть, мало вязалось со светлой памятью о могущественном любовнике. И если бы проиграли Антоний с Октавианом, Клеопатра смогла бы объяснить слабые попытки помочь им страхом перед угрозами римских полководцев. Зато после очевидной победы триумвиров египетская царица легко выставила себя жертвой жестоких и непредвиденных обстоятельств.

Когда же спор разрешился, Клеопатра всерьез задумалась над необходимостью новой поддержки. Она не могла, подобно своему отцу, отправиться в Рим с подарками и обещаниями. Женщине сблизиться с кем-либо из знатных римлян было во сто крат сложнее, чем мужчине. Она жила в патриархальном мире, где статус женщины диктовался мужчиной и неизменно определялся как вторая роль. Царица могла лишь ждать удобного случая, чтобы не обнаружить желания слишком очевидно. Но, конечно, решение Клеопатры приняла задолго до новой встречи – она всегда заботилась о максимальной осведомленности о слабостях и пристрастиях римлян, об их передвижениях и планах. Внимательные исследователи ситуации в Египте после гибели Цезаря справедливо отмечают, что у Клеопатры едва ли был выбор. Из трех триумвиров, оказавшихся у штурвала истории, лишь двое попали в поле зрения египетской царицы. И не только потому, что Марк Антоний и Октавиан были яркими личностями и обладали реальной властью. Третий участник сговора, Лепид, не имел никаких шансов стать официальным наследником Цезаря, тогда как первые двое были признаны таковыми в Риме. Есть еще один важный штрих: именно Антоний был военным наследником Цезаря, а его авторитет резко вырос после победы над основными заговорщиками. Антоний как перспектива выглядел гораздо привлекательнее остальных. Не говоря уже о его внешних данных: мускулистый и мужественный, он смотрелся явно привлекательнее худощавого, болезненного, не богатого на эмоции Октавиана. Вот в чем кроется разгадка действий Клеопатры, которая к тому же должна была сделать ставку вслепую, даже не видя претендента. То, что она мельком встречалась с Антонием раньше, не имело никакого значения, ведь тогда она не рассматривала его как объект обольщения. Окажись все наоборот, она постаралась бы вскружить голову Октавиану или Лепиду. И наверняка преуспела бы в этом. И вряд

ли сдерживающим фактором был бы возраст. Хотя и тут все оказалось на руку Клеопатре: Антоний к тому моменту уже был сформировавшимся сорокалетним мужчиной в расцвете сил, а Октавиан – тщедушным юношей, не выглядевшим даже на свои двадцать два. Самой Клеопатре в ту пору было около двадцати восьми...

Конечно, египетская царица знала о повышенном интересе Антония к противоположному полу, его простоватости и смирении перед воинственной и необычайно властной женой Фульвией. Она долго и хорошо готовилась к встрече, поскольку отчетливо представляла себе не только цель такой связи, но и механизмы для приведения в действие задуманного. Но, конечно, было бы наивным полагать, что римский полководец попал в сети Клеопатры, как глупый мышонок, жаждущий новых любовных приключений. Их первая встреча была обставлена с таким фарсом и такими яркими декорациями, что только неискушенный наблюдатель мог бы предположить, что речь идет о некой цепи романтических случайностей, закончившихся великой любовью.

На самом деле все было гораздо проще: и для Клеопатры, и для Антония любовный роман был лишь скреплением политической сделки. Лишь с той, возможно, разницей, что где-то в глубине души Клеопатра таила надежду, что этот мужчина окажется ее долгожданным спутником, необходимым ей как женщине, как матери и лишь потом как правительнице государства. Но на поверхности иерархия ценностей выглядела перекрученной. Клеопатре Антоний был нужен для укрепления власти, а значит, для продления периода ее физической безопасности и устранения угроз. Для Антония, как и прежде для Цезаря, Клеопатра с ее Египтом была нужна как вассальное и союзническое государство, снабжающее империю хлебом, деньгами и другими необходимыми для войны ресурсами. Именно для войны, поскольку и Антоний, и Октавиан (а на тот момент еще и Лепид) осознавали, что их договоренности о совместном управлении империей – лишь оттяжка решения ключевого вопроса: кто останется у руля империи, а кто отправится в царство теней.

Мог ли политический союз заключиться без интимной печати, поставленной на соглашении Клеопатры и Антония? В этом нет никакого сомнения, принимая во внимание ситуативные выгоды. Также не стоит сомневаться, что постель как логическое завершение переговоров было делом рук Клеопатры. Ей, женщине, более чем переборчивой в отношениях с мужчинами, Антоний был нужен гораздо больше, чем она сама триумвиру, для которого не было никаких преград и проблем в заведении

бесчисленных романов за пределами семьи. Для Антония интимная связь с Клеопатрой была лишь действием в рамках существующей идеологии современного ему общества, прологом любого романа. Так поступали Юлий Цезарь, любовницы были и у Октавиана, и у многих других знатных римлян. Но это была мужская идеология, непозволительная для женщины. Поэтому для царицы Египта Антоний был зацепкой для более длительных отношений, создания некоего подобия семейной ячейки. Клеопатра постаралась сделать все, чтобы приковать к себе полководца, и в конце концов ей это удалось. Несмотря на то что окончательному успеху, выраженному в существенном влиянии (но, конечно, не полном) на своего мужчину, предшествовала трехлетняя разлука, убедившая Клеопатру в слабости и непоследовательности ее избранника.

Клеопатра сумела использовать свое женское обаяние и необычное искусство дипломатии для эксплуатации лучших мужчин своего времени, и в этом заключен самый важный штрих восприятия ее образа последующими поколениями. Хотя кажется, что в мотивации Клеопатры-царицы разобраться довольно легко, мотивация Клеопатры-женщины представляет гораздо более сложную формулу. Вполне возможно, что как в отношениях Клеопатры с Цезарем, так и в ее отношениях с Антонием произошли наложения двух ключевых стремлений – выжить в роли правительницы Египта и создать моногамную ячейку. В конце концов, она была женщиной и ей, пусть где-то глубоко внутри естества, хотелось обычного человеческого счастья, выраженного в желании созерцать своих подрастающих детей рядом с надежным и сильным спутником. Хотя эти желания были глубоко подавлены необходимостью вести образ жизни царственной особы, балансируя между низвержением и величием. Поиск адекватного мужчины для организации семейного уклада в той или иной степени можно считать стандартным желанием каждой женщины, в отношении же царицы это утверждение вряд ли может быть тождественным. С одной стороны, Клеопатре хотелось, чтобы рядом с ней находился уверенный в себе мужчина, почитаемый элитой общества, – мужчина, подходящий ее положению. С другой – вопрос собственного дома – Египта – неизменно имел несоизмеримо большее значение, чем такие эфемерные для властителей понятия, как любовь, брак и семья. Наличие этой дилеммы необходимо учитывать, чтобы до конца осознать природу мотивации отношений Клеопатры с двумя наиболее влиятельными мужчинами своего времени. Ключевым штрихом выбора царицы Египта был тот неизменный факт, что усиление трона означало жизнь, а его ослабление немедленно

приближало владычицу к краю свежевырытой могилы, которую многочисленные недруги всегда держали наготове. Но поскольку идеальных людей не бывает, оба знаменитых римлянина подходили Клеопатре лишь частично. Цезарь был ослеплен жадой великих побед, идеей написания собственной рукой исторической летописи, потому он мало подходил для семейной жизни. Кроме того, Рим, поскольку был объектом власти, имел для него значение, не сравнимое со всеми женщинами на свете. Но он позволял себе увлечься, и царица сумела извлечь из этих увлечений максимальную пользу. Антоний не подходил ей по другой причине: в отличие от Цезаря он был не так целеустремлен; он не обладал такой сильной волей и психически был слабее самой Клеопатры. Антоний был наиболее реальной фигурой, на которой можно было остановить выбор, и Клеопатра старалась, как могла, вырастить из него могучего полководца. Но ей не удалось сделать из своего мужчины то, что сделала Ливия из слабого и во всем сомневающегося Октавина. Явление миру великого императора Рима Октавиана Августа – дело рук его жены Ливии, тогда как гибель Клеопатры и Марка Антония – это результат слабости последнего. Клеопатра осознавала эту проблему задолго до решающей битвы при Акции, заставившей их обоих наложить на себя руки. Не случайно историки упоминают, что Клеопатра всякий раз ободряла Антония, стимулировала его военные походы, не говоря уже о том, что она обеспечивала эти походы всем необходимым. Плутарх приводит замечательную историю, которая символизирует отношения этой пары и роль Клеопатры в этом союзе. Когда Антоний как-то занялся рыбалкой, Клеопатра приказала одному из своих приближенных тайно нанизать на крючок соленую черноморскую рыбу. Полководец вытащил рыбу и был поднят на смех. Но Клеопатра совершенно серьезно сказала ему: «Император, лучше оставь удочки нам, бедным правителям Фароса и Канопы. Твое дело охотиться за городами и царствами». Кстати, знаковым является и то, что она называла его императором, а ведь он был лишь триумвиром, соправителем. И если, согласно Тациту, в слово «император» иногда вкладывалось значение «полководец, ведущий военные действия от имени Рима», то и тут такое обращение Клеопатры можно расценить как стимул действовать. Она искусно возбуждала его психику, подготавливая более весомую роль, нежели он играл.

Именно вследствие названных причин интимные отношения с Цезарем и Антонием для Клеопатры были вторичными. Более того, искусство обольщения и могучая сила женственности служили лишь оружием в борьбе за жизнь и власть. Но в этом

было мало двусмысленности, потому что побудительными мотивами действий Цезаря и Антония в отношении Клеопатры являлись честолюбие и тщеславие, а отнюдь не любовь и нежность. Заслуга же Клеопатры состоит в том, что она сумела заставить этих, несомненно, выдающихся мужчин обратить на себя внимание не только как на женщину, но и как на талантливого политика, поверить в ее способности управлять государством, вести важную политическую и межличностную игру. Речь фактически идет о том, что Клеопатра, оставаясь женщиной, оказалась способной выполнять и мужскую функцию. Эта ее социальная двуликость и умение играть в обществе роль то обольстительной женщины, то могучего правителя и политического игрока античного мира и оказались для современников и историков тем козырем, который резко выделял ее из сообщества женщин. И не только женщин Древнего мира.

Наиболее интересным в образе Клеопатры является то, что в отличие от женщин-политиков более поздних эпох ей для своего возвышения не пришлось подменять полоролевую функцию, другими словами, не пришлось становиться мужчиной в женских одеждах. Она слыла заботливой матерью и нежной любовницей, и это было так же естественно, как и управление крупным государством, с укрощением мятежей и заговоров, подготовками к войнам и сложными политическими манипуляциями. Строго говоря, среди современниц Клеопатры были и царицы, и воительницы. К примеру, жена Марка Антония Фульвия едва ли не взяла на себя роль римского полководца. Но при этом ее образ моментально лишился женственности в глазах подавляющего большинства римлян. Тогда как Клеопатра оставалась прежде всего женщиной и именно как женщина, как искуссительница и охотница за сердцами самых сильных мужчин представляла главную угрозу в глазах всемогущего Рима.

Создание исторического мифа

Клеопатра жила в эпоху, когда виртуозность манипулирования сознанием общества достигалась путем молниеносного распространения слухов, непрерывной работы авторитетных агентов влияния, астрологов и предсказателей, авторов книг и религии. Причем последнее было наиболее действенным средством. Живые деятельные люди и мифические образы богов в значительной степени формировали и корректировали общественное мнение, навязывали образы и делали легенды частью биографий.

Клеопатра хорошо усвоила это с раннего детства, используя все возможные элементы воздействия на психику окружающих – от пестрой одежды и величественной манеры держать себя до виртуозного использования всякого, кто мог умело содействовать театрализованному представлению длиной в жизнь. Египетская царица беззастенчиво присвоила себе титул богини Исиды, появляясь на публичных мероприятиях непременно в одежде священной особы и совершая мистические культы этой богини. Что, конечно же, психологически воздействовало на народ, распространяя волны восторженной и благоговейной легенды. Во время первой встречи с Антонием было столько фарса и столько декораций, что мифов о ее таланте создавать из любого события помпезное представление хватило на целую эпоху – вплоть до обезумевшего от власти Нерона. По мнению Хьюз-Хэллет, декоративность визитов и перемещений лидеров государств имела еще одну важную сторону: продемонстрировать экономическую мощь государства через показное изобилие. Может быть, и так, но тем не менее театрализация сопровождала всю жизнь царицы и, по всей видимости, была одной из форм самовыражения, проявления внутренней демонстративности натуры и женской силы. Например, появившись в Афинах во время подготовки к войне с Октавианом (где уже действовала негативная пропаганда Октавиана и Ливии), Клеопатра таки сумела приобрести популярность, мастерски используя свои актерские способности, яркие костюмы, а также немалые денежные средства. Царица так хорошо играла роль богини Исиды, так ловко демонстрировала знаменитому городу щедрость, что на фоне вводившего новые налоги Октавиана добилась не только комплиментов, но и беспрецедентного поклонения в виде установления в Акрополе статуи в одеяниях богини Исиды.

Среди методов воздействия владычицы Египта стоит отметить и якобы тайное распространение пророчеств. Базировались они на общем настроении населения Египта, заключавшемся в неприязни и даже ненависти к Риму, от которого исходила вечная угроза. Фактически Клеопатра ловко эксплуатировала в своих личных целях противостояние Востока и Запада. У историков нет достоверных данных о том, что царица как-то влияла на составление пророчеств, но она явно содействовала негласному распространению слухов о том, что прорицатели «видят» конец владычества Рима и что осуществит это тайное желание Востока женщина-правительница. Нетрудно догадаться, что такой женщиной могли видеть лишь Клеопатру. Впрочем, у этих слухов была и оборотная сторона: Октавиан

потом воспользовался этими же слухами для создания в образе Клеопатры алчущего врага империи.

Подобно всем царям и правителям, для воздействия на современников Клеопатра использовала возведение храмов, статуй себе и богам, а также чеканку монеты со своим изображением. Идеология таких действий состоит в следовании целостной жизненной стратегии правителя, направленной на то, чтобы оставить после себя как можно больше материализованных свидетельств своих весомых деяний. В этом нет ничего новаторского, и такие действия содержатся в истории любого правящего лица. Но все же поражает активность Клеопатры в расширении пространства своего влияния. Пользуясь своей способностью воздействовать на Марка Антония, она добилась, чтобы ее изображение оказалось не только на монетах, обращавшихся в Египте и восточных землях империи, но и на римской монете, что при наличии признаков республики и ограничений власти консулов и триумвиров было вызовом западному обществу и, естественно, способствовало созданию исторического образа. Будучи женщиной, подругой римского полководца, Клеопатра всегда вела собственную игру, играла собственную роль, которая часто была более сильной и серьезной, чем роль самого Антония. Клеопатра слишком часто затмевала своего спутника жизни, и это в результате дало ей больше возможностей для того, чтобы быть замеченной летописцами и поэтами, чтобы «запомниться». Причем для этого Клеопатра осознанно использовала практически весь арсенал возможностей.

Клеопатре нужны были могучие мифы, поскольку они вступали в противодействие с другими легендами, направленными против нее. Эти легенды не менее искусно распространялись в Риме, городе, где искали малейшего повода для низвержения Клеопатры и присоединения богатого Египта. Но Августу также нужны были легенды, и поскольку образ Клеопатры к моменту столкновения с ним приобрел черты исторической личности (и не только из-за романа с Юлием Цезарем), он вынужден был принимать этот неоспоримый факт во внимание. Хотя он представил в Риме Клеопатру врагом – чтобы отобрать власть у Антония, но тем не менее не позволил очернить ее образ. Например, он дал ей возможность умереть самостоятельно, передав через своего полководца, что намерен провести царицу по Риму во время триумфа. Но вряд ли он намеревался это сделать, и не только из-за того, что такой шаг мог бы омрачить память Цезаря. Октавиану, чтобы через три года превратиться в великого Августа, необходимо было продемонстрировать победу не над слабой женщиной, а над

могущественной правительницей, сохранив ее величественный образ. Он не только сохранил созданные Клеопатрой мифы о себе, но и развил их (безусловно, уже движимый заботой о себе). Так, он сотворил при помощи летописцев изумительную сказку о величественной картине смерти царицы, хотя смерть Клеопатры от укуса змеи не только сомнительна, но и маловероятна, на что указывали многие поздние исследователи. Однако Октавиан во время триумфа велел пронести статую Клеопатры, обвитую змеей, что закрепило этот миф навсегда. Те, кто шел в истории вслед за Клеопатрой, вынуждены были поддерживать и развивать сотканные ею же нити романтической легенды об одной из самых выдающихся женщин в истории. Как это ни удивительно, но даже раздутый Октавианом миф о сексуальной развращенности Клеопатры пошел на пользу узнаваемости ее образа в истории. То, что Клеопатра была искусна в любовных играх, сомнений не вызывает. Однако аргументы поздних исследователей жизни египетской царицы более чем весомы: Клеопатра вынуждена была оставаться разборчивой в постельных делах по очень многим причинам. Во-первых, давняя традиция Птолемеев требовала, чтобы голубая кровь династии не смешивалась с какой-либо другой. Есть все основания полагать, что Клеопатра свято следовала традиции царской семьи, как в религии, так и в методах управления государством. Сексуальная жизнь ранних монархов была неотъемлемой частью того незыблемого и неприкосновенного, что уместается в наши понятия о табу. Во-вторых, исторические сведения о Клеопатре говорят, что она, рассматривая секс как рычаг влияния на мужчин, находилась в поиске подходящего для себя мужчины. Ее поведение величественной правительницы не вязалось бы с представлениями народа о царской особе, если бы она позволяла себе легкомысленные постельные утехы. Обладающие властью всегда находятся во власти того, чем обладают, и потому не стоит забывать это пророческое замечание Ницше. Власть же Клеопатры была не только зыбкой, но и напрямую связана с физическим выживанием, так что вряд ли в такой ситуации женщина позволила бы себе рискованные излишества. Для Клеопатры маска, которую она носила, имела неизмеримо большее значение, чем реальная жизнь.

Нельзя не согласиться с теми исследователями жизни Клеопатры, которые, как уже отмечалось ранее, утверждают, что основное отличие ее пропаганды от методов современников – умелая театрализация собственной жизни. Со временем Клеопатра научилась любой жизненный акт превращать в представление и следовала своей привычке до смертного часа,

рассматривая каждый жизненный эпизод как акт игры на сцене тем охотнее, чем неизбежнее оказывалась ситуация. Так она действовала с самого начала, когда впервые предстала Цезарю завернутой в ковре (быть может, эта история была придумана позже, а может, имел место театральный жест), и до самого последнего часа, когда сумела с леденящим душу хладнокровием принять смерть, предпочтя ее унижению. Возможно, настолько глубоко в подкорке у царицы засело фатальное восприятие великой и безумной торжественности подобного ухода (как сделал ее дядя, правитель Кипра, и это, очевидно, Клеопатра запомнила хорошо), что она не смогла удержать себя от подобного шага. Долгие годы визуализаций и психического настроя взяли свое – великая богиня не может позволить себе поступать так, как обычный человек. Интуиция побежденного человека подсказывала ей, что так выгоднее поставить точку, чем оттягивать минуту ухода, теряя магическую силу недостижимого восточного божества. Клеопатра сыграла спектакль, до глубины души потрясший даже холодного и беспощадного Октавиана.

Вряд ли, создавая увлекательную и таинственную легенду о себе, полную мистерии и магического смысла, Клеопатра заботилась о том, чтобы стать частью истории. Ее проблемы, конечно же, были более приземленными: ей надо было царствовать, выживая при этом и сохраняя суверенитет и целостность Египта. Как и в детстве, выживание, царствование и сохранение атрибутов государственности были неразрывно связаны, а изменение одного из факторов грозило низвержением и смертью. Грозная опасность заставляла рассудок оставаться холодным, держать себя в постоянном тонусе и готовности сражаться.

Для успешного царствования нужны универсальные рычаги воздействия на общественное сознание, и тут Клеопатра не была оригинальной. Она лишь воспользовалась тем, что ей передала в наследство династия Птолемеев: нагромождение устрашающих религиозных символов, мощь военной машины и исконное богатство Египта, служившего житницей и сокровищницей великой древней империи. Дополнительным приобретением египетской царицы оказались действительно могучие и обширные знания.

И все же Клеопатра осознавала: она должна выделяться, быть экстравагантной и неординарной, уметь изумлять и шокировать все многонациональное сообщество могучей империи. Личность царицы должна быть плотно окутана пеленой легенды, что создает завесу неприступности и божественности властительницы. И конечно же, миф призван усилить экспрессию

восприятия личности, внушать благоговение собственному народу и уважение соседним. Мифы для правителей служат для замены их недостающих качеств. Например, история о появлении Клеопатры перед Цезарем, завернутой в ковер, призвана продемонстрировать решительность властительницы. А легенда о ее неопикуемой красоте, пленившей диктатора Юлиа Цезаря, служила прямым свидетельством отсутствия признаков физического совершенства...

Клеопатра, несомненно, совершала ошибки, и ей не чужды были многие человеческие слабости; как и все женщины, она искала любви и признания, оставаясь уязвимой. Но ее усилия не оказались тщетными: пройдя через собственные ошибки, она искрящейся кометой вошла в историю. Клеопатра интересна в первую очередь тем, что сумела продемонстрировать, что женщина способна играть несколько ролей одновременно, оставаясь матерью, подругой, любовницей и государственным деятелем.

Жанна д'Арк (Жанна Дарк)

6 января 1412 года – 30 мая 1431
года

*Символ женщины-
спасительницы, изображение
феномена женской силы и мужества*

Для этого я рождена.

Жанна д'Арк судьям

*И она вошла в века как
Орлеанская Дева.*

*Анатолий Левандовский,
автор биографического
романа о Жанне д'Арк*

Имя Жанны д'Арк известно если не всем, то почти каждому. К началу ХХI века этот демонический персонаж вынырнул из Истории в обрамлении таких противоречивых мифов, что в этом заманчивом хитросплетении нелегко отделить нетленные реалии от патетического пепла людской молвы. Бедная воинственная пастушка из маленькой французской деревеньки оказалась сродни таинственному вулкану, неожиданно извергнувшему в пространство всю мощь и величие и так же внезапно застывшему навечно под собственной лавой на века. Может быть, Жанна д'Арк – лишь притягательная сладостная иллюзия для людей, так любящих мистические символы?

Личность отрешенной в своей необъяснимой миссии девушки, явившейся для спасения родины, столь неуловима, что осознать предпосылки ее мотивации и истинную природу деятельной натуры можно лишь путем многочисленных противопоставлений исторических фактов, не слишком доверяя авторам летописей давно минувших событий, значительно приукрашенных и измененных позже самими участниками тех загадочных и беспокойных дней.

Но даже в сопровождении такого мистического и сложно объяснимого шлейфа комментариев одухотворенная патриотическим фанатизмом личность может быть взята для беспристрастного препарирования ее жизненных установок,

составляющих звенья неискушенной и в то же время феноменальной стратегии. Наиболее удивительной представляется та ее часть, которая связана с появлением самоидентификации великой миссии спасения, а также необычайно высокой для крестьянской девушки самооценки совершить задуманное. По всей видимости, ответы на эти вопросы своими корнями уходят в детство Жанны, которое преимущественно потеряно для исследователей; в нем больше предположений и домыслов, нежели четко зафиксированных фактов. Тем не менее, спокойный и пристальный взгляд сквозь окутанную туманом толщу минувших столетий может помочь восстановить, по меньшей мере, ключевые элементы жизненной линии девушки, имя которой осталось в Истории овеванным всемогущими ветрами славы.

Не оспаривая и не преувеличивая заслуг средневековой воительницы, стоит лишь заметить, что созданный вокруг ее имени миф, несомненно, более значим, чем сама история мученицы, озаботившейся судьбой Франции. Но, мешая пониманию личности героини, завораживающая легенда о Жанне д'Арк, тем не менее, является самым красноречивым свидетельством безоговорочного принятия ее образа современным миром, создание нового маяка, светящего далеко за рамки национального. Жанна д'Арк стала частью коллективного бессознательного человечества, бессмертным символом воинственной женщины, которая из отчаяния и любви способна совершить поступки, кажущиеся невероятными.

От пастушки к воительнице. Трансформация жизненного сценария

Героическая история о Жанне д'Арк берет начало в крошечной деревушке Домреми в северо-восточной части Франции. Дети таких деревень взрослеют рано, ибо тягостный, почти каторжный труд средневекового крестьянина ускоряет жизненный цикл большей части народа, скорбно тянущего свою незавидную лямку. Исторические данные свидетельствуют о том, что быстро приобщающаяся к самостоятельности девушка с распространенным именем Жанна к моменту начала трогательной легенды уже включилась в бесконечную спираль труженицы, точку в которой неизменно ставит лишь смерть, освобождая от необходимости дальше бороться за выживание и передавать суровое бремя по наследству.

Детство Жанны не пестрит важными для исследователя

фактами, однако некоторые сопутствующие штрихи биографии заметно усилили выразительность восприятия исторического момента жестокой эпохи.

Во-первых, Жанна имела старших братьев, и к часу приобщения к изнурительному крестьянскому труду девочка отчетливо видела свою безрадостную и в определенном смысле жуткую перспективу. Когда к пятнадцати годам она превратилась в полноценный винтик работающей семейной микросхемы, начав ткать, прясть, шить, стирать, пасти скот и убирать дом, старшие дети давно уже освоили эти нехитрые ремесла, но семья, как и прежде, балансировала между благополучием и нищетой. Так же как вся ее родня, Жанна с детства не могла не осознавать, что все ее дальнейшее существование не сулит ничего замечательного, кроме продолжительной, непрерывной работы до изнеможения и безрадостного конца, скорее всего, в нищете и болезнях.

Во-вторых, война в течение нескольких десятилетий раздирала ее родную землю и народ. Война была неотъемлемой частью окружающей девочку действительности. Вряд ли такая сложная категория, как патриотизм, была значимой для крестьян маленькой деревушки, но для простого народа, навечно прикованного невидимыми цепями к земле, всегда предпочтительнее иметь одного могучего хозяина, чем нескольких господ сразу, которых конкуренция делает еще более неумными и беспощадными. Именно с таким единым хозяином и ассоциировалась королевская власть, которая могла карать, но была способна и защищать свой народ: в головах дисциплинированного люда вера в «своего» короля вбивалась с такой же строгостью, как и почитание строгих религиозных правил. Реальное ловко переплеталось с навязываемыми в течение столетий стереотипами, делая из рядового обитателя любой страны биологически управляемое существо, вынужденное более всего заботиться о выживании рода и элементарном благополучии семьи. При этом могучие формы средневековой пропаганды в виде проповедей безжалостных «глашатаев неба» и хитроумных интриг местных властителей, их почти неограниченная власть и лютые нравы красноречиво убеждали народные массы в необходимости верить в «своего» короля и «своих» религиозных наставников.

В детстве Жанна росла бесшабашным и довольно решительным ребенком, в условиях непрекращающейся войны и отсутствия внимания со стороны занятых вечной проблемой выживания родителей. Она воспитывалась отчаянным, преимущественно мальчишеским окружением, своеобразной формой улицы, бредящей освобождением родных земель и

отмщением врагу. Идея противостояния внешнему врагу, в котором придавленное нищетой боязливое крестьянство пыталось увидеть все беды своей протекающей, словно в кошмарной лихорадке, жизни, выкристаллизовывалась постепенно, но неотвратно. Причем если для мелких вассалов потеря земель означала потерю части дохода, то для самих крестьян засилье чужеземцев ассоциировалось с потерей перспектив вообще. Поэтому на фоне нерешительности и двусмысленности действий местных властителей, часто пытающихся тихо договориться с новыми английскими хозяевами о неких правилах игры, тихое волнение народа перерастало в ропот и постепенно становилось все более реальным и набирающим силу движением, влияя, среди прочего, на формирование отрешенного характера будущей воительницы. Вполне естественно, что девочка незаметно пропиталась духом непримиримой борьбы и не раз демонстрировала решительность в своих юных поступках.

Часто не свойственная крестьянской девочке строптивость перерастала в открытое, демонстративное неповиновение окружающим, например родителям, которые пытались выдать ее замуж за деревенского парня, чтобы накинуть брачную узду на часто выходящую из-под контроля дочку. В редком для негибкого и консервативного крестьянского мирка противостоянии родителям девушка поразила родню своей несокрушимостью и какой-то отрешенной неотступностью. Навязчивая идея некой непонятной окружающим миссии освобождения к тому времени уже настолько созрела в ней, что стала единственной доминирующей мыслью. Каким образом она появилась, не знал никто, но отсутствие перспектив в существующем жизненном укладе, разрушенных войной устоях и непреодолимое желание изменить существующий миропорядок толкали девушку к действиям невиданной дерзости. Доподлинно неизвестно, имели ли место галлюцинации, которым немало времени уделяли исследователи феномена Жанны д'Арк, однако очевидно, что ее психика была не только чрезмерно восприимчива, но и необычайно возбуждена. Очень возможно, что Голос свыше был придуман несколько позже – для усиления экспрессии появления Девы-спасительницы и логического объяснения родне такого непонятного для обывателя превращения. Кроме того, если принять во внимание приводимые данные исследователей Перну и Клэна, у Жанны была еще одна веская причина покинуть родительский дом. Речь о том, что после ее неповиновения в вопросе замужества, что само по себе является вопиющим случаем для патриархальной средневековой деревни, отец угрожал строптивце убийством и даже из боязни позора для

семьи просил ее старших братьев утопить девушку, поскольку глава семьи был уверен, что Жанна намерена сопровождать солдат и стать публичной девкой. Таким образом, сложилась ситуация, когда девушке даже ради собственной безопасности лучше было исчезнуть. Наконец, еще одна часть исследователей указывают на чисто физиологические отклонения у Жанны, проявляющиеся в заторможенности развития, и, как следствие, отсутствие сексуального влечения. Так, Гринблатт не исключает эндокринных нарушений, которые наложили отпечаток на психику девушки. В частности, он отмечает отсутствие менструаций и половой зрелости, а также подавление сексуального влечения. «Мужчины не оказывали на нее притягательной силы, как и от нее не исходило сексуального возбуждения», – считает исследователь, не исключая, что галлюцинации и «дикий религиозный фанатизм» Жанны были следствием этого подавленного влечения. Приблизительно такого же мнения придерживается и другой исследователь, Гендерсон, утверждающий, что «комбинация солдата со святой возникает на основе психосексуальной незрелости». Если эти выводы имеют под собой серьезное основание, такой факт, несомненно, серьезно повлиял на уход Жанны из родительского дома. Так или иначе, вследствие физиологических или психических причин девушка была не готова к созданию семьи, на чем настаивали строгие родители. С этим, вполне естественно, связывалась устойчивая уверенность родственников и вообще сложного замкнутого мира крестьянской общины в том, что девушка не желает исполнять свою основную функцию – обеспечить появление на свет здорового потомства, способного поддержать цикл семейной борьбы за существование. Не вникая в природу проблем Жанны, стоит подчеркнуть, что ее намеревались заставить исполнить ненавистную ей роль любой ценой.

Таким образом, вся жизнь несчастной девочки-подростка крутилась вокруг сохранения собственной идентичности, угрызений совести за благополучие семьи и общины и борьбы с надвигающейся безысходностью. Будучи придавленной жизненными обстоятельствами и, по всей видимости, собственной психофизиологической неспособностью выполнить возлагаемую на нее функцию, Жанна, несомненно, желала помочь своей семье и настойчиво искала иной, альтернативный и близкий своей природе путь для решения проблем семьи. Об этом свидетельствует и зафиксированный много позже факт, что по достижении особого положения при королевском дворе девушка имела лишь одну просьбу, связанную с улучшением жизненных условий своих односельчан и освобождением их от налогов.

Косвенно такую гипотезу о формировании мотивации Жанны д'Арк подтверждает еще один признанный факт: на первый взгляд, странное сочетание в характере девушки мягкосердечия, доброты и безудержной воинственности. Собственная бесперспективность как женщины в общине и наличие маскулинных черт подтолкнули Жанну к реализации исключительно мужской идеи для решения такого сложного ребуса, подброшенного жизнью. Естественная для крестьянской девушки примитивность мышления, отсутствие знаний и актерского таланта на фоне детской прямолинейности привели к неспособности полного вытеснения женского в принятой «мужской игре». Это женское эмоциональное не раз прорывалось в актах мягкосердечия и принятия неожиданных, порой крайне рискованных, связанных с театрализацией действия, решениях. И как раз эта добродушная простота и примитивность предопределили судьбу девушки, а заодно и рождение мифа о Жанне д'Арк. Потому что организаторы великолепного шествия Девы-освободительницы не могли бы позволить себе рискнуть ввести на арену другую Жанну, умную, хитрую, знающую изнутри гнусность того мирка, в котором обитали души так называемой королевской элиты. Это было бы слишком опасно. Образ же простой девушки, искренней в своих побуждениях и заблуждениях, внушал доверие и вполне устраивал всех, ибо его, как очевидно полагали устроители освободительного акта, можно было стереть со скрижалей Истории в любой момент.

Но Жанна действительно была бесстрашной и многим напоминала воинственно настроенного зверя из загнанного в тупик стада; когда смерть заглядывает в глаза, ужасая своей неотвратимостью, бросаться грудью на противника становится легче. В глубине мотивации Жанны лежала безысходность, а необходимость бороться за более понятное будущее стимулировалось еще и ее демонстративным, алчущим признания естеством. Признанные факты трепетного отношения Жанны к экстравагантному, дорогому и большей частью мужскому одеянию, а также слишком откровенного, даже какого-то патологического возвеличивания утвержденной для освободительного движения символики говорят о неумной жажде признания, которое было призвано стать отменной компенсацией ее отвержения общиной. Двигаясь со знаменем на занятые англичанами укрепления вблизи Орлеана, она как бы наблюдала себя со стороны, и холодок восхищения собой, проскальзывающий между лопаток, неизменно был более могучим и притягательным стимулом, чем извечный страх смерти на поле брани.

Важно, что к моменту идентификации девушки окружающими как некоего отчаянного существа, созревшего для бескомпромиссной борьбы, она уже несколько раз посетила своего местного начальника, которого крайне беспокоило вторжение английских завоевателей в его законные владения. Не исключено, что эти визиты, или, по меньшей мере, один из них, были продиктованы порывом отчаявшейся девичьей души, готовой к более решительной борьбе, чем ее запуганные односельчане. Но объективно, дальше ее самостоятельность заканчивается, а деятельность Девы-спасительницы плавно и незаметно для окружающих трансформируется в проект кого-то из окружения дофина Карла Валуа. То есть речь идет о последовательности восприятия идеи появления воинственной девушки-освободительницы в головах, которые пытались управлять наполовину захваченным государством. Эта идея тщательно вынашивалась, а режиссеры детально прорабатывали различные сценарии деятельности воинственной девушки. Это подтверждают и сроки принятия решений королевским окружением, которому надо было многое взвесить, прежде чем допустить к дофину фанатичку. Первое посещение шестнадцатилетней девушкой местного королевского управителя отделено от второго семью месяцами – сроком, достаточным для обдумывания необходимости и возможности выведения на арену такого образа, как женщина-освободительница. Еще несколько месяцев ушло на всевозможные «испытания» при королевском дворе. Бедная, необразованная крестьянка априори не имела бы никаких шансов на участие в военном освободительном походе, если бы ее отчаянное бесстрашие не оказалось на руку некоторым влиятельным вельможам из ближайшего окружения монарха. Ее заметили, о ее роли и возможной миссии призадумались только потому, что она становилась частью чьей-то игры, она должна была стать раздражителем, который либо развивают и поддерживают, либо устраняют. Действительно, если судьбой Жанны д'Арк озаботились многие влиятельные лица, в чем тогда личная заслуга девушки и где прослеживается ее стратегия? Оказывается, в этот судьбоносный для себя период Жанна проявила завидную выдержку и стойкость. Она продемонстрировала не только неискушенное деревенское простодушие, но и уравновешенный, покладистый характер, поражающую окружающих и вместе с тем спокойную энергию и безумную уверенность в победе. Она сумела оправдать ожидания погрязшего в пороках и грехах двора, сумела продемонстрировать и убедить, что она иная, и этим внушить двору мысль, что она справится с задачей.

Когда из далекой, находящейся под контролем противника провинции от местного управленца поступили сведения о появлении некой воинственной и отчаянной крестьянки, кто-то из окружения будущего короля сумел осторожно навязать наследнику с неустойчивой психикой мысль, что девушку можно попытаться использовать. Во-первых, для поднятия духа сражающихся и, прежде всего, осажденных в Орлеане. Во-вторых, для привлечения к освободительному движению широких народных масс. И наконец, для изменения настроений в массах в пользу Карла Валуа, что окажется подтверждением со стороны народа легитимности его власти.

Многочисленные проверки психического потенциала и природы устремлений странной девушки, к которым были подключены чиновники, духовенство и целая команда шпионов, убедили организаторов проекта, что Жанна обладает всеми необходимыми качествами: достаточно устойчивой психикой, невероятной, неосмысленной и почти болезненной установкой на освобождение Франции, а также совершенно необходимым для этого отсутствием интеллекта. Ей вполне можно позволить осуществить задуманное, осторожно направляя действия и при необходимости ограничивая авторитет в массах при помощи приставленных военачальников. В идее использования девушки действительно была оригинальная деталь, изюминка, которая делала всю затею весьма привлекательной, сложно объяснимой для обывателя, а значит, заключающей в себе некое таинство. Полководец-мужчина – это совершенно понятное явление, но оно логично и для противника. Значит, такой военачальник, не обладающий авторитетом и необходимой для воителя зажигательной харизмой, не будет иметь успеха. Тем более в государстве, где претендент на корону не способен был повести за собой войско, а никто из его высшего окружения не был в состоянии исполнить эту роль, проблема могла быть решена удивительным способом – за счет привлечения некой мистической, облеченной в плену тайны фигуры. Хрупкая и мягкая девушка, закованная в латы, оснащенная всеми атрибутами военачальника и символами победоносного воителя, а также обладающая мужеством исполнить заявленную роль, – это угроза для врага и воспламенитель для собственного народа. Конечно, в начале пути не было никакой уверенности, что Жанна обладает тем необходимым для военных действий уровнем бесстрашия, который, пусть даже не сокрушая врага, позволит воодушевить народное ополчение. Но подкупала ее твердая вера в свою миссию и четкая ориентация на победу. Кроме того, в случае неудачи ее можно легко ликвидировать, приписав все таким же

небесным волеизъявлением, как и ее появление. Можно с высокой долей уверенности предположить, что во время пребывания при королевском дворе после принятия окончательного решения использовать Жанну в качестве альтернативы полководцу, девушку подбадривали и готовили к роли. Возможно, на нее и не возлагали больших надежд, однако дух защитников осажденного Орлеана она должна была поднять. Девушке подарили коня, ее одели в довольно дорогие одежды (последнее привело ее в восторг, обнажив женское, чисто эмоциональное восприятие происходящего), ей вручили символ военной власти и победы – знамя, позволив оформить его по своему усмотрению. С ней провели психологическую подготовку, обрисовав, чего от нее ожидают. Режиссеры-невидимки, люди-тени, которые готовили Жанну д'Арк (а в то время еще просто Жанну Дарк) к первому акту театрализованного представления, хорошо представляли, что им нужно, – снять осаду с Орлеана и возродить веру народа во Францию, что даст хорошие козыри для ведения переговоров с англичанами и перешедшим на их сторону Бургундским герцогом. Жанна же не осознавала пределов борьбы, она ступила на путь отступничества, сменив роль, пол и восприятие мира. Впрочем, никто не считал обязательным посвящать ее в детали дела.

Витязь в платье: исполнение мужской роли

Итак, безумная идея фанатички принята и поддержана. Даже этот факт сам по себе является немалым достижением и потому заслуживает внимания. Ведь для неотесанной деревенской девушки существовала лишь одна перспектива: покорно исполнить праведную роль тягловой лошади, рано состариться и умереть от неодолимого бремени нелегкой и бессмысленной жизни с животным циклом производства потомства. Она же избрала для себя иной путь и доказала, что этот путь имеет право на существование. Ее доказательство базировалось на трех могучих основаниях, которые обеспечили поддержку дворцовой клики.

Первым является акцент на миссии спасения короля и самой Франции, что сделало саму идею понятной, простой и важной для значительной части политической элиты страны. Девушка со знаменем оказалась кстати, ведь эту функцию до нее никто не брался исполнить. В этом смысле она была заменителем, эрзацем активности французской стороны в войне и, понятно, компенсировала безволие и бездействие самого дофина и его

окружения. Неизвестно, был ли кто-нибудь в раннем окружении крестьянки Жанны, кто мог красочно описать полную приключений жизнь при дворе, сулящую в случае успеха предприятия дружбу с великими мира сего. Известно лишь, что ко времени своего отчаянного похода к монарху через занятые врагом и кишашие разбойниками территории страны девушка имела несколько бесед с местным представителем королевской власти и уже вполне осознавала всю двусмысленность существования простолюдина. Продолжительная война, растущий хаос, опустошение земель пришедшими завоевателями англичанами и полная растерянность народа давали в руки новый шанс, еще никем не испробованную рискованную и одновременно манящую возможность.

Второй опорой фундамента послужила слепая вера Жанны в победу: она настолько прониклась идеей спасения и отождествления себя со Спасительницей родины, что, как новый неведомый вирус, мгновенно пропитывала пространство своей удивительной убежденностью. Жажда изгнания врага, подкрепленная фанатической преданностью идее и королю, подкупала и расслабляла даже самые недоверчивые и сомневающиеся головы. В конце концов, дворцовая камарилья рассматривала допуск Жанны к военному проекту как кратковременную сделку, направленную на получение Карлом Валуа легитимной власти, Жанна же нисколько не задумывалась над продолжительностью своей игры – в этом также проявлялся изумительный подтекст ее странной веры в успех. В своей дикой и какой-то фатальной одержимости она действительно чем-то походила на ангела-хранителя, так что неудивительно, что поддающиеся внушению массы нередко усматривали в горделивой мальчишеской фигурке на коне святую, сошедшую с небес для спасения Франции. Ее приняли как воспламенитель, как капсуль-детонатор, который должен был сработать один-единственный раз; она же думала о великой миссии...

Наконец, третьей опорой, находившейся в основании идеи крестьянки из Домреми, была ее оригинальность. Дева вынырнула, словно из сказки, колдовскими чарами завораживая воображение сражающихся – как своих, так и врагов. В необычности, почти мистичности чудесного появления спасительницы кроется могучая зажигательная сила, и Жанна д'Арк сумела использовать ее сполна. Начав с асоциального поведения и выяснения неприемлемости для себя исполнять традиционную ожидаемую роль крестьянки, она достигла кульминационного момента идеи, когда не без помощи королевского окружения была закована в блестящие латы и

водружена на коня со знаменем Победы. Сам по себе приход Девы в мир являлся чем-то противоестественным и резонансным, и в этом было сокрыто могущество облика Жанны д'Арк.

Что же касается ее ощущений, они также были приятными, развитие ситуации льстило Жанне, стимулируя к отрешенной игре на большой сцене. Она была похожа на юную актрису, случайно допущенную на главную роль в лучшем театре, и потому старалась, чтобы шанс оказался входным билетом в новый мир. При дворе для девушки началась новая жизнь, весьма привлекательная и успешная постепенным всеобщим признанием и даже некоторым поклонением, как идолу, символу победы. Жанна не понимала, что чаще это было показное поклонение, созданный для нее специальный фон, который должен был подкрепить ее собственные силы перед большой схваткой. Но даже она, великодушная и глуповатая девочка, интуитивно осознавала, что за пределами войны и возможной победы для нее еще нет роли, и это чувство с самого начала тяготило ее, как открывшаяся рана, обнажающая основное противоречие между ее выбором и остальным миром. Однако как существо эмоциональное и в высшей степени демонстративное, живущее моментом, Жанна не слишком заботилась о далеком будущем; она упивалась ликующим мгновением, открывающимися невероятными возможностями и народным признанием, которые толкали ее на культовую отвагу, почти безрассудные действия на поле боя. А невидимая петля тем временем затягивалась туже, раскрывая безысходность и свидетельствуя, что борьба является единственным способом утвердиться, отыскать свое новое место в мире, где безумие и хаос войны становились спасительной крышей. Пожалуй, самым обескураживающим представляется тот факт, что девушка не погибла в первом же бою или в первые дни освободительного движения. Не исключено, что кому-то из сопровождающих вассалов короля было поручено уберечь девушку, а заодно и проверить, на что она способна. И если отвага девушки не шокировала издавших виды войак, то ее растущие амбиции и усиливающееся желание возглавить самой все освободительное движение с первых дней борьбы за Орлеан – ключевой пункт в этой войне – стали беспокоить не одного командира. Природа этого беспокойства понятна: женщина не имеет никаких прав и оснований руководить мужчинами. Ее допустили на мужскую половину поля лишь для того, чтобы зажечь ленивое и боязливое людское стадо, называющееся народом. А значит, нечего лезть в исключительную сферу их полномочий! Война – для мужчин! Но разве мог кто-нибудь из трезвомыслящих, разбирающихся в природе вещей и в военной

науке мужчин остановить Жанну д'Арк, девушку, находящуюся в бесовском, очумелом возбуждении, непрерывно бросающуюся на дрогнувших от натиска англичан и имеющую фантастическую поддержку в среде простолюдинов, с которыми она умела разговаривать на одном языке. Ее не смутили несколько ранений, главное было выжить, и она выжила. И в этом также заключалась часть стратегии Девы-спасительницы.

Действительно, сценаристы не учли лишь одного – безумной смелости крестьянки и потрясающего, необъяснимого роста ее авторитета в военной среде. Это то, что нельзя было спрогнозировать, что невозможно было просчитать и проконтролировать. И это становилось наиболее мощным раздражителем не только для капитанов, которые вели в сражения войска вместе с Жанной, но и для приближенных дофина.

За неожиданным снятием английской осады с Орлеана и нескольких последующих побед с прямым участием Девы в опасных кровопролитиях и штурмах уже развивался плохо скрываемый конфликт с капитанами. Официально назначенные для ведения военной кампании высшие офицеры не желали признавать невесту откуда явившегося ангела в женском облике. Даже в отчетах ее имя упоминали лишь мельком, понимая, что молва на своих не ведающих усталости и не признающих расстояний крыльях и так донесет до королевского окружения весть о славной воительнице. Уже на первых этапах Жанну пытались компрометировать, распространяя противоречивые слухи о ней, дезориентировать о планах и ходе кампании. Некоторые из таких слухов, например сексуального характера, сохранились в вольтеровском представлении о Жанне д'Арк. Но несмотря на замаскированное противодействие и тихий саботаж, затмить отрешенную от мира девушку на поле боя было невозможно. Она жила этой жуткой для женщины идеей сражения, в ней было заключено ее спасение и будущее, и потому она поступала совсем не так, как ее мнимые соратники. Факты военной деятельности и противодействие ей со стороны военачальников-мужчин являются красноречивым свидетельством того, что Жанна д'Арк активно внедрилась в мужское поле деятельности, ступила на путь закамуфлированной, но непримиримой конкуренции с ними, причем сделала это весьма успешно. Интересно, что часть исключительно военных достижений оказалась результатом эмоциональных всплесков, проявления чисто женского, возможно даже следствием неких трансов, в которые она загоняла себя, и которые состояли из истерического фарса и кратковременной потери связи с реальным

миром. Успеха мужчины ей простить не могли...

Не исключено, что, оказывая победительнице в битве при Патэ придворный прием колоссального размаха, несмотря на показное признание, которым Жанна могла сполна насытиться, женщине-воину одновременно дали почувствовать, что она является инородным телом при дворе. Даже демонстративная любезность дофина не могла снять наэлектризованной атмосферы протеста, а железные латы не могли защитить девушку от бесчисленных потоков негативной энергии, ненависти и отвращения, которые, как отравленные стрелы, пускали ей вслед все и вся в королевском дворце. Хотя тайные глашатаи короля и просто доброжелатели с чрезмерным воображением стали вовсю трубить о божественном предназначении Девы и говорить о ней как о посланнице Бога, реальные игроки начали сознательную игру по выдавливанию Жанны д'Арк с того места, которое ей удалось занять при дворе благодаря редкой отваге и рискованному участию в кровопролитиях. Даже мало способной к анализу событий Жанне показалось странным слишком навязчивое ухаживание и намерение наделить ее формальными атрибутами власти и могущества, которые бы приблизили ее к королевскому окружению по статусу, зато изменили бы восприятие ее образа в народе. Девушка сумела интуитивно разгадать этот план, а может быть, ее внутренняя природа противилась сближению с господами, ведь она никогда не смогла бы стать одной из них. Во всяком случае, Жанне хватило сообразительности отказаться от присвоенного королем герба, дворянского звания и новой фамилии. В условиях скрытого, но очень жестокого противостояния она осознавала, что может существовать лишь до тех пор, пока способна приносить пользу лично королю, причем исключительно на поле брани.

В качестве последнего аргумента, выгодного королю, она предложила поход на Реймс, место будущей коронации Карла Валуа. Неудивительно, что Жанна столкнулась с противодействием окружения короля, теперь уже открытым и сопровождающимся откровенной неприязнью. Однако интересы короля пока еще совпадали с интересами Жанны, с той лишь разницей, что он боролся за власть, а она – за жизнь. Но даже этот феерический военный поход, по срокам достойный побед Цезаря, не принес изменений в ее жизнь. Как и прежде, мужчины смотрели на Жанну как на соперника при дворе, она, как полагали вассалы теперь уже коронованного монарха, может заметно потеснить их на иерархической лестнице, и особенно в вопросах реального влияния на Карла VII и его политику. Соперничество в мужском мире не принесло самой Жанне ни

счастья, ни душевного равновесия. Она, как и прежде, была изгоем в высшем свете и жила жизнью затворницы от одной военной кампании до другой. Мгновения счастья девушки были связаны лишь с короткими вспышками военных побед и еще более короткими секундами почтения и признания ее деятельности королем. Этого было достаточно для вечно ищущего новых побед доблестного рыцаря и совсем ничего для обычной девушки, жаждущей любви, восхищения и признания. Она упивалась этими моментами, но они, как мгновения экстаза, ускользали и исчезали прежде, чем их суть доходила до искаженного войной надломленного сознания. Если человеческое счастье существовало, то явно не для Жанны. Ей оставалась лишь война, сражения и борьба за неизвестные и теперь все более сомнительные ценности.

Засасывающая воронка бездны – плата за отступничество

С коронацией Карла Валуа и таинственным превращением аморфного и воздушного, как облако, дофина в могущественного короля Франции миссия Жанны завершалась. Дева-освободительница больше не была нужна королю, и тем более двору. И она хорошо это осознавала. Жанне д'Арк приписывают пророческие для своей судьбы слова: «Я не боюсь ничего, кроме предательства». Конечно, она знала, чувствовала свою судьбу, так же как и миссию. После выполнения миссии была пропасть, потому что ей не было места в этой жизни, а возвратиться к старой, уготованной традицией роли легендарная и вкусившая запаха великого признания охотница за удачей тоже не могла. Но разве возможен переход от женской роли к мужской, а потом наоборот? Акт отступничества, как прыжок в бесконечность, совершается лишь раз, и оттуда нет дороги назад. Надломленная сложной трансформацией психики едва ли способна выдержать еще один натиск... Для пережившей свой звездный час Жанны д'Арк оставался лишь один зыбкий путь – продолжить свое отступничество, пройти свой странный путь до конца. Как гонимый порывами ветра дубовый листок, сорванный со своего дерева и увядающий, усыхающий в вечном полете, она должна была поймать свою смерть на лету, так же как на лету поймала свою славу и незаметно превратилась в звезду.

В надежде отдалить час расплаты она убеждала короля идти на Париж, все еще занятый врагами. Жанна, движимая эмоциональным порывом отчаявшейся женщины, поддерживаемая войском как истинный полководец-мужчина, сама приняла

решение продолжать войну. Это был не просто акт неповиновения, это был открытый прямолинейный вызов королю и его окружению. Она как будто стремилась продемонстрировать, что ее миссия стоит над существующей властью, выше и в то же время в стороне от нее. Ведь она ни на что не претендовала, кроме военных побед и освобождения Франции...

Делая ставку на воинственно настроенный народ, Жанна теряла поддержку королевского двора, хотя формально действовала в его интересах. Отныне в глазах двора самовольная выходка Жанны ставила ее в ранг преступницы, человека, презревшего высшую власть, и, стало быть, способного противопоставить силе легитимной власти иную, реальную жизненную силу. Ни монарх, ни его вассалы такого простить не могли, а действия Жанны стимулировали их к решительным контрмерам. Герцог Алансонский, поддержавший Жанну, был не в счет, ибо представлял меньшинство при дворе; в случае победы он мог рассчитывать на дивиденды и усиление своего влияния, зато в случае поражения он ничего бы не сумел сделать для спасения воительницы. Фортуна начала отворачиваться от девушки, когда почти заверченный штурм Парижа был внезапно прекращен предательским приказом короля. Почти силой ее увлекли, стремясь отлучить от войска. Но кто нарушил табу один раз, способен сделать это еще раз: Жанна тайно покинула двор и, захватив с собой небольшой отряд, двинулась на поле брани.

Последним аккордом ее самозабвенной игры на поприще мужской славы стала оборона маленькой крепости Компьень. Жанна была низвергнута со всей простотой и бесхитростностью, почти без камуфляжа и масок: во время смелой вылазки и короткого сражения у Жанны перед носом закрыли въездные ворота, оставив ее и еще несколько десятков воинов перед атакующим противником. Одно театральное действие окончилось, начинался новый акт, который был призван уничтожить Жанну д'Арк как явление.

После долгих месяцев плена над Жанной учинили показательный процесс, обвинив девушку во всевозможных грехах, связи с дьяволом и в прочей ереси, дающей возможность физически уничтожить ее без права на помилование. Долгий и мучительный процесс завершился для разуверившейся в счастье девятнадцатилетней девушки смертельным костром. Чтобы в гибели Орлеанской девы не возникло сомнения, палач по приказу осудивших Жанну на смерть не дал догореть телу и сбросил его в Сену. Знать опасалась даже духа, звука имени Жанны д'Арк, слишком популярной в народе и слишком ненавистой при дворе.

Жанна д'Арк пришла к своей роли сама. Среди хаоса войны, разбоя, всеобщего отчаяния и разочарования она уловила, что вечно сомневающимся людям необходим символ веры. Не так уж важно, была ли Жанна д'Арк от начала до конца продуктом и орудием королевского окружения или первый импульс принадлежал ей самой. Гораздо важнее, что ей удалось убедить окружающих, что именно она может стать символом освобождения, и затем на деле продемонстрировать, что она способна играть эту роль.

Такая фигура, такая роль действительно подходила данному историческому моменту. Жанне удалось навязать себя в качестве исполнительницы благодаря разобщенности французской властной элиты и растущему недовольству масс, причем народ становился все менее контролируемым. Ключевые сцены ее жизни произошли на поле боя, где девушка исполнила исконно мужскую роль, поднимая физически сильных, но ослабленных духом мужчин на борьбу. Тут Жанна д'Арк загадочным образом справилась с невероятной по сложности задачей, которой в истории не существовало альтернатив. Именно эти факторы и определили могущество образа слабой девушки, испытавшей на себе трансформацию полоролевой функции.

Внутреннее решение крестьянки Жанны совпало с готовностью не только народных масс, но и аморфной французской власти создать дополнительные возможности для объединения усилий всей нации в борьбе против внешней угрозы. Стоит добавить, что такие повсеместные явления, как дезертирство, бандитизм и разбой, приобрели массовый характер, так что и без того нерешительный король был не в состоянии контролировать ситуацию в той части государства, которая была не занята английскими войсками и не управлялась противостоящим монарху герцогом Бургундским. В таких условиях любая возможность, которая бы способствовала изменению настроений в массах, была бы лечебным бальзамом для всей нации, и тем более для ее беззубой, не способной к отважным действиям власти.

Мифология на службе государства

Растущее возмущение народных масс, трусливое бездействие власти, отсутствие лидеров национального масштаба и подсознательное ожидание прихода освободителя извне – скорее всего, это и есть основные факторы, повлиявшие на восприятие самой Жанны частью властной элиты, которая размышляла о

своим собственном будущем.

Миф о Деве-спасительнице был необходим обескровленному и изможденному народу, как сказки о великих воинах, сокрушающих врага, совершающих подвиги и спасающих всех и вся. Эта легенда была нужна и нерешительной аморфной власти во главе с никчемным Карлом Валуа; нужно было, чтобы кто-то более решительный и более способный поднял знамя борьбы и взвалил на себя бремя ответственности.

Власть производила на свет героев и зверски уничтожала недовольных. Но это стало возможным благодаря развитию государства под огромным колпаком, в полном вакууме и при отсутствии каких-либо знаний о других пространствах. Нечто сходное представляло собой средневековое государство.

Мифология деятельности отдельных личностей существовала всегда: и во времена цезарей, и в средневековую рыцарскую эпоху, и в новое время глобальных движений. Но, пожалуй, отличие Жанны д'Арк от большинства из них в том, что исполнительница роли в силу своей отчаянной веры, способности вжиться в мессианскую роль и недюжинного терпения настолько превзошла ожидания сценаристов, что они фактически были вынуждены уничтожить свое великое детище. Поэтому для потомков величие юной воительницы должно заключаться не во взятии городов и крепостей, а в том, что она своим примером продемонстрировала, сколь многогранной, широкой и креативной, сколь мужественной, сильной и в то же время эластичной может оказаться женская натура. Забитая и необразованная крестьянка расширила представление о самой женщине, показав, что за простым, понятным и даже убогим внешним обликом может скрываться нечто неуловимое, что способно под воздействием определенных обстоятельств преобразовывать женщину до неузнаваемости, создавая из хрупкого тела демона или ангела. И это неуловимое, обладающее гигантскими способностями и редкой чувствительностью, зовется необъятной душой Женщины.

Но символы, которые создаются даже для решения кратковременных задач, обычно живут дольше, чем их создатели. Что касается Жанны, после физического уничтожения началась ее вторая жизнь. Любопытно, что ее развитию не мешали ни король, ни его окрепшее окружение. Ведь теперь таинственная Дева им никак не угрожала, ее тень никак не могла повлиять на политическую ситуацию, формирование союзов, дворцовых интриг и заговоров. А в качестве символа она даже очень полезна – для создания и развития национальной идеи, единой системы национальных ценностей и ориентиров, для сплочения и

укрепления частичек разобщенного общества. Поэтому появление множества воинственных скульптурных изображений Жанны, массы полотен и музейных экспонатов, связанных с ее именем, приветствовалось и поддерживалось. Народу нужны героические сказки и могущественные легенды, имеющие магический и стимулирующий смысл. Показательно, что уже в миниатюрах XV века Жанна изображается женщиной-воином в железных латах, с мечом и знаменем в руках. Более того, в значительной части скульптурных и живописных представлений она наделяется многими, откровенно мужскими чертами. Иногда даже без соответствующего комментария или надписи невозможно идентифицировать женский образ. То есть как постфактум ее маскулинность положительно воспринимается общественным мнением и даже подчеркивается в качестве положительных штрихов к портрету, тогда как в реалиях именно внедрение в мужскую плоскость стоило Жанне жизни.

Действительно, появление Жанны на арене оказалось едва ли не ожидаемым. Существуют факты, которые не просто отчетливо свидетельствуют о влиянии королевской власти на развитие событий, а указывают на совершенно очевидное участие в их формировании и даже управлении. Например, слухи о перемещении Девы-спасительницы к королю почти молниеносно распространились в народных массах. Особого внимания заслуживает и факт «принятия» королем второго пришествия Жанны после ее смерти и существование во Франции странного двойника воительницы в течение нескольких лет, что никак не пресекалось властями... До того момента, когда «вторая Жанна» не начала мешать общему контексту легенды. Тогда и ее, и другие «отпочкования» этого проекта быстро ликвидировали. Например, был утоплен молодой человек, которым намеревались заменить погибшую Жанну д'Арк, – после того как он выявил неспособность выполнять функцию поднятия духа войска и народных масс, стихийно участвовавших в освободительной войне.

Екатерина Вторая (София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская) 2 мая 1729 года – 6 ноября 1796 года

*Императрица России в 1762
(1761) – 1796 гг.*

Я имела скорее мужскую, чем женскую душу; но в этом ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужчины соединялась во мне привлекательность весьма любезной женщины. Да простят мне эти слова и выражения моего самолюбия; я употребляю их, считая их истинными и не желая прикрываться ложной скромностью.

Записки Екатерины Второй

На этом свете препятствия созданы для того, чтобы достойные люди их уничтожали и тем умножали свою репутацию; вот назначение препятствий.

*Екатерина Вторая (в одном
из частных писем)*

Психологический феномен Екатерины Второй заключается прежде всего в искусстве использованных возможностей. Этой замечательной и неординарной личности, конечно же, не было бы в истории, если бы царствующая дочь Петра Великого Елизавета неожиданно для своего окружения не остановила свой выбор на Ангальт-Цербст-ской принцессе Софии Фредерике Августе как невесте для своего племянника – инфантильного и истеричного Петра Федоровича, определенного наследником престола в силу отсутствия альтернатив. Действительно, в наследниках Петра Первого уже не было даже тени его неугасимого пламени, жажды

новых свершений и бешеной энергии преобразователя. Но, как и многие незажженные звезды, оказавшиеся волею судьбы на престоле великой державы и исчезнувшие вследствие своей безликости и бездарности, звезда Екатерины Второй могла бы и не взойти на историческом небосклоне. Действительно, большого внимания аналитиков должен заслуживать тот факт, что, по свидетельству окружавших молодую принцессу людей, она, отправляясь в Россию, вовсе не намеревалась стать самодержицей. Выдающаяся личность могла бы никогда не раскрыться, явись миру в то патриархальное время сильный духом и властный мужчина, способный стать опорой в изменчивой и избилующей неожиданными поворотами жизни, готовый излучать любовь и умеющий властвовать, обуздывая бьющую ключом страсть. Вместо этого ей достался дегенеративный и нервный человечиска, прославившийся лишь малодушием, глупостью и чрезмерной болтливостью. Пожалуй, наибольшая ценность внутренних изменений личности Екатерины в том, что она, заботясь первоначально о физическом выживании, осознанно и с четко сформированной внутренней мотивацией приняла на себя столь тяжелую миссию, как управление Россией. Лишь в силу своих исключительных качеств, умелого и последовательного использования особенностей людской породы, следования четкой стратегии и искусного маневрирования в лабиринте дворцовых интриг ей удалось преобразоваться в яркую историческую личность, успешную самодержицу России и женщину, позволившую себе вкусить от древа познания. Без преувеличения, трансформация скромной восприимчивой принцессы из неприметного немецкого княжества с зыбким и почти лакейским положением в игрока ураганной мощи, способного на крайне рискованный и впечатляющий дерзостью дворцовый переворот, заслуживает внимания и уважения наблюдателя. Блистательное царствование в течение тридцати четырех лет стало результатом ее непрерывных внутренних усилий, способности очаровывать и умирять, умения покоряться и властвовать – словом, воплощаться во множество неслыханных образов, развившихся из странного симбиоза, казалось бы, не смешивающихся ролей.

Пилигрим в облике принцессы

София Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, прибыла в Россию еще совсем юной девочкой – ей не исполнилось и пятнадцати лет. Принцессе было предписано явиться ко двору

русской императрицы Елизаветы – с тем чтобы стать супругой великого русского князя Петра Федоровича. В этом факте нет ничего странного, если учитывать важность политических браков в средневековой Европе: с их помощью монархи укрепляли свои троны, расшатывая между тем чужие.

Хотя она определенно готовилась к перипетиям дворцовой жизни русского императорского двора, получив массу всевозможных инструкций от целого ряда высокопоставленных сановников прусского короля Фридриха, в России с первых же минут пребывания на новом месте началась настоящая борьба за выживание. Для выживания в чужой стране девушке необходимо было не просто соблюдать чрезвычайную осторожность, а на ходу обучиться искусству дворцовой мимики, всякий раз принимая ожидаемые формы и цветовую гамму, интуитивно угадывая внутренний мир окружающих ее людей, чтобы принять необходимый облик и вместе с тем тайно сохранить стержень собственной индивидуальности.

Это оказалось невероятно сложной задачей, для решения которой Софии пришлось сосредоточить все свои внутренние силы и знания. Чтобы победить орду конкурентов, бесцеремонно проталкивающих интересы своих фаворитов из различных дворов Европы, она должна была оказаться выше, образованнее и тоньше подавляющего большинства представителей властного бомонда, вызвав симпатии лучших из них и усыпив их бдительность чувственной и достаточно чуткой натурой, способной к невероятной гибкости и поиску бесконечных моделей общения. И конечно, главной задачей было понравиться императрице. Неожиданные изменения в ее жизни вызвали внезапное взросление, взрыв самостоятельности и раскрытие в себе удивительных способностей и внутренних резервов, которые подняли платформу ее сознания, самоидентификацию и осознание будущей роли на такой неожиданно высокий уровень, не оценить который было бы кощунством со стороны русского двора. Она всегда была настороже, а ее неугасимое стремление достичь высот власти уже в юном возрасте обрело очертания идеи.

Как всякая девочка, появившаяся в семье достаточно высокого рода, близкого к правящей элите (ее отец был принцем и губернатором города Штетина, а мать происходила из Голштинской семьи и была в довольно близком родстве с русским наследным князем Петром Федоровичем), София была ориентирована родителями и воспитателями на исполнение традиционной женской роли, а именно на будущий брак с высокопоставленным представителем королевской или

императорской семьи и безропотное исполнение супружеской и материнской функций. Действительно, родители принцессы настолько старались в продвижении интересов своей дочери, что уже к четырнадцати годам ее портрет странным образом, причем в глубокой тайне, попал в руки российской императрице Елизавете.

София была живой, общительной и весьма честолюбивой – родители сумели внушить ей уважительное, но без самомнения, отношение к себе. Ее тонкая душа в один момент оказалась на грани между пропастью и множеством препятствий на пути к ложу Петра Федоровича. Лихорадка фрустрации и глубокие переживания происходящего в очень короткий промежуток времени сделали ее взрослой; ее зрение и слух обострились, ее актерский талант прорвался наружу в отточенных движениях масок, а ее воля – основной и наиболее важный элемент сплава этой юной души – породила стойкое желание победы над обстоятельствами. Именно вследствие этих причин один из поздних исследователей биографии Софии очень удачно назвал ее «принцессой-золушкой», что является точным отражением ситуации и положения Софии на момент отъезда в Россию. К этому удачному определению стоит добавить тонкое замечание историка Ключевского о том, что ей с детства толковали, что она некрасива, и это рано заставило ее учиться искусству нравиться, искать в душе того, чего недоставало наружности. Возможно, принцесса действительно испытала слишком мало родительской любви, что усилило в ней эгоцентричное тщеславное начало; осознав необходимость полагаться во всем лишь на себя саму, она не только стала самостоятельной с очень раннего возраста, но и отказалась от мысли дарить собственные искренние чувства кому бы то ни было. Забегая вперед, отметим, что ни собственные дети, ни многочисленные фавориты не вызывали у нее чувства любви. Она долго плакала, узнав о смерти отца, огорчилась из-за кончины матери (которую она почти открыто не уважала за склоность и откровенную бездарность), падала в обморок от вестей об уходе в мир иной того или иного фаворита, но глубинная мотивация этой скорби касалась жалости и любви к себе самой. Истинная любовь была чужда этой девочке, чьи мысли с детских лет занимал лишь голый расчет на собственное возвышение, которое станет преградой для ущемления самолюбия и так часто сдерживаемой в годы детства и юности свободы действий.

София начинала не с нуля – ее воспитательная база могла какое-то непродолжительное время удерживать ее на плаву. Хотя объективный экскурс в историю ее воспитания неумолимо

свидетельствует о том, что родители дали девушке слишком мало для борьбы за выживание. Сама она проявляла мало интереса к учению и была скорее обыкновенной, не слишком избалованной девочкой, в меру впечатлительной, застенчивой и ориентированной на подчиненное положение в обществе. Более того, воспитание в крепости при одном из военных гарнизонов оставило в ней отпечаток строгой дисциплины и обязательности, что с годами трансформировалось в качество характера. А необходимость целовать край одежды высокопоставленных посетителей или посетительниц родительского дома не вызывала внутреннего сопротивления, укрепляя готовность исполнить традиционную женскую функцию. В своих «Записках» много лет спустя она откровенничала по поводу отсутствия мотивации к учению в детские годы – черта, свидетельствующая о некоей «нормальности», поскольку свойственна подавляющему большинству детей. Впрочем, некоторые из ее учителей старательно пытались восполнить брешь: к моменту отъезда в Россию София сносно владела письмом и не особо путалась в дебрях литературы, проштудировав все популярные для того времени комедии и трагедии. Она с детства воспитывалась на жестких пуританских правилах, что было совершенно необходимо для положения принцессы, а позже, по достижении высшей власти, тайком от всех окружающих всячески изгонялось из закостенелой души. В моменты же высшего напряжения нервов пуританские каноны сослужили Софии добрую службу, предопределив ее необыкновенное терпение, выносливость в неблагоприятных обстоятельствах и доброжелательный настрой по отношению к людям.

Все же главные качества ее души проявились в период гнетущей неопределенности. Время работало на нее, и она воспользовалась им сполна, не потеряв ни единой минуты. На ту работу, которую София проделала за первые полтора года в России до официального бракосочетания с Петром, у человека со средними способностями уходит от десяти до пятнадцати лет. При этом она вдруг обнаружила, что в каждый момент своей реальной жизни находится на сцене, на которую с интересом и любопытством взирает великое множество глаз: пытливых, хитрых, злых, понимающих, осуждающих и боготворящих. С поистине странной для пятнадцатилетней девушки сосредоточенностью София начала гигантскими темпами осваивать русский язык. Еще более тщательно, с какой-то остервенелой яростью девушка впиалась в изучение канонов православной религии, и особенно различий между православием и лютеранством. В отличие от своей матери она смекнула: без

принятия православия победа недостижима; а раз так, надо лучше узнать то, с чем придется жить всю жизнь. Зная его ближе, его можно понять и принять, а затем, может быть, проникнуться и полюбить. Через некоторое время София заявила, что видит слишком мало различий между религиозными правилами для того, чтобы это могло препятствовать принятию ею православия: шаг, который сразу расположил к молодой принцессе императрицу. Более того, когда девушка неожиданно серьезно заболела, то сама попросила прислать к ней православного священника вместо лютеранского пастора – даже находясь в нескольких шагах от бездны, София сумела использовать ситуацию, позаботившись, чтобы о ее неординарном поступке узнало как можно больше людей из окружения Елизаветы.

Все же развитие у себя гуттаперчевой психики не стало главным предвестником победы. Пожалуй, ничто так не поражало дипломатов и высокопоставленных чиновников в характере Софии, как ее чрезвычайная воля. Воля толкала целеустремленную девушку к проглатыванию бесконечного списка рекомендуемых ей прусскими сановниками книг: Плутарха, Цицерона, Монтескье, наконец, даже Тацита и Вольтера; причем большинство изданий ей любезно предоставляла Академия наук, а часть присылалась из-за границы. Ей было нелегко, но она заставляла себе неукоснительно следовать советам лучших мужчин, которые находились в непосредственной близости к властному олимпу европейских дворов. Воля руководила ее рассудком, держа его холодным и заставляя не воспринимать едкие безумные замечания Петра. Последний, казалось, задался целью известить невесту еще до свадьбы. То он сообщал ей, что влюблен в какую-то фрейлину, а ее не любит; то объявлял, что желал бы расстаться с нею; то поражал пронизывающей душу холодностью и сумасшедшим пристрастием к «увеселениям» и игре в солдатики.

Шаткий путь к трону

Хотя ключевой момент в жизни принцессы Софии произошел без ее участия, она сделала все, чтобы использовать открывающиеся горизонты почти неограниченных возможностей. Принцесса, впрочем, всегда помнила, что императрица Елизавета во время первой же встречи подчеркнула, что они происходят из одной семьи, а также тот факт, что выбор на нее пал лишь вследствие сентиментальности самодержицы, которая с какой-то упоительной радостью держала в памяти образ дяди Софии,

бывшего своего жениха.

Через полгода после прибытия в «страну медведей» София приняла православие, навсегда превратившись в Екатерину (имя было выбрано в честь Екатерины Первой, матери императрицы) и продемонстрировав пристально наблюдавшему за ней двору и дипломатическому корпусу «исключительное благочестие», выражавшееся в аккуратности в исполнении обрядов, знаниях и актерском выражении глубины душевного потрясения силой религии. Это оказался на редкость меткий выстрел: предприимчивая девушка убила сразу нескольких зайцев. Во-первых, она расположила к себе не только императрицу и двор, но и значительную часть народных масс. А во-вторых, она ловко противопоставила себя своему будущему супругу, который, кстати, прибыл в Россию лишь за год до нее самой и должен был проникнуться, как минимум, уважением к народу, которым он собирался управлять. Но родной внук Петра Великого и двоюродный внук шведского короля Карла XII так и не сумел привязаться к русскому народу; он относился к этой стране легкомысленно и даже с налетом злой иронии, на что Россия отвечала ему еще более откровенной неприязнью. Зная о небрежности Петра к религиозным обрядам, и потому подчеркнуто демонстрируя свое благоговение перед православной верой, она забила первый добротный клин между Петром и политической элитой России, которая всегда влияла на выбор монарха в смутное время.

Екатерина демонстрировала просто феноменальную последовательность действий, и в этом ее стратегия кажется очень похожей на стратегии выдающихся мужчин – государственных деятелей, полководцев и завоевателей. В шуточной автоэпитафии уже в зрелом возрасте она как-то записала: «Четырнадцать лет составила тройной план: нравиться своему супругу, Елизавете и народу – и ничего не забыла, чтобы достигнуть в этом успеха». Может быть, в написанном лишь часть правды, заключающейся в том, что действия Екатерины были вынужденными: природа ее стремительной атаки в значительной степени была упреждающим ответом на угрозу полного низвержения. Но главным штрихом в реализации жизненной стратегии этой на редкость смелой, расчетливой и решительной женщины оказалась полная готовность всех ее союзников к действиям в решающий момент. Это значит, что собственная психологическая готовность к захвату власти сформировалась у великой княжны задолго до появления удобного случая.

Энергичная молодая женщина сама организовала свой жизненный уклад. Находясь почти в полном одиночестве, не

считая слуг, в течение восемнадцати лет она усердно и необычайно терпеливо занималась самообразованием, изучая историю, литературу, философию и искусство управления государством. Это была мотивированная работа, принимая во внимание ее размышления даже о реформах в России. Кроме того, она ненавязчиво лепила свой имидж в среде политической элиты, понимая, что поддержка в критический момент – это выбор, сделанный на подсознательном уровне гораздо раньше. Она производила неизгладимое впечатление на лучших мужчин своего времени, пуская в ход наиболее действенное женское оружие – симбиоз обаяния и тонкого расчетливого ума. Историк Александр Брикнер упоминает даже такие хитроумные действия Екатерины, как задабривание во время различных приемов и вечеринок старушек с использованием громадного арсенала средств: от терпеливого выслушивания их маразматических историй до изучения дат их именин и неизменных поздравлений. Эти старушки внесли свою лепту в создание общественного мнения о великой княжне. «Не прошло и двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России», – писала потом императрица в своих «Записках».

С первого дня брака она намеревалась использовать любую уловку для приобретения даже мимолетной и тайной власти над супругом. Например, как указывал Александр Дюма, согласно древнему русскому обычаю, молодая жена должна была представить доказательства своей невинности, но в данном случае это было невозможно, поскольку акта близости не получилось. По совету какой-то придворной дамы за доказательство невинности выдали кровь петуха, но в итоге Екатерина приобрела некое временное влияние на мужа. Даже в этом маленьком семейном эпизоде проявляется фактическое соперничество жены с мужем; она с самого начала повела борьбу на уничтожение Петра как монарха, используя всевозможные средства для доказательства его несостоятельности в управлении государством.

Уже в то время проявилась необычная склонность Екатерины к авантюрам. Она, например, порой вставала в три часа утра и в мужской одежде с одним только егерем отправлялась на охоту или рыбалку, выходя даже в открытое море на утлой лодочке. Екатерина подолгу скакала верхом, нередко забираясь в глубину лесной чащи и не страшась одиночества, – этой страстной натуре нужны были потрясения и периодические разрядки. «В это время также у меня в кармане постоянно бывала книга, которую я принималась читать, как скоро была одна», – указывала она

позже. Зажатая в тисках политики, придавленная безликостью Петра, она жила, продолжая готовить себя к миссии, как Цезарь во время десятилетней Галльской войны перед переходом Рубикона.

В сложившихся обстоятельствах она должна была искать союзников и приверженцев, людей, которые сделают ставки на нее, а не на Петра. Великая княгиня и сама по себе притягивала сильных политиков, которые с ужасом взирали на продолжающиеся полубезумные военные игры Петра с лакеями и придворными. Поэтому неудивительно, что наиболее приближенные к верховной власти Кирилл Разумовский и Иван Шувалов сами предложили Екатерине свои услуги. Даже канцлер Алексей Бестужев, в свое время проявивший так мало радости относительно выбора Елизаветой Ангальт-Цербстской принцессы Софии, после аккуратных и ненавязчивых сигналов Екатерины пошел на сближение с ней. Один из наиболее влиятельных русских политиков того периода еще при жизни Елизаветы увидел в молодой княгине прочный внутренний стержень – то, что может стать опорой беснующейся во внутренних противоречиях России. Не решился он признаться в контактах с Екатериной и после неожиданного ареста – кто-то из конкурентов этого высокопоставленного чиновника оклеветал его перед стареющей и становящейся боязливой императрицей в надежде возвыситься самому. Ситуация, ставшая типичной в жизни монархий, едва не погубила Екатерину, заставив ее трепетать от мысли, что слишком откровенная для частного лица переписка с канцлером попадет в руки императрицы. Это была бы верная гибель. Однако внешне душевный стресс был почти незаметен: психологически она уже была готова ко всему и оставалась удивительно холодной в общении с окружающими. Она умела сохранять свои мысли во льду неприступности, демонстрируя удивительную легкость управления своими чувствами и ощущениями – качество, присущее наиболее развитым женским натурам.

Хотя после падения Бестужева положение великой княгини стало двусмысленным и временами казалось, что ее судьба висит на волоске, молодая женщина не потеряла присутствия духа, а ее на редкость изворотливый ум яростно и лихорадочно вынашивал планы изменения сложившейся ситуации. Действительно, она не стала бы известной исторической личностью, если бы не использовала многие критические ситуации для еще большего возвышения. Так было и на этот раз: когда ее мольбы получить аудиенцию у императрицы не увенчались успехом, она решилась на рискованное театрализованное представление. Екатерина

демонстративно слегла, якобы сломленная серьезным душевным недугом, а через некоторое время ночью инсценировала приступ и пожелала исповедоваться. Расчет был верен, потому что императрица была прекрасно осведомлена о глупости и бездарности Петра, и, конечно же, имела виды на Екатерину как на опору слабого наследника. О состоянии великой княгини тут же было доложено императрице, которая назначила свидание уже на следующий день. Во время этой аудиенции Екатерина разыграла еще более животрепещущий спектакль: упав к ногам владычицы, она умоляла о том, чего больше всего боялась, – чтобы ее отпустили с миром на родину. Елизавета пресекла эту попытку, фактически восстановив права, а заодно и перспективы великой княгини.

Однако ее положение после воцарения Петра III стало еще более двусмысленным и даже отчаянным. Новый император не просто игнорировал свою супругу, а выказывал вопиющее презрение – настолько открытое, что это тотчас было замечено дипломатами и передано в европейские дворы. Среди прочего, Петр стал на путь реализации своей давней навязчивой идеи, заключавшейся в устранении Екатерины и женитьбе на фрейлине Елизавете Воронцовой. С каждым днем напряжение нарастало, и угроза для Екатерины становилась все более явственной.

Екатерина стала активнее, и вся ее деятельность начала приобретать четкие контуры. Теперь она совершенно осознанно через близких ей людей, и в том числе используя возможности своих любовников, начала готовить военную машину для свержения своего потерявшего осторожность супруга. В подготовке переворота нельзя переоценить роль братьев Орловых, с одним из которых Екатерина состояла в любовной связи. Благодаря Орловым она могла рассчитывать на поддержку гвардейцев в самый ключевой момент политического действия. Екатерина в это напряженное время активно эксплуатировала все имеющиеся возможности и, будучи тонким знатоком человеческой натуры, делала ставки одновременно и на политическую заинтересованность иностранных держав, и на инстинкты и самые низменные желания людей. Она занимала большие суммы у иностранцев (например у англичан, благодаря развитию доверительных отношений с послом Англии в России Уильямсом) для подкупа солдат и офицеров. Раздавая им деньги от имени Екатерины, братья Орловы вызвали расположение к супруге воцарившегося внука Петра Великого у коллег и подчиненных, раздраженных непомерной муштрой на прусский манер – глупостью, которой, как неизлечимой болезнью, страдал Петр III.

Среди прочего она усиленно работала над формированием общественного мнения. Согласно воспоминаниям княгини Дашковой, после ряда происшествий и оскорблений Екатерины со стороны императора любовь и сочувствие к ней заметно возросли, тогда как Петр все «глубже и глубже падал в общественном мнении». Нет никаких сомнений в том, что с момента осознания Екатериной грозящей ей опасности она приступила к реализации плана захвата власти. Теперь уже не столько ради самой власти, сколько ради спасения своего положения. В действие вступил закон самосохранения.

К ключевому моменту – решению Петра устранить свою супругу – она уже контролировала ситуацию и держала в своих руках все нити, ведущие к заветной цели. Нужен был только подходящий момент, чтобы взять власть...

Царствование. Трансфер личности

В чем, однако, причина такой строгой и последовательной мотивации Екатерины Второй к знаковым преобразованиям и власти вообще? В действительности ее жажда властвования, как и у большинства других властвующих женщин, проистекала из самозащиты, и даже имея план переворота и захвата власти, Екатерина, возможно, никогда не решилась бы на его исполнение при отсутствии прямой угрозы для жизни. Но были и другие причины мотивации, резко отличавшие ее от всех окружающих. Она определенно жаждала оставить о себе память – в этом причина многих действий императрицы: в демонстрации заботы о народе, формировании общественного мнения о себе в Европе, в проведении военных кампаний, посвященных расширению территории России. Как всякое живое существо, она боролась за расширение собственного влияния в среде обитания – ровно настолько, насколько ей хватало понимания имеющихся угроз и преимуществ от их нейтрализации. За долгие годы, посвященные банальной борьбе за выживание, а затем укреплению своего почти всегда шаткого положения, она научилась обитать в напряженном состоянии экстремальных условий, невольно приобретая множество мужских качеств. Ведь, будучи женщиной, она была вынуждена бороться преимущественно с мужчинами во времена расцвета патриархата. После своей оглушительной победы и неожиданного воцарения она уже не могла в дальнейшем отказаться от применения проверенного арсенала средств для распространения своей власти. Это стало логичным продолжением отработанной в течение многих лет стратегии,

основанной на привычке бороться и достигать результата. Дальнейшая борьба, уже на новом уровне, подстегивалась не раз испытанным восторгом от наполненного пламенным азартом процесса достижения своих целей. Все вокруг Екатерины было окутано непостижимым духом непрерывно продолжающейся авантюры. «Кто когда сидит на коне, тогда сойдет ли с того, чтоб держаться за хвост», – заметила императрица в письме к своему фавориту Григорию Потемкину, раскрыв вместе с тем особенности собственного положения и определяемого им поведения. Вся последующая идеология Екатерины после прихода к власти коротко уложилась бы в тезис: «Изменение мира для себя». И она продолжала изменять мир, не стесняясь использовать ВСЁ и ВСЕХ вокруг себя. Так, она постепенно, по мере поступательного роста своего влияния, снимала с себя маски, одну за другой, пока наконец не обнажила свое истинное лицо. Пленяющее откровенностью лицо человека, напрочь лишенное гримас, чистый лик женщины, не опасющейся своих желаний и живущей в почти полном согласии с собственным «Я». Это было то, к чему она стремилась, хотя состояние абсолютного душевного спокойствия так и осталось вожаделенной и недостижимой мечтой...

Путь Екатерины был долгим и непростым. После восемнадцати лет терпеливой борьбы за трон началась другая борьба – за достижение всестороннего влияния в мире. На феномене отношений Екатерины Второй с мужчинами стоит остановиться детальнее, хотя бы потому, что со временем она научилась использовать партнеров гораздо больше, чем они ее. Любовь и радость интимных отношений всегда тесно переплетались с внутренней борьбой. Правда, безусловно, заключается в том, что еще с юности она неизменно испытывала трудность в борьбе с собственным влечением, которое оставалось в ней на протяжении всей жизни. Подавление неистовой чувственности лишь на первых порах приводило к душевным терзаниям. Действительно, чувства, испытываемые к Сергею Салтыкову и Станиславу Понятовскому, были даже не любовью – ее охватил какой-то пламенный восторг упоения, такая сильная страсть, что она то и дело теряла осторожность, не страшась потерять вместе с нею и голову. Григорий Орлов и Григорий Потемкин были для нее оазисами, где душа и тело не опасались собственной изнывающей чувственности и обратного превращения в женщину после длительных периодов жизни в мужской шкуре. Но, в отличие от первых, она уже искусно использовала вторых, манипулируя их чувствами, амбициями и инстинктами.

Переписка с Вольтером – отдельное направление деятельности императрицы. Прочитав несколько произведений выдающегося француза, она затеяла ненавязчивое общение посредством писем. Конечно, тут была несомненная обоюдная выгода: писателю льстило внимание императрицы великого государства, тогда как Екатерина рассматривала Вольтера как универсальный механизм распространения своих идей и приукрашивания собственного образа в истории. Примечательно, что ее письма, почти всегда с грамматическими ошибками, тщательно правилась, превращаясь в стройный ряд письменных доказательств изысканности ее ума. Она была уверена, что через Вольтера донесет некоторые важные послания неофициального формата до монархов-современников, что, присоединяясь к великому реформатору от литературы, она замечательным образом возвысится и сама. И Екатерина Вторая не ошиблась – это было попадание в десятку.

Кстати, использование переписки – далеко не единственный способ Екатерины Второй оставить след в российской и мировой истории. Механизмы напоминания о себе потомкам со стороны правителей развивались вместе с самим государством, и если чеканка монеты с собственным изображением и создание монументальных сооружений давно стало вековой традицией, то Екатерина забралась гораздо дальше в своем неумном желании запечатлеть в памяти планеты свое пребывание на вершине власти.

Она распорядилась выпускать медали по всяким знаменательным случаям, как, например, в ознаменование своего путешествия в Крым – земли, появившейся в Российской империи благодаря ее усилиям. А бесчисленная гвардия отборных художников по заданию ее сановников запечатлевала для потомков ключевые моменты ее деятельности на различных гравюрах и аллегорических полотнах. На одной из них «Екатерина Вторая у гроба императрицы Елизаветы Петровны», на второй – «Екатерина Вторая на балконе Зимнего дворца, приветствуемая войсками», на третьей – величественное «Коронование Екатерины Второй», на четвертой – «Суворов докладывает Екатерине Второй о планах боевых действий». Все они были предназначены для формирования образа великой, могущественной и непримиримой императрицы, вовлеченной во все государственные дела, осознающей свою историческую миссию. Среди прочего, обожествление образа предназначалось и для маскировки истинных эмоций и переживаний слабой женщины, которую даже произнесение вслух имени Пугачева приводило в неимоверный трепет и которая до лихорадочной

дрожь боялась гнева своего же возлюбленного Григория Орлова, порой позволявшего себе обращаться с нею, как со служанкой.

Подобно Цезарю или Агриппине Младшей, Екатерина Вторая взялась за написание «Записок». Она вполне осознавала, что неординарные и откровенные размышления со временем приобретут форму уникальной летописи ее времени, которое и впрямь было не самым худшим периодом правления. Стоит ли упоминать о том, что, как и в письмах к высокопоставленным друзьям из Европы, она неизменно приукрашивала ситуацию, с особой тщательностью выпячивая любой мало-мальский успех и еще более ловко маскируя неудачи и просчеты. Это, бесспорно, были элементы ее стратегического расчета, сознательной работы над собственным историческим образом, которому предстояло войти в Историю.

Российская императрица умело пользовалась всеми доступными технологиями манипулирования того времени. Например, она успешно запускала слухи, чтобы прозондировать почву того или иного готовящегося решения, и с не меньшим успехом через преданных ей людей узнавала истинные настроения народа или определенных групп людей. Правда и то, что, позволяя себе многое, преступая через общественные нормы и каноны, Екатерина Вторая никогда не позволяла себе полностью расслабиться и забыть об окружающих угрозах и проблемах. Само царствование было для нее приятным крестом, который она не согласилась передать даже сыну. Кстати, по все той же причине страха перед неопределенностью и боязни утраты влияния.

Вступив в беспрецедентную борьбу с мужским миром за власть, Екатерина Вторая была вынуждена чередовать мужскую роль с женской, причем нет никаких оснований полагать, что такой симбиоз был чужд и неприятен ее внутреннему естеству. Более того, ей все больше нравилось играть по мужским правилам: мир, созданный для удовлетворения патриархата, подходил ее страстной и эгоцентричной натуре. Семья, близкие, друзья, народное благополучие – все это слишком мало значило для женщины, которая заставила мир вращаться вокруг нее самой. Порой кажется, что два неугасимых и равновеликих чувства боролись в ней с невероятной силой: желание оставить после себя благоприятную информацию и жажда восполнить с лихвой все те радости, которых на протяжении трех десятков лет ее лишал окружающий мир: родители с их пуританскими ценностями; ненавистная традиция продавать высокородных женщин в замаскированное политическое рабство; вздорная императрица с ее вычурными дворцовыми правилами и полоумными

маскарадами; не любящий ее супруг; атмосфера интриг и сплетен; наконец, вечно бунтующий мятежный народ и шаткое международное положение. Ей порой хотелось сбросить маску и побыть собой, и, достигнув высшей власти и укрепившись в международном пространстве, императрица не желала отказываться от радостей, которые отныне были безнаказанными. Поиск простого, незамысловатого счастья, внимания и любви – то, чего она была всегда лишена, – нашел выражение в целом движении «фаворитизма», создании, по меткому выражению историка, «министерства любви». А. Кизеветтер так описывает хронологию поисков Екатерины: «С 1752 по 1758 г., пока была жива Елизавета, это – Салтыков и Понятовский. Екатерине было тогда двадцать три – двадцать семь лет. Затем следует ее одиннадцатилетнее сожительство с Григорием Орловым (1761–1772), попадающее на 30-е годы ее возраста. От сорока– до пятидесятилетнего возраста (1772–1780) Екатерина сменяет не менее девяти фаворитов. То были Васильчиков, Потемкин, Завадовский, Зорич, Корсаков, Стахийев, Страхов, Левашов, Ранцов. От пятидесяти– до шестидесятилетнего возраста Екатерины у нее сменилось не менее пяти фаворитов – Высотский, Мордвинов, Ланской, Ермолов, Мамонтов. Говорю: не менее, ибо остаются еще трое – Стоянов, Милорадович и Миклашевский, время связи которых с Екатериной не поддается определению. И наконец, последнее десятилетие жизни Екатерины – с 1786 по 1796 г. – в ее уже престарелом сердце царил Платон Зубов».

Она прошла свой земной путь, нередко проявляя слабость, спотыкаясь и совершая непростительные ошибки. Однако она действовала всегда живо, очень увлеченно, почти мгновенно вникая в суть происходящего, никогда не страшась корректировок и признания своих промахов. В довершение всего Екатерина Вторая проявляла себя правительницей с невероятно твердой волей и последовательной стратегической линией – именно эти качества вкупе с многочисленными элементами искусного представления себя в несоизмеримо лучшем свете в глазах всех прослоек населения России и Европы обеспечили ей признание потомков и выполнение исторической миссии, как и щедрое прощение всех ее грехов.

Елена Блаватская

**12 августа 1831 года – 8 мая 1891
года**

*Символ женской философской и
интеллектуальной свободы XIX века*

*Есть путь крутой и тернистый,
полный всевозможных опасностей, –
но все же путь; и ведет он к Сердцу
Вселенной. Я могу рассказать, как
найти Тех, кто покажет вам тайный
путь, ведущий только вовнутрь...
Того, кто неустанно пробивается
вперед, ждет награда несказуемая:
сила даровать человечеству
благословение и спасение. Того же,
кто терпит неудачу, ждут другие
жизни, в которых может прийти
успех.*

*Елена Блаватская, запись,
найденная в ящике
письменного стола после
смерти*

*Меня не заботит общественное
мнение.*

Елена Блаватская

Елена Блаватская являет собой необычный и крайне специфический для восприятия образ женщины-отступницы, колоритность которого в значительной степени предопределена фантастическими психическими возможностями, величественной духовностью и изумляющей силой интеллекта. Ее влияние на развитие человечества при всей противоречивости и сложности «Тайной доктрины» настолько ощутимо, что можно с полным основанием утверждать: эта неистовая женщина шла параллельным путем с самой цивилизацией, не без успеха пытаясь внушить Человеку, что развитие его собственного внутреннего мира гораздо важнее достижений науки и техники.

Не отвергая и не противопоставляя гулкий бой часов цивилизации тихому тиканью внутреннего духовного хронометра каждого жителя планеты, она предлагала путь развития личности, верховенство духовных ценностей и объединение различных культур под эгидой всеобщей духовной гармонии и совершенства.

Вполне естественно, что попытки создания некоего духовного сообщества планетарного масштаба, чувствительного к высшим формам знаний и принимающего наличие таких форм существования человеческой энергии, которые кажутся сверхъестественными, неизменно наталкивалось на возводимые обществом преграды. То, что делала Блаватская в восприятии современников, казалось многократным нарушением устоев. Во-первых, она презрела отводимую женщинам роль, с легкостью разорвав такие общественные цепи, как брак, зависимость женщины от родительского благословения, запреты на свободу передвижения. Во-вторых, продемонстрировала уникальную стратегию достижения успеха, противопоставив свой пылкий и беспокойный дух общественному мнению. Это был гигантский вызов обществу XIX века. Наконец, небывалая одержимость этой женщины привела ее к созданию собственного движения, лучезарной целью которого было «достижение божественного озарения» и обретение силы, кажущейся сверхчеловеческой. Этого общество простить ей не могло. Организовывая травлю и пытаясь трактовать созданное Еленой Блаватской движение как обычную школу психологии, оно вело борьбу с отступницей, одновременно страшась тех феноменальных способностей, которыми, безусловно, обладала эта неординарная женщина. Но она самостоятельно наделила себя мессианской функцией и в меру физических сил и отведенного Природой срока выполнила свою задачу, расширив, среди прочего, представления общества о возможностях женщины, ее роли и праве на самоопределение.

Нет смысла сводить изучение деятельности Елены Блаватской к попыткам выяснить уровень ее психических сил и найти подтверждение ее общественно-культурного влияния лишь в оккультном и мистическом контексте деятельности. Ее способности на самом деле были только опорной точкой движения, базисом, на котором сформирована мощь нетрадиционной философии. Психические силы в ее понимании служили дополнением развития духовного начала личности, а настойчивое убеждение людей в существовании «иных уровней бытия» связано с неослабевающим желанием обратить взор Человека внутрь себя, а не только на плоды цивилизации, которые всегда лишь разлагали обывателя. Не стоит также

полагать, что деятельность этой в высшей степени противоречивой натуры может быть поставлена в рамки некой последовательности – в этом еще одна, возможно самая удивительная, загадка женщины, сумевшей оставить после себя такой заметный и впечатляющий след.

Восемнадцать книг-биографий Елены Блаватской, многочисленные переиздания ее «Тайной доктрины» и переводы трудов на все европейские языки, а также на языки арабского и азиатского мира свидетельствуют о том, что эта женщина действительно внесла в существующий мир свое собственное зерно, наполненное новыми знаниями, сакраментальным смыслом и проникнутое великой идеей развития Человека. Это зерно проросло ныне, продолжая воздействовать на коллективный разум планеты, стремясь изменить самосознание человека и изгнать из его естества гнусное наследие цивилизации, которое развивается параллельно техническому преобразованию мира.

Юный медиум с мятежной душой

Невероятно сосредоточенная и впечатлительная девочка поражала окружающих с ранних лет. И даже не столько своеобразием чувствительности, странным пониманием устройства мироздания и необычайными способностями, сколько своим откровенно отрешенным характером. Она с детства вела себя с крайней эксцентричностью и неслыханной для девочки самостоятельностью, что в значительной степени являлось следствием тяжелой кочевой жизни с родителями.

Истоки ее ранней самостоятельности и совершенно неженской мотивации становятся вполне объяснимыми при пристальном взгляде на внутренний мир семьи, в которой она родилась, и условия, в которых она формировалась. Ее отец, Петр фон Ган, был артиллерийским офицером, полностью зависимым от Фортуны, которая диктовала назначения и приказы, подчиняла своей воле передвижения армий и военных частей. Под военную трубу, зовущую его в очередной поход, была вынуждена подстраиваться и вся семья, кочуя от гарнизона к гарнизону.

Наиболее важным для формирования характера девочки стал тот факт, что ее мать, Елена фон Ган, сумела продемонстрировать тихий, но достаточно ярко выраженный протест против своей жестокой и мизерной роли, отведенной судьбой. Жизнь этой интеллигентной привлекательной женщины, обладавшей редкой и тонкой чувствительностью, получившей аристократическое

воспитание и великолепное образование, омрачалась не столько жестокой необходимостью быть тенью своего мужа, сколько подавлением избранным мужчиной ее возвышенного восприятия мира. Как большинство военных, фон Ган, в котором текла немецкая кровь, а принципы традиционного немецкого порядка казались незыблемыми, был неисправимым прагматиком, для которого внутренний мир и чувства близкого человека были так же далеки, как проблемы обитания белых медведей за Полярным кругом. Там, где от него ожидалось сопереживание и участие, были лишь ирония и удивительное отсутствие такта, перерастающие порой в насмешки или, еще хуже, в грубые сардонические выпады, ранящие сердце, словно шпага фехтовальщика. Поэтому радость от ощущения себя женщиной-подругой и женщиной-матерью постепенно умерла в Елене фон Ган после множества бессмысленных переездов и осознания неудачного брака. Обманутые ожидания семейной жизни, может быть, не сыграли бы такой решающей роли, если бы с ними не оказалась тесно связана смерть новорожденного сына. Это потрясло молодую женщину, окончательно подорвав ее веру в необходимость покорного продолжения такого унылого жизненного сюжета. Самой Елене Блаватской в то время было меньше трех лет, но это событие оставило в ее психике такой же неизгладимый рубец, как и детские наблюдения за иступленной внутренней борьбой матери. Беспокойство и фатализм материнской судьбы, конечно, отпечатались на сознании маленькой девочки. По всей видимости, уже тогда формирующийся детский рассудок фиксировал неприятие такой судьбы, получая от изобретательной матери целительные инъекции чувствительности, приобретающие после синтеза контуры вожденной свободы и активности. Девочке передалась и повышенная чувствительность матери к восприятию окружающего мира, и непреодолимое желание самовыражаться. Ответом перевозбужденной психики стали ранние истерические состояния, а по некоторым свидетельствам, с девочкой случались даже припадки, судороги и галлюцинации.

Словно выражая несогласие с положением жены, преданно следующей по жизни за мужем, заботливо и безропотно взращивающей потомство, мать Елены Блаватской обратилась к интеллектуальному оружию как к немой, но очень яркой форме протеста. Обладая многими способностями, среди которых наиболее важными оказались энергичность и воля к жизни, одухотворенная женщина начала сосредоточенно писать, демонстрируя окружающим обратную сторону женской натуры, широту мышления и творческого полета. Ее произведения,

наполненные духом женственности и скорбью за отводимую роль, успешно печатались в столичных изданиях и были достаточно высоко оценены в мире литературной критики. Некоторые труды аналитики оценивали как крик души, повествования о своей горькой судьбе. Ее собственные чувства выражались через страдания героинь-женщин в несчастливом браке... Так оно и было, а писательская деятельность порой больше была психоаналитическим снадобьем, разговором с невидимым врачом, нежели методом самовыражения. Она также была способом тихого протеста против традиционной женской роли. «Все, чему с детства поклонялась я, было осмеяно его холодным рассудком; все, что я чтитела как святость, представили мне в жалком и пошлом виде», – исповедовалась Елена фон Ган через образ героини в одном из своих произведений. Хотя, среди прочего, писательница, скитавшаяся по дальним гарнизонам, получала гонорары, что само по себе было не меньшим вызовом окружающим, чем литературные пробы. Примечателен, кстати, факт, что гонорары за ее произведения тотчас тратились на образование девочек. Фактически, она ненавязчиво указала двум дочерям – Елене и родившейся после смерти брата Александра Вере, что существует путь к самостоятельному выбору. Но она все же была слишком слаба духовно и физически, чтобы попытаться открыто пойти наперекор обществу. Пути традиции и власть общественного мнения были невероятно могучими, приковывали женщин тяжелыми невидимыми цепями к жизненным устоям мужа, необходимости воспитания детей. И наконец, элементарная финансовая зависимость от мужчин, а также боязнь оказаться изгоем общества заставляли даже сильных духом женщин склонять голову перед требованиями эпохи.

Материнские уроки не прошли даром для старших детей – позже не только Елена Блаватская, но и Вера Желиховская станет писательницей, повторив путь своей матери, хотя и совмещая его с традиционной женской ролью хранительницы очага и воспитательницы потомства. Главным потрясением детства и окончательной вехой взросления для десятилетней Елены оказалась неожиданная смерть матери в возрасте двадцати восьми лет. Ранняя утрата резко обострила восприимчивость девочки, ускорила процесс взросления, разбудив в душе трогательный симбиоз безрассудной смелости и резкой нетерпимости к людям. Эта форма протеста чаще всего выражалась в высказываниях в лицо собеседнику всего, что она о нем думала. Ее душу переполняли бунтарские мотивы, неосознанная месть живому миру за неоправданную смерть любимого человека, переросшая со временем в неукротимость и

игнорирование общественно значимых табу. В маленьком сердце на долгие годы поселилась нелюбовь к людям и Богу, возвращающая зерно небывалого эгоизма и сардонического отношения к окружающему миру. Как никогда ранее, она принялась за поиски иного мира, существующего параллельно с реальным. Ее тонкая, еще детская чувствительность и необычайная впечатлительность привели к тому, что девочка стала выдавать воображаемые образы за реальные знания потустороннего и неведомого...

Не менее важной в формировании Елены оказалась роль бабушки по материнской линии, чье социальное положение позволяло дать внукам фундаментальное образование. Изучение языков, литературы, географии и истории было основательным и многогранным, а в высшей степени эмоциональное восприятие Еленой услышанного, увиденного или прочитанного говорит не только об уникальной впечатлительности, но и о растущей сосредоточенности. Прекрасно и без видимых шероховатостей сходясь с другими детьми, девочка все чаще предпочитала одиночество и самостоятельное созерцание мироздания: ассоциативное мышление и невероятное по размаху воображение вполне заменяли ей живое общение со сверстниками. В то время окружающие отметили просто фантастическую память Елены, ее необычное влечение к тайному и мистическому, а также некоторые происшествия, полуреальные и мало объяснимые для обычного человека. Взрослея, она все больше углублялась в чтение, и даже самый близкий ей человек – сестра Вера – признавалась, что особой дружбы между ними не существовало. Сосредоточенность на себе и своих ощущениях способствовала развитию фанатической любви к книгам, которые Елена поглощала сотнями: вымышленный мир, где царили воинственные и благородные образы и чарующими вспышками мелькали фрагменты цивилизации, был колоритнее и изысканнее напыщенной и лицемерной реальности. Грани ее чувствительности были такими нечеткими; они то возникали, то исчезали, переплетая вымысел с реальными образами, давая пищу для шокирующей окружающих необъяснимой информации...

Мятежная, свободолюбивая и крайне своевольная натура стремительно взрослеющей Елены полностью проявилась после переезда всей семьи в Грузию, когда она сама неожиданно спровоцировала стареющего чиновника Никифора Блаватского сделать ей предложение. Ее поступок обескуражил родных, но еще больше они были шокированы событиями, последовавшими за официальным замужеством Елены, которой еще не было

восемнадцать. Тогда стало ясно, что она явно не собиралась опутывать себя теми же цепями, что когда-то покорно приняла ее мать. Скорее, в действиях девушки легче усмотреть изощренную месть обществу, поставившему мужское начало выше женского. Это странное доказательство собственной самодостаточности имело особую важность для самой Елены: она силой воли уравнила себя в правах с мужским миром. После такого эксцентричного шага она могла безропотно двигаться дальше по жизни – одинокой и одухотворенной, как бы паря над сотворенными обществом идеалами и моральными принципами. В какой-то степени история с замужеством явилась более экспрессивным продолжением девичьего самоутверждения Елены, странного по сути, выражавшегося в оскорблении достойных представителей светского общества и в открыто демонстрируемом презрении к самым устоям морали и общественным правилам. Но эти действия вполне понятны с точки зрения внутренней психологической борьбы, результатом которой должна была стать самоидентификация, самооценка психически самодостаточного человека – в пике общественным нормам ущемленной и зависимой женщины в консервативной России. Небезынтересно, что Блаватская с отвращением относилась даже к внешним формам существования светского общества: наряды, балы и украшения казались ей губительными эрзацами духовной гармонии, попытками упрятать под бутафорию нелепость и примитивность существования человека. Елена в свои семнадцать точно знала, что не повторит судьбу своей матери!

По свидетельству сестры Веры, уже после свадьбы молодая жена высокопоставленного чиновника Кавказа собиралась бежать в Иран, но была выдана мужу. Автор детальной биографии Блаватской Сильвия Крэнстон утверждает, что в течение почти трех месяцев, которые после этого Елена провела с мужем под одной крышей, она не позволила ему прикоснуться к себе. Затем она организовала умопомрачительный побег, после чего, обманув законного супруга и всю родню, получила то, к чему вожаделенно стремилась: оказалась единовластным владельцем собственной судьбы. Без средств, без покровителей, без особенной четко сформулированной цели. Но это ее не смущало, она совершила главный шаг в своей жизни – бегство от уготованной обществом роли, достигнув нулевого рубежа – полной свободы действий.

Любую женщину, добровольно вставшую на самостоятельную, или, проще сказать, мужскую, тропу, в середине XIX века, подстерегали такие многочисленные и разнообразные ловушки, которые живущий уже даже в следующем столетии считал бы не чем иным, как выдумкой или, по меньшей мере, фатальной цепью случайностей. Женщина должна была представить неоспоримые доказательства своей самодостаточности и добродетельности, которые тестировались всяким обществом повсеместно. Самостоятельность женщины и, тем более, попытки какой-либо общественно значимой деятельности вызывали в обществе преимущественно бурное негодование, раздражение и желание вернуть отступницу на уготованное традицией место. Вырвавшись из оков семьи и не менее жестких общественных тисков не отличавшейся демократическими свободами России, Блаватская, похоже, вполне осознавала, с какими трудностями ей придется столкнуться. Она с тщательностью опытного старателя на золотых приисках взялась за создание маскировочной сетки для прикрытия любой своей деятельности.

Разрыв с обществом сам по себе требовал немалой решимости и воли, чтобы выжить в новой роли, поэтому Елене Блаватской требовалось самоутвердиться, демонстрируя окружающим необыкновенные знания, обаяние и волю. Ей необходимо было найти себя, идентифицировать с конкретной деятельностью. Для начала она решила стать человеком мира, свободно перемещающимся по планете и использующим камуфляж беспристрастного исследователя земных тайн.

Действительно, было бы непростительным и необоснованным преувеличением считать немислимые по драматизму и легкомыслию эпизоды последующих двадцати лет ее жизни после бегства из России единой и однородной цепью целенаправленных попыток найти себя. Это был тревожный и тернистый путь, и вел он совсем не на олимп признания. Для начала ей необходимо было разобраться с собственными целями и средствами. В мире, где понятия перетасовывались так же легко, как меченые карты, рассчитывать на любовь и признание было куда сложнее, чем научиться танцевать на туго натянутом канате. Хотя годы не прошли даром: она научилась быть изворотливой и вкусила много запретных плодов. Два десятилетия после бегства оказались временем нескончаемого мытарства и тщетных попыток найти свою нишу.

Ей пришлось испробовать многие роли. Одно время она, рискуя жизнью, испытывала себя как цирковая наездница. И однажды чуть не погибла под копытами лошади. Потом она сопровождала богатых светских дам из России, прислуживая им

до тех пор, пока отвращение не захлестывало ее, как гигантская волна накрывает обреченную лодку. Всякий раз Блаватская заставляла окружающих восхищаться собой. Она влюблялась, пытаясь найти радость в романтических отношениях с мужчинами или просто предаваться радости телесной близости ради плотских ощущений. Небезынтересны свидетельства самой Блаватской о том, что в первые годы исканий ей нередко приходилось переодеваться в мужскую одежду, например при посещении Индии и Египта. Это само по себе говорит о сложностях для женщины XIX века действовать в мужской плоскости. Но и не только. Елена Блаватская уже в молодости продемонстрировала готовность к изменению образов, необыкновенную изобретательность ума и бесконечное упорство. На фоне чувствительной восприимчивости и яркого демонстративного темперамента, балансирования на грани с подкупающей мужчин истерией это был неплохой арсенал средств. Необходимость выживать в суровых жизненных условиях не только закалила молодую женщину, но и научила ее применять асимметричные приемы – то, чего не ждали в мире господства мужчин, в мире, где женщине путь к успеху был заказан по половому признаку. Хотя в своей внутренней сосредоточенной борьбе она всегда оставалась одинокой, как уныло мерцающий маяк на далеком краю каменистого, глубоко вдающегося в море мыса. Свой двадцатый день рождения она встретила в полном отчаянии, без единого близкого человека рядом, сходя с ума без человеческого тепла. Отступница, как и в детстве, она не чувствовала ответственности ни перед кем, всегда с показным равнодушием относясь к родственникам и любящим ее людям. В своих бесконечных поисках душевного равновесия и любви она стала агрессивным существом, прячущимся под маской женского очарования и интригующей таинственности, высасывая из окружающих все, что они могли дать.

Как бы там ни было, с возрастом развивалось и ее специфическое отношение к людям, в которых она все больше усматривала подходящий или, наоборот, непригодный материал для своей деятельности. «Елена Петровна стала обращаться с людьми, как пчела с цветком, – с неутомимым упорством собирала нектар», – с правдивой откровенностью замечает Александр Сенкевич. Чтобы прослыть медиумом, Елене Блаватской необходимо было быть резкой, властной и излучать мистическое сияние тайны, которую не способны постичь окружающие. Она уловила: люди всегда будут, как мухи на мед, лететь к неведомому свету тайны. И это фатальное влечение она ненавязчиво использовала в течение всей жизни, пророчески

заметив однажды, что тяга некоторых людей к потустороннему неотвратимее, чем половое влечение. При этом она не менее ясно осознавала, что, играя на самых тонких струнах человеческого восприятия и манипулируя чужим сознанием, она должна как можно резче отличаться от окружающих. Часть ее силы должна была проистекать из контраста и необыкновенного блеска собственной упаковки, приковывающей внимание каждого, кто соприкоснется или увидит необыкновенное чудо.

Елена Блаватская смело действовала, создавая неповторимый образ медиума, таинственного и уполномоченного посредника между земным миром и великим Космосом. Могла ли она не поразить современников? Они были обречены попасть под мощный пресс ее всеобъемлющего обаяния, харизматической одержимости и какого-то странного умиротворенного фанатизма. Хотя она не отказывала себе иногда опускаться до земного и ощущать себя просто женщиной-колдуньей, бросающей вызов встреченным на жизненном пути людям. Эта выставаемая напоказ порочность и высота полета, неведь как уживающиеся в одной душе, имели и внешние формы. Елена стала заядлой курильщицей, она испытывала пьянящий восторг обволакивающего облака гашиша, ее ужасающее пристрастие к обильной еде (возможно, развившаяся в годы голодных скитаний) и разрушительный образ жизни рано обезобразили тело непомерной полнотой и заложили целый сонм различных болезней, мучивших женщину в преклонные годы. Она могла и обольстить мужчину, если ей того хотелось, но объективно Елена Блаватская гораздо меньше других известных представительниц слабого пола эксплуатировала сексуальную сферу для достижения своих целей. Скорее, жажда любви сама по себе становилась для нее промежуточной целью, когда истощенные оккультизмом душевные силы нуждались в восстановлении. Тогда она в захлестывающем все ее женское естество порыве жаждала человеческого тепла. Много позже ее основной сподвижник Генри Олкотт заметит, что «каждое ее слово и каждый ее поступок говорили о безразличии к сексу». Хотя Елена Блаватская встретила Олкотта уже во время угасания своей женственности, правота ее соратника, очевидно, в том, что идея для этой женщины всегда стояла выше любви и секса. Это свидетельствует об исключительно мужской черте ее странного и воинственного характера.

Появлению на свет ростка идеи, как это обычно бывает, предшествовал суровый кризис, низвергший женщину почти на самое дно жизни. Ветер скитаний занес ее в Нью-Йорк, где Блаватская вдруг осознала, что она – потрепанная жизнью, почти

отчаявшаяся и стремительно стареющая особа, обитающая в одном из беднейших кварталов формирующегося мегаполиса. Она превратилась в жалкое измученное существо, похожее на потерпевший крушение и дрейфующий в неизвестном направлении корабль, когда неожиданно получила известие о смерти отца и причитавшейся ей как наследнице некой сумме. Она сумела привести себя в относительный порядок и трезво посмотреть на жизнь вокруг. Америка сотрясалась от нового захватывающего бума – спиритизма. Предприимчивый и гибкий ум Блаватской тотчас оценил открывающиеся возможности. Разыскав местных медиумов, она изысканно преподнесла свое недюжинное психическое дарование. И ее, как волна прибоя, захлестнуло неожиданное внимание окружающих, явившееся предвестником успеха.

Совершенно очевидно, что идея символизации восточной мудрости и проповедование мирового братства на фоне противопоставления идеалов Востока ценностям Запада вызрела не сразу. Но жажда познания некой высшей мудрости, необходимость самоидентификации и самореализации гнали эту смелую и на редкость рискованную женщину на поиски своей ниши в этом суетном сумбурном мире. Как всякой женщине, ей хотелось очаровывать, производить впечатление, и, осознавая, что век ее женской привлекательности слишком короток (в том числе и из-за неводержанности и безалаберного отношения к собственному здоровью), она томила поиском такой формулы, которая дала бы ей пожизненную власть над окружающими. Признание тешило ее самосознание, служа убедительным подтверждением тому, что она живет не зря, а ради некой высшей идеи; оно же подталкивало и к настойчивому поиску методов влияния на массовое сознание. Хотя сама Блаватская в зрелые годы отрицала и даже многими своими действиями отвергала позиции доминирования, тем не менее скрыто или явно она стремилась к влиянию на формирование системы ценностей современников, а значит, и на общество в целом. Подобно тому, как наиболее чувствительные экзистенциалисты последующего столетия уловили «болезнь души» индустриального человека, постепенно превращающегося в универсального, духовно опустошенного биоробота, Елена Блаватская в течение двух противоречивых десятилетий своей внутренней трансформации осознала необходимость создания нового направления, затрагивающего изменение духовных ценностей. Вопрос для нее стоял гораздо глубже некой гуманизации корчащегося в болях мирового сообщества. Путешествуя по всем мыслимым уголкам Земли, заглянув даже в такие дебри, куда ступала нога лишь

редкого смельчака, она всюду ощущала запах людской крови, жажду агрессии и беспримерной борьбы за пространство. Действительно, ее ранние поиски мудрости и философского камня там, где уже царила цивилизация, не увенчались результатом, о чем она откровенно поведала друзьям. Эти исповеди приходятся на гораздо более ранний период, чем ее американское восхождение к успеху. И это свидетельствует о том, что она уже тогда упорно искала себя и место, где могла бы с гордостью и спокойствием заявить о какой-то новой масштабной идее. И если эллинская культура и даже тайны Ближнего Востока ее разочаровали так же быстро, как напыщенный литературный бомонд Парижа и Лондона, то манящие демонические тайны труднодостижимых Гималайских гор и Тибета, открывая невиданные перспективы, пленяли ее воображение, прежде всего своей непостижимостью и сложностью, что делало возможным проведение различных манипуляций с обществом, задуманных ради самого общества и его спасительницы, открывающей путь к совершенствованию. Бесчисленное количество раз она мысленно прорабатывала такую идею, и космический полет мысли привел ее к смутному осознанию объединения в единое пространство культовых тайн религии, запредельных возможностей философии и научного познания.

Хотя сама Блаватская за несколько лет до смерти отмечала, что первые визуальные посещения ее великими Учителями пришлось на двадцатилетний возраст, то есть уже через два года после бегства от семьи, создание контуров собственной великой идеи завершилось лишь через два десятилетия непрерывных поисков. Это была неутомимая работа, и весьма сложно уловить, где заканчивалась мотивация выживаемости и начиналась мотивация самореализации. В течение всей ее сумбурной жизни эти две составляющие мотивации тесно переплетались. В напряженные годы скитаний, нужды и неутоленной любви у Блаватской появилось стойкое желание участвовать в работе, которая «послужит раскрепощению человеческой мысли». И тогда же, вероятно, с целью преодоления сопротивления общества своему собственному духовному раскрепощению, она начала характеризовать свои действия в исполнительской форме, осторожно упоминая некий неосязаемый мистический образ «пославшего ее». Это было логично и благоразумно, учитывая отношение общества к женщине как к носителю идеи. А кроме того, тогда же она заметила, что таинство и сложный для понимания высший сакраментальный смысл весьма эффектно ударяют по сознанию окружающих, не только сбивая их с толку, но и заставляя отказаться от исключительно рационального

восприятия мироздания. Преподнося себя как инструмент некоего высшего разума, она не только переносила себя в иную, недостижимую для обычного человека плоскость восприятия, но и снимала с себя всякую ответственность за действия и, естественно, за ошибки и просчеты. Тема присутствия высшего разума и благословения ее деятельности периодически поднималась Блаватской в течение всей жизни. При этом наиболее скрупулезные исследователи отмечали, что Учителя появлялись в наиболее сложные моменты, когда требовалась демонстрация высшей силы. А письма, которые присылали Учителя, почему-то были написаны на французском языке, причем часто с грамматическими ошибками.

Ее устремления носили исключительно конструктивный характер, и в этом контексте крайне важны две детали: Блаватская опиралась на конкретные, приобретенные в ходе странствий обширные знания, и эти знания, преобразованные в центростремительную энергию духа, она намеревалась применить вовсе не для завоевания мира или приобретения дешевой популярности; она пыталась влиять на эволюционные процессы, осознавая, что для этого необходимо многогранное и осторожное воздействие на все сферы человеческого бытия – от общественно-политического движения в массах до глубинного психологического влияния на психику конкретного индивидуума. Такое понимание свидетельствует не только о гигантском багаже знаний, приобретенном женщиной с хрупкой психикой, но и о том, что она очень чутко прислушивалась к тиканью часов цивилизации, улавливая необходимость переосмысливания многих догм. Подобно тому как она отвергала чье-либо навязчивое влияние, так и собственное старалась распространять не ураганным ветром, а тихим поступательным расшатыванием основ существующей мировой системы координат. Наверное, она осознавала, сколь сложна поставленная перед ней задача, сколь призрачной и ускользающей может показаться цель... Но, в отличие от мужчин с рациональным прагматическим мышлением, Блаватская взялась за этот тяжелый плуг вполне осознанно, лишь в одном оставляя путь к отступлению – в возложении ответственности за результат на некие мистические образы, наблюдающие за развитием земной цивилизации с недостижимых космических высот. Еще в начале пути Блаватской один американский ученый, встретив ее, заметил, что женщина оперировала парафразой Евангелия от Иоанна: «Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня». Елена Блаватская говорила о своей миссии: «Не мой это труд, но пославшего меня». В этой связи некоторые исследователи не преминули отметить, что эту

«Сфинкс XIX века»

К реализации идеи Блаватская подошла на редкость последовательно и целенаправленно. Например, тщательное изучение ее беллетристических публикаций из Индии под псевдонимом Рады-Баи, по мнению многих специалистов, свидетельствует прежде всего о желании популяризировать цивилизацию Индии в западном мире. Это была подготовка почвы для внедрения в общественное сознание, причем не на каком-нибудь географически ограниченном пространстве, а на всей планете. Небезынтересно, что Блаватская местом публикаций об Индии выбрала Россию, через которую новые зерна могли быть занесены дальше на Запад. Тут лишь частично может быть учтен тот факт, что она не до конца овладела тонкостями английского языка. Скорее, в таком подходе можно усмотреть четкий расчет, заключенный в особой ментальности русской души, безусловно более восприимчивой и чувствительной, чем душа любого другого обитателя Земли. Во всяком случае, так рассуждала русская женщина, объехавшая полмира и смело взявшаяся за перо.

Начиная предприятие, сколь зыбкое по сути, столь же и сложное для восприятия современным обществом, Елена Блаватская действовала не хуже искушенного политика. Для начала она сформировала некий закрытый клуб сподвижников, допущенных к части таинств. Очевидно, главным ее приобретением стал Генри Олкотт, журналист по профессии и скиталец по духу. Сближение с ним совпадает со временем разрыва Олкотта с семьей, поэтому не исключено, что Блаватская приложила определенные усилия к тому, чтобы с корнями и навсегда вырвать этого чувствительного к сверхъестественному мужчину. Олкотт был как крепкий, но заброшенный корабль без капитана, чем умело воспользовалась предприимчивая женщина. С момента приобретения Олкотта она могла возложить на его плечи все административные задачи, включая и поиск средств на путешествия. Он же с фанатичной преданностью распространял о ней различные статьи, безбоязненно для своей репутации ввязываясь во всякого рода скандалы, сопровождавшие Блаватскую в течение всей ее жизни. Впрочем, скандалы, как и всем обладателям новых идей, Блаватской шли на пользу – о ней узнавало все больше людей, часть из которых присоединялась к различным отделениям созданного ею Теософского общества. С

присутствием Олкотта она приобретала официальность, а сопровождение ее, женщины, мужчиной снимало все курьезные моменты восприятия творческого процесса любым сообществом. Взамен Генри получил высшую должность в созданной Блаватской организации – Теософском обществе, призванном стать могучим бастионом распространения ее идей. Кстати, в самом создании общества коренилась еще одна немаловажная цель – его появление отсекало от имени Елены Блаватской всех тех, с кем она действовала ранее, применяя медиумические способности. Собственная организация тотчас подняла ее статус, узаконив и придав общественную значимость всей ее деятельности.

Со временем число влиятельных соратников Елены Блаватской начало расти, она же с особым чувством относилась к журналистам, прекрасно понимая их возможности в распространении своих идей. Для их привлечения в свой лагерь она не жалела ни сил, ни времени. Так, приехав с Олкоттом в Индию, она сумела произвести такое впечатление на редактора авторитетной газеты «Пайонир»

Альфреда Синнетта, что он на всю жизнь остался ее сторонником, другом и распространителем ее идей. Более того, этот бессменный часовой оккультной империи был уволен из газеты как раз за чрезмерную рекламу и пропаганду Блаватской в доверенном ему издании.

А в то время как Олкотт и Синнетт поддерживали воительницу в мировом газетном пространстве, она сама двигалась дальше, основав (естественно, за средства сподвижников) журнал организации «Теософист». Конечно, целью первого издания теософов, так же как и других версий материализованного распространения идей Блаватской (например, журнал «Люцифер»), менее всего была самореклама общества. Она избрала испытанную тактику атак – так, наступая на церковные догмы, она противопоставляла им мудрость Древнего Востока. Небезынтересно, что Блаватская очень четко оперировала законами суггестии¹, выстраивая свои утверждения в таком воинственном и продуманном порядке, что они, как ровная македонская фаланга в многочисленном, но плохо управляемом персидском войске, пробивали бреши в сознании, заставляли вздрагивать и трепетать перед неведомыми тайнами Вселенной. Она искусно оперировала символами, нередко сводя внушаемость текста до своеобразной молитвы, отождествлявшей апелляцию к инстинктам и даже к иррациональному. Совершая публичные культы, она неизменно входила в транс, и тут женские эмоции, часто являющиеся преградой для женщин, служили Блаватской

верой и правдой, сокрушая недоверие сомневающих.

¹ *Суггестия* – внушение.

Как и можно было ожидать, следующими шагами должны были стать собственные книги, несущие в мир отголоски новой философии и даже намеки на новый миропорядок. Если газетная статья живет день, а журнал – месяц, книга должна была продлить жизнь высказываемым идеям на долгие годы. Так родилась «Разоблаченная Изида» – трибуна для изложения основных принципов теософского учения. Примечательно, что уже в предисловии Блаватская обозначила целые группы будущих противников произведения, в чем просматривается изумляющая уверенность автора в том, что книгу прочтает огромное количество народу, – вера в собственное шествие по миру родилась в ней задолго до появления на свет канонических трудов. Удивительно, но и «Изиду», и главный труд своей жизни – «Тайную доктрину» – Блаватская писала, постоянно перемещаясь. Путешествия, как ни странно, были для нее дополнительным способом напоминания о новой философии, способом оставить след в истории. За ее посещениями стран и народов тянулся длинный шлейф региональных отделений Теософского общества, а растущее число сподвижников всяческими способами распространяло о ней информацию, вольно или невольно рекламируя дивную личность. И конечно, во время путешествий она старательно изучала круг потенциальных знакомых, ненавязчиво выбирая известных и влиятельных в обществе людей для общения. Порой она обжигалась, как со Всеволодом Соловьевым, распространившим о ней изобличительное повествование и сделавшим ее в глазах российского общества шарлатанкой. Но чаще Блаватская приобретала друзей, отсылая старательно составленные письма всем тем, кто мог помочь Теософскому обществу словом или средствами. Хотя, будучи транжирой и никогда не задумываясь о тратах организации, Блаватская не интересовалась обогащением. Деньги были для нее, как и для многих великих мужчин и женщин, лишь средством достижения цели.

Обретя идею, Блаватская получила и устойчивую мотивацию деятельности, яркую, как Солнце, и всеобъемлющую, как Вселенная. С мотивацией она обрела и некое душевное равновесие, поддерживающее ее слабеющее тело. Ей теперь было для чего жить: она должна была написать ПОСЛАНИЕ последующим поколениям. Неудивительно, что, уже будучи совершенно больной и измученной многочисленными недугами (среди которых самым болезненным бременем были пораженные почки), она взялась за «Тайную доктрину». Фантастический по

охвату и глубине и вулканический по смелости труд, вырываясь клокочущей лавой из-под земной коры, должен был взорвать представление современного человека о действительности и дать ему ориентиры построения дальнейшей земной жизни. Елена Блаватская задумала скачок в вечность и даже в бесконечность. «...Никому еще не удавалось посредством "фокусов" повлиять на умы стольких талантливых людей...Эта книга говорит о религиях всего мира, прослеживая или раскрывая единство, лежащее в основе всех религий... Это одна из самых замечательных и вдохновляющих книг, написанных за последние сто лет» – так оценивал «Тайную доктрину» через полвека после ее появления на свет Джордж Рассел.

Но весь арсенал воздействия Елены Блаватской оказался бы набором бессмысленных игр, если бы она не работала почти до полного изнеможения. Она действительно была совершенной труженицей, порой перерабатывая один эпизод в течение многих часов и даже всю ночь напролет. Лишь изредка, после полного психического истощения Блаватская раскладывала пасьянс, пытаясь расслабиться после ежедневной многочасовой работы. Она не прекращала писать и тогда, когда ее одолевали многочисленные болезни. Елена Блаватская сумела быть полностью сосредоточенной, и это является главным условием ее успеха, ключевой тайной ее странной и порывистой жизни. «Мне осталось жить не слишком много, и за эти три года я научилась терпению. Со здоровьем лучше, но вообще-то оно вконец подорвано. Мне хорошо, только когда я сижу и пишу; не могу ни ходить, ни стоять больше ни минуты», – писала она в одном из своих многочисленных посланий. Безусловно, письма можно рассматривать как часть самостоятельно создаваемой легенды о себе, но, объективно, последние полтора десятилетия ее жизнь протекала в одном-единственном фокусе – создания знаменательного учения о человеке.

Миссия как высшая степень акцентуации

Принимая во внимание, что восприятие людей базируется на материалистическом – осязаемом и ощущаемом «человеческом», и не имея подтверждений явления Блаватской Учителей как источников неких высших знаний, есть смысл сосредоточиться лишь на этой области «человеческого» с точки зрения стандартного восприятия этой неординарной женщины ее современниками и потомками, отбросив мистическую составляющую, в которую можно лишь верить или не верить.

Исходя из принятых условий, стратегия поведения Елены Блаватской выглядит впечатляющей и оригинальной в контексте влияния на окружающий мир. Человек всегда благоговеет перед тем, что он бессилиен понять и объяснить, дух мистики и тайны довлеет над любой, даже очень сильной личностью.

Некая графиня Вахтмейстер, находившаяся рядом с Блаватской во время работы над «Тайной доктриной», отмечала множество удивительных совпадений при получении необходимых сведений для книги: из писем друзей, при просмотре газет, журналов или еще каким-нибудь иным способом. Нет смысла спорить, было ли это случайностью, или информация посылалась свыше. Ясно одно: мы имеем дело с высшей формой сосредоточения, которая превращает мозг человека в четко настроенный радар, подключая к информационно-энергетическим источникам Вселенной, что вовсе не кажется выдумкой теософов.

В течение всей жизни Елена Блаватская неизменно утверждала, что ее жизнь является великой миссией. Подчеркивание своей исключительной миссии на Земле было для Блаватской по целому ряду причин гораздо важнее, чем для выдающихся мужчин, которые применяли этот прием.

Во-первых, чтобы ослабить настороженное восприятие ее как женщины, вторгшейся в исконно мужскую сферу – нести новую мысль и новое учение. В этом контексте понятие «миссии» служило неким магическим символом неприкосновенности и, вероятно, первоначально было связано с условиями выживания в обществе. На последующих этапах деятельности и внедрения своей идеи в мировое пространство именно принадлежность к миссии позволяла Блаватской открыто смеяться над общественным мнением; в противном случае это было бы чрезвычайно опасно и даже невозможно.

Во-вторых, опора на миссию как на нечто новоявленное дает возможность создать Организацию и Трибуну. Таким образом, само понятие миссии оказалось базовой опорой для создания совершенно необходимых механизмов для распространения идеи. Этими механизмами должны были стать Теософское общество и его различные печатные издания, которые распространяли по миру зерна идеи Блаватской, как ветер разносит зерна растений. И наконец, только опора на миссию, принятую и признанную в мировом сообществе, позволяет создавать пророческие труды, апеллирующие к будущим поколениям. Таким трудом стала «Тайная доктрина».

В-третьих, миссия всегда в движении, в борьбе, что придает ей признаки жизни и динамичности. Ведение борьбы с

придуманными врагами – прием, который не раз успешно использовал Бисмарк. Елена Блаватская обладала редкой решимостью начать наступление на самые мощные бастионы с гигантскими административными и финансовыми ресурсами. Чего только стоит сокрушительная интеллектуальная атака на архиепископа Кентерберийского через журнал организации «Люцифер». В материале, распространенном в пятнадцать тысячах экземпляров (!) – тираж, которому могли позавидовать даже некоторые рвущиеся к власти политические партии, – приводились неоспоримые доказательства извращения англиканской церковью учения Иисуса. Елена Блаватская очень хорошо понимала, что склока со слабым противником комична, а вот скандал с крупной силой – это путь к признанию, успеху и распространению учения повсеместно.

В-четвертых, говоря о миссии, стоит заметить, что чьи-либо откровения о собственном бремени нести в мир НЕЧТО, причем данное СВЫШЕ, всегда окутаны сакраментальным облаком таинства и неизменно вызывают интерес или просто любопытство, что можно было использовать для формирования по всей планете сообществ сторонников и защитников. На практике так оно и вышло: благодаря бесчисленным путешествиям с флагом великой миссии в руках Елене Блаватской к концу жизни удалось создать и поддерживать около 200 представительств Теософского общества. Эти островки «мирового блока Блаватской», когда возникала необходимость, вставали на ее защиту; они же и понесли идею дальше после ее смерти. Такого успеха в области распространения идеи по миру не удалось достичь даже Карлу Юнгу, который позже вспахивал очень похожее поле. Однако Елена Блаватская просчиталась в другом – она не сумела сблизиться с наукой, придав оккультной сфере облик растянутого во времени познания. Именно по этой причине теософские идеи этой могучей женщины несколько померкли с ходом часов Истории. Проблема оказалась в том, что ее признают как выдающуюся личность, а вот достойных последователей, способных развить ее учение, не оказалось. Может быть, потому, что главной опорой у Блаватской оказалась ее собственная харизма и энергетическая сила, тогда как научность подходов Карла Юнга обеспечила ему гораздо большие перспективы, выраженные желанием многих молодых исследователей пойти его путем и развить его учение.

Наконец, главное, что мы должны сказать о любой миссии, – только она придает человеческой деятельности растянутость во времени и принадлежность к вечности. Пророк всегда покрыт приторным и благоговейным налетом времен, знаний, которые

складываются благодаря тонкому пониманию предшественников и умножаются после собственного ухода как послание в века, во Вселенную. Понятно, что далеко не каждый может объявить о собственной миссии, для этого необходимы не только знания, но и определенная харизматическая сила, обаяние разума и полет души. Елена Блаватская имела такую силу, которую развила самостоятельно или (если мы принимаем ее как магического медиума) при помощи более высоких сил.

Вполне естественно, что такой путь нельзя было пройти без шероховатостей: у Блаватской появились многочисленные недруги и обличители. Ее обвиняли в мошенничестве и шарлатанстве, но она хранила спокойствие, ибо была исполнена веры в себя и свое учение. А еще потому, что у нее не было иного выхода, как сохранять свою линию и действовать сообразно однажды избранной стратегии. Кажется, никто из ее многочисленных биографов не сказал о ней лучше, точнее и объективнее, чем беспристрастно взиравший на ее жизнь сквозь толщу столетия Александр Сенкевич: «Она промелькнула в земной жизни азартной потворщицей веселым необыкновенным фантазиям и капризным незабываемым мечтам! Как слабая тень сбитой влет птицы, она пронеслась над Землей. Никто из живых не распознал ее агонии, и потому ни жалости, ни сострадания не снискала она, представ, наконец, пред людьми в сиянии Вечности».

Мария Склодовская-Кюри

7 ноября 1867 года – 4 июля 1934 года

*Символ успеха женщины в науке.
Первая женщина и первый ученый в
мире – дважды лауреат Нобелевской
премии*

*Основное правило: не давать
сломить себя ни людям, ни
обстоятельствам. Не
усовершенствовав человеческую
личность, нельзя построить лучший
мир. С этой целью каждый из нас
обязан работать над собой, над
совершенствованием своей личности,
возлагая на себя часть
ответственности за жизнь
человечества.*

Мария Склодовская-Кюри

Даже далекие от науки люди слышали об этой легендарной женщине, положившей свою жизнь на алтарь достижений в большой науке. Почитание ее образа в мире столь велико, что достигает уровня благоговения: Мария Склодовская-Кюри – дважды лауреат Нобелевской премии, ее биография переведена на двадцать пять языков, ее образ увековечен в скульптуре, ее имя присвоено многим институтам. Этот знаковый символизм отражает отношение общества к женщине-ученому, первой женщине-профессору Сорбонны, первому в мире ученому, удостоенному Нобелевской премии дважды, а не просто подведение итогов исследований и научных достижений отдельно взятого человека, посвятившего жизнь беззаветному служению великим научным открытиям.

В судьбе этой выдающейся женщины наложился зловещий отпечаток расплаты за внедрение в запретную зону – еще один экспрессивный элемент, усиливающий восприятие ее как исторического персонажа, тень тайны, скандала и сенсации, мрачно окутывающая контуры хрупкого, воздушного создания, бросившего вызов вечности. Такие судьбы всегда приковывают

внимание, внушают трепет и изумляют неистощимостью воли. Такие образы, пожалуй, нужны человечеству для создания бессмертных символов, для культа отдельных качеств и способностей, что призвано подтолкнуть обычного среднего человека отнестись с большим уважением к самому себе.

Хотя, конечно, во многом она оставалась лишь женщиной: слабой, незащищенной и несчастной. Но объективно образ Марии Склодовской-Кюри сродни образу Прометея: она «выкрала» у Природы гигантскую силу, без колебаний и бескорыстно передав ее людям и... безбоязненно положив жизнь на алтарь малопонятных достижений. Впрочем, у нее, как и у многих великих женщин, не было иного выбора.

Праведница по наследству

Рождение и воспитание в благочестивой семье польских интеллигентов, пожалуй, оказалось ключевым моментом детства Марии Склодовской, усиленным суровыми, порой бездушными условиями существования, обостренным чувством ущемленного национального сознания из-за безжалостного культурного прессинга царской России, а также ранней потерей матери и старшей сестры. Мария была пятым, и самым младшим, ребенком в семье, и смерть матери от чахотки, наверное, больше всего сказалось на ней: балуемая на правах самой младшей из детей, она в то же время в силу юного возраста и близкого контакта с матерью восприняла ее ранний уход с наибольшей тоской. Горькие и трогательные впечатления случившегося породили в ней почти никогда не покидающее ее ощущение тревоги. Восприимчивая и легко ранимая душа, она не замкнулась в себе полностью, потому что семья у нее была дружная. Но по сравнению со старшими братом и сестрами после смерти матери девочка приобрела какой-то библейский оттенок одухотворенности и неестественной для ее возраста серьезности, что подчеркивалось все ухудшающимися условиями жизни семьи.

Не лишним будет упомянуть, что значительная часть проблем, обрушившихся на семью Склодовских, была связана с тихим, но ощущаемым в семье протестом против навязываемых Россией культурных ограничений поляков, и особенно против пресмыкательства перед завоевателями той части польского общества, которая намеревалась процветать в любых политических условиях. И если мать Марии, управлявшая женским пансионом, была вынуждена оставить работу из-за тяжелой, неизлечимой болезни, то отец, преподававший в

мужской гимназии, поплатился увольнением как раз за свои политические убеждения. Коварство судьбы не могло не отразиться на мировоззрении детей. Юные Склодовские заметно выделялись как своей бедностью, так и необыкновенной старательностью и воинственностью как компенсацией ущемленной национальной гордости и сложившихся социальных условий. Им приходилось рано взрослеть, осознавая и принимая ответственность и за собственную жизнь, и за жизни близких. Скороспелая самостоятельность и ранняя мотивация знаний отличали всех детей Склодовских: трое из них окончили гимназию с золотой медалью. В этом факте, конечно, заложено определенное противоречие, связанное с дезориентацией. Дети не знали, как им выжить в этом сложном и хрупком мире, в котором реальность, как в кривом зеркале, искажается сообразно социальному положению и богатству определенных членов общества. Позже, уже достигнув изумивших мир успехов на поприще научных открытий, Мария высказет открытое презрение к средней школе, не воспитывающей ничего, кроме банального послушания и бездумного поклонения статистическим знаниям. Возможно, это негодование, как и попытка создать свой подход к обучению детей, является не чем иным, как реакцией на собственное детство с хорошими отметками, но абсолютно без каких-либо перспектив и маяков для выбора жизненного маршрута.

Но, признавая и уважая высокий интеллектуальный уровень родителей, получив в процессе воспитания большие дозы структурированных знаний именно от отца с матерью и осознав в гимназии превосходство знаний над невежеством как некий козырь в тайной и явной социальной борьбе, дети Склодовских сосредоточились на образовании, не имея пока понятия, где его можно применить. Вернее, у каждого птенца гнезда Склодовских жило свое романтическое представление о том, как распорядиться своей жизнью, но за осознанием необходимости университетского образования не было ничего ясного и понятного. Не было осязаемых идей и пламенных намерений бороться за них. Присутствовало лишь болезненно выпячиваемое чувство человеческого достоинства и уважения интеллектуального начала в личности, а также верховенство знаний в ценностной ориентации семьи. Неудивительно, что открытый вызов обществу, где социальное положение в большинстве служит определяющим фактором восприятия и отношения к человеку, стал отличительной чертой детей Склодовских. Окружающие не раз замечали откровенно мятежное, независимое поведение маленькой девочки, которая своей

демонстративной горделивостью, опирающейся на основательное знание школьных предметов, просто компенсировала повсеместно прививаемое ощущение ущербности и второсортности из-за бедности и скрытого политического гонения отца Склодовского.

Девушка с каждым годом взросления сосредотачивалась все сильнее, словно невероятно упругая пружина, сжималась в себе, не выпуская своих внутренних ощущений, но набирая силу знаний и готовность в любой момент разжаться с блистательной, непредсказуемой мощью. Решительно менялись даже книги, которые она поглощала с ненасытным аппетитом прожорливого грызуна. Но на смену романтическим приключениям пришли серьезные произведения. Именно семейные проблемы ускорили формирование мотивации достижений. Нарастающий стресс формировал устойчивое желание действовать. После каникул нужда и полное отсутствие перспектив встали перед Марией во всей своей неприглядности. Уверенная в себе, необузданная и впечатлительная молодость выдержала это тяжелое испытание, встав на твердый путь непрерывного поиска. Не зная иного способа, кроме борьбы и неутомимого накопления знаний – качество, привитое отцом, – Мария пытливо и осторожно, будто сапер со щупом, зондировала свои реальные возможности.

Необходимость зарабатывать средства на жизнь толкнула семнадцатилетнюю медалистку на путь преподавания популярных дисциплин, а еще немного позже она стала гувернанткой – скользкая и очень непростая плоскость для начинающей карьеристки. Кроме родного польского девушка к тому времени прекрасно владела немецким, русским, французским и вполне сносно – английским. Тогда она еще не имела стройных планов относительно своего будущего, но знала наверняка: она обязана сама заработать на обучение в университете и, более того, должна быть готова помочь старшей сестре, подавшей в Париж на учебу и едва сводившей концы с концами. Шесть тяжелых лет скитания по чужим семьям оказались самым действенным бальзамом, самым главным моментом формирования личности – замкнутого в себе, параноидально сосредоточенного на своей цели бойца. Именно эти годы резко отдалили ее от старшей родни. Самая старшая сестра, Эля, была озабочена единственным вопросом – устройством своей жизни в качестве подруги какого-либо мужчины. Брат Юзеф успел сесть в своей поезд, увозящий его в многолетнее путешествие по миру знаний, чтобы сделать обычную мужскую карьеру. Самая близкая по духу сестра Броня в это время осваивала курс заманчивой и почти божественной для Марии Сорбонны, причем отчаянно борющаяся за собственную

судьбу девушка еще и высылала сестре деньги на учебу. Отныне пустое времяпрепровождение – посещение балов, танцев и светские сплетни – начинает раздражать Марию, что является верным предвестником появления более четкой идеи. Девушка еще не знает, какой путь был бы для нее правильным, но под влиянием воспоминаний о физических опытах дома, о разных приборах, продемонстрированных отцом, она начала все свободные минуты отдавать физике.

Мария медленно постигала ключевые нюансы в написании сценария своей жизни. Во-первых, она должна быть независимой и научиться рассчитывать лишь на себя. К этой мысли ее подводила суровая и непреклонная действительность: целых шесть лет безропотного и бесперспективного «хождения в чужие семьи» только добавили комплексы и усилили угнетенное состояние прогрессирующего стресса. Кроме того, она пережила еще одну, возможно самую большую, душевную трагедию – безответную любовь к выходцу из более высокого сословия, покоровшемуся своему социальному статусу и отказавшемуся от любви очаровательной бесприданницы. Девушке из бедной семьи, даже если она умна и мила, нечего рассчитывать на любовь и на то, что ее примут в светском обществе, твердо уяснила Мария. Искренне презирая пустоту жизни состоятельных людей, она, сама того не осознавая, одновременно нанесла удар и по своей чувственности, начав процесс если не стирания, то полного игнорирования своей половой принадлежности. Она твердо встала на путь отчуждения, бегства из мира романтики и счастья. На первое место отныне выходит необходимость реальных и весомых общественно значимых достижений, которые могли бы ее удержать на плаву, позволить помогать стареющему отцу и при необходимости компенсировать бедность и невысокое происхождение. А еще ее достижения должны быть настолько значительными, чтобы с лихвой компенсировать или хотя бы аргументировать ее неженское поведение. Женственность, очарование, любовь вытесняются из сознания напряженными усилиями воли, которая отныне управляет сосредоточенностью на более понятных ценностях. Такой осязаемой целью, ведущей к независимости и способности распоряжаться своей собственной судьбой, а может, даже к определенной самореализации, могло быть образование. И образование в той стране, где роль женщины не была такой ограниченной, скованной унылыми взглядами консервативного общества, как в стиснутой внешнеполитическими оковами Польше. Не без участия отца и старшей сестры Мария остановила свой выбор на Франции, на Сорбонне – европейском средоточии передовой мысли.

Что толкнуло хрупкую искательницу счастья в вечные объятия науки? Эта девушка рано повзрослела, пережив достаточно горя и разочарований, столкнувшись с ощущением покинутого на большой дороге ребенка, своей социальной ущербности и несчастьем своего народа. Все это прямо отражалось на построении модели ее жизни, сковав сумрачными путями бедности и наградив глубоко скрытым комплексом униженности. С другой стороны, именно в семье была сделана первая целительная прививка, избавляющая от восприятия себя как второсортного члена общества, а обширные, устойчивые знания создали стойкий иммунитет от болезненной неполноценности, которой страдают многие люди, оскорбленные социальной иерархией. Знания, последовательно заполняя все жизненное пространство Марии Склодовской, начали тихо владеть всем ее естеством, постепенно разрушая ту часть ее консервативных представлений о роли женщины, которая была наиболее хрупкой и неустойчивой. Особенности ее мышления и воспитания содействовали единственно понятному пути к свободе, опирающемуся на применение независимого мышления. Девушка устремилась туда, где существовала возможность, где брезжил божественный свет вожделенных изменений, где она могла бороться с наибольшими шансами на успех. Вот почему была избрана такая не свойственная женщинам плоскость, казалось бы, сухая и лишенная эмоций сложная деятельность мозга. Это было приемлемое поле для военных действий с обществом и с самой собой. Никакой другой альтернативы науке она просто не знала...

Действительно, Мария с девичества обрекла себя на пожизненную активность в науке: ее фобия остаться за бортом жизни в то время, когда родственники уже определились с ключевыми вехами своих биографий и вместе со стареющим отцом взирали на младшую Склодовскую с трепетным и одновременно требовательным ожиданием, дала продолжительную инерцию. Инерцию в виде отрешенной деятельности на том поле, где она нашла возможность изменить свой жизненный уклад. Не свойственному обычному человеку состоянию полного сосредоточения на учебе способствовала высокая цена за обучение в Сорбонне. Ощущая себя обязанной родственникам за оторванные от семейного бюджета крохи, хоть и чрезвычайно экономно используемые ею для получения образования, Мария пыталась выжать из себя все, хотя до этого учебу своей старшей сестры на медицинском факультете

оплачивала она сама совместно с отцом. Теперь же, оказавшись в Сорбонне, о которой девушка грезилась столько лет, она полностью сосредоточилась на своей цели, как тибетский монах, вытеснив из жизни все остальное. Буквально голодая и замерзая, лишив себя даже мелких радостей и общения с кем бы то ни было, она работала над освоением основ науки по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Нередко случалось, что она теряла сознание от слабости и недоедания, от умопомрачительного затворнического образа жизни, в котором находилось место лишь для образования и науки.

Только в этом Мария усматривала зацепку, и вполне естественно, что сознательный и где-то вынужденный отказ от женского сценария жизни сформировал в ней мужскую установку и мужской уклад. В течение всей жизни она неизменно носила темные длинные платья, простые по покрою и наиболее дешевые. К страсти эта женщина относилась с откровенным подозрением. В одном из писем своей дочери она написала: «...обманчиво ставить весь интерес к жизни в зависимость от таких бурных чувств, как любовь». Мария вступила на мужскую ниву, и у нее были лишь те возможности, которые должны бы признать мужчины: результаты конкретных достижений в конкретной специфической области человеческой деятельности. Впрочем, она осознавала, что ей досталась более тяжкая ноша, чем любому из окружающих ее мужчин, – ведь мужской мир крайне неохотно признает, что женщина, существо более хрупкое, более подверженное колебаниям и более ранимое, способна покорить те же высоты, что и мужчина. И в результате всегда противится желанию женщины уравнивать права в каком-либо особом виде деятельности, впустить женщину в элитный клуб, где совершаются некие культовые, исключительно мужские таинства. Именно такой областью были научные достижения – исконно мужская вотчина. И в этом контексте даже непреклонная позиция Марии Склодовской в отношении интервью средствам массовой информации, заключающаяся в максимальной маскировке собственной личности, имела определенно зловещий для пола подтекст: она выставляла себя всегда только ученой, но никогда – женщиной. В ее поведенческих реакциях на внешний мир, в какой-то трагической застенчивости и странном стремлении скрыть присущую женщинам эмоциональность содержится и невольная визитная карточка «мадам Кюри», весьма похожая на отличительные черты Эйнштейна. Пользоваться самыми простыми вещами, забыть об изысканности одежды и многогранности окружающего пространства, противопоставляя сомнительным декорациям только собственный могучий

интеллект. В этом и тайна, и непостижимость для обывателя, и сенсация, и вызов. Но для Марии Склодовской-Кюри в этом заключается и отказ от женского начала, понятной женской роли, а заодно и от обычного человеческого счастья. Словно извиняясь за свой странный для обычной женщины жизненный уклад, Мария заметила на закате жизни: «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую вела я... Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, это простой семейной жизни и работы, какая их интересует». И она не лукавила! Потому что роль женщины-жены и подруги, которую на несколько лет подарила ей судьба, была много комфортнее и приятнее, нежели почетный, но мрачный удел воительницы от науки.

Но, конечно же, взявшись в Сорбонне за широкую лямку физика, она мало задумывалась над очевидными догмами. Слишком важно было наверстать упущенное в течение шести долгих и самых тревожных лет заведомо бесперспективной службы гувернанткой. Время лишений, когда отказ от внешних радостей на многие годы стал жизненным кредо удивительно целеустремленной девушки, невольно порождая сходство с другим историческим персонажем – сосредоточенным мрачным затворником Кембриджа Исааком Ньютоном, – открыло новые реалии перед польской отшельницей, ищущей счастья вдали от родины. Но дело тут не в образованности и формальном постижении премудростей, которые предлагают преподаватели. Четкая психологическая установка на результативность деятельности, к которой примешивается жажда творческой свободы, делает разум чутким и податливым, отвергающим внешние раздражители, сосредоточенным на наиболее важных действиях. В этом природа и таких поступков Марии, как решение защитить дипломы сразу по двум дисциплинам: физике и математике. Она еще не знает, зачем ей это, но все та же инерция прежнего страха, желание доказать свою жизненную состоятельность, пригодность, продемонстрировать родные формальные достижения не дают ей успокоиться и толкают дальше и дальше в глубь научных джунглей. Как ни странно, но колесо Фортуны очень последовательно: каждое сверхусилие рано или поздно оплачивается еще одним железным зубом, который проворачивает заманчивую шестеренку, выдвигая ищущего на новую ступень. Так случилось и с Марией, которой как наиболее достойной студентке, а фактически за продемонстрированные в Сорбонне результаты польский Фонд Александровича неожиданно определил солидную стипендию на будущие пятнадцать месяцев. «Надо верить, что ты на что-то годен и этого "что-то" нужно достигнуть во что бы то ни стало», – написала она

в тот период брату, который готовился защитить докторскую диссертацию. Но эти слова в гораздо большей степени были обращены к самой себе: ведь это «что-то» она еще не нащупала, а образование само по себе было всего лишь продолжением зондирования своих возможностей, механическим поиском спасительных зацепок, а не звеном в цепи достижений. Движение в унылом, кажущемся бесконечным лабиринте знаний продолжалось; никто пока не собирался подарить ей нить Ариадны.

Бесспорно, ключевым моментом в жизни Марии Склодовской, прилежно и настойчиво овладевающей сокровищницей Сорбонны, стало замужество. Девушка, которая намеренно вычеркнула из своей жизни любовь и надежды на обыкновенное счастье в браке, вдруг вернула себя в лоно традиций. На первый взгляд непоследовательный шаг на самом деле был с максимальной точностью физика взвешен и просчитан. Конечно, не последнюю роль в принятии такого судьбоносного решения сыграло подсознательное исконно женское стремление быть подругой и помощницей мужчины, вынашивать и взращивать совместное потомство. Это вряд ли доминирующее стремление заметно возросло после того, как при первом приближении стало ясно: Пьер Кюри не станет подавлять ее желание раскрыться в качестве самостоятельного независимого игрока в науке. Более того, молодая женщина явственно почувствовала, что судьба дает ей в руки тот уникальный случай, когда сосредоточенный на достижениях мужчина готов предложить своей подруге пройти путь вместе с ним или самостоятельно, на ее выбор. Потому в своем сдержанном влечении к Пьеру Кюри, мужчине, почти на десяток лет ее старше, достигшем к моменту встречи определенного положения в научном мире, Мария уловила, что рядом с этим человеком вполне возможно кажущееся на первый взгляд невероятным балансирование между ролями. Ее ждало фантастическое, почти немислимое раздвоение личности, у которой один внутренний голос твердит об искусстве материнства и поддержания теплого огня в очаге, а второй ненасытно вопит о неясной самореализации. Но женщина не испугалась и сделала шаг. Да и могла ли она поступить иначе? Ведь она была прежде всего женщиной, вырванной из контекста своей исторической и социальной среды, и эти ограничительные рамки, словно тиски, вынуждали придумывать изощренные способы для того, чтобы изменить естественные, продиктованные Природой функции. Кажется, с замужеством в жизни Марии существенных изменений не произошло: как и раньше, она продолжала искать свое место в научном мире, разве что

благодаря интеллектуальному авторитету Пьера Кюри эти поиски стали более структурированными. Она осознавала, что для ее идентификации как исследователя необходимы вполне определенные результаты конкретных исследований, поэтому неудивительно, что, усердно пробиваясь на место преподавателя средней школы, она с еще большим напряженным сосредоточением посещала лабораторию института. Продолжался тщательный поиск такого поля деятельности, где можно было стать первооткрывателем и где результат мог бы оказаться весомой оценкой, достаточной для присутствия женщины в сугубо мужском клубе, причем не в качестве помощницы, а в качестве равноправного игрока. Пьер уловил эту противоречивую нотку в стремлении жены, но она не вызывала у него дискомфорта, напротив, ему импонировала мысль, что спутница его жизни окажется самостоятельным пионером бесконечного неосвоенного пространства науки.

По всей видимости, Пьер Кюри и подсказал своей избраннице, что область изучения неких странных излучений (позже названных Марией Кюри радиоактивностью) является перспективной идеей, и главным образом для реализации цели, довольно скромной для активного физика, но определенно неординарной для женщины: написания и защиты докторской диссертации. Однако, скорее всего, даже маститый ученый был удивлен, как далеко завело усердие его жены. Мария шла той дорогой, которую выбрала во время горьких дум о своем будущем в бытность, когда она была всего лишь гувернанткой. Теперь, когда она обрела друга и любимого мужчину, ее работа стала более спокойной, зато не менее сосредоточенной. С замужеством ее деятельность старателя в науке, которая была преимущественно следствием внутренних терзаний, стала делом всей жизни, поддерживаемым любимым человеком. Это оказалось одним из наиболее важных внутренних изменений у Марии, поскольку трансформировалась и ее мотивация. Раньше из страха оказаться на обочине жизни она вела боевые действия на всех фронтах, отныне она имела два очень четко выраженных поля: ответственность за семейное благополучие и доказательство своей профессиональной пригодности.

Женщина-Прометей

Похоже, что все великие идеи обретают истинные крылья реальности лишь в суровой борьбе, когда человек находится на грани между срывом и сумасшествием, с одной стороны, и

невероятной, но с трудом осознаваемой победой – с другой. Первое сулит забвение, второе – славу. Тот, кто страстно и отрешенно борется и у кого действительно нет пути к отступлению, забывает о масштабах собственных усилий и действует, отдавая себя идее без остатка. Он словно рубит наотмашь, вкладывая всю силу, что есть внутри, сосредотачивая в одном месте всю колоссальную энергию отрешенности, бесконечную, всепробивающую силу отчаяния, равных которой нет в Природе. Именно поэтому наскок получается такой ошеломляющей мощи, что порождает величайшие достижения, которые раньше казались выдумкой фантастов.

Пьер Кюри трагически погиб в центре Парижа – в дождливый весенний день он случайно попал под груженую повозку. Не кто иной, как этот тихий и бесконечно сосредоточенный человек, в ходе многолетних совместных исследований подготовил Марию к самостоятельному плаванию в бурном и противоречивом потоке научных исканий. Вдвоем они настолько углубились в исследования радиоактивности, что никто в стране после неожиданной трагической смерти Пьера не мог бы быть большим авторитетом, чем его жена. И главное – их успех был официально подтвержден и зафиксирован: можно не признавать могучий женский интеллект (что упорно делала Французская академия наук, не принимая Марию преимущественно по половому признаку), но нельзя игнорировать такие общественные оценки, как Нобелевская премия или признание научным миром Великобритании открытий четы Кюри. Поэтому поставить Марию Кюри в зависимость от любого французского ученого было бы некорректно и даже просто неприлично. Марии в это время было тридцать восемь лет, а за плечами – признание миром научной состоятельности четы Кюри, неординарной и даже странной пары, плохо понимаемой во Франции. Принимая во внимание, что к моменту гибели Пьер Кюри руководил в Сорбонне кафедрой физики и лабораторией по изучению процессов радиоактивности, под нажимом общественного мнения и самого трагического обстоятельства смерти ученого, решением совета факультета естествознания Марии Кюри была передана кафедра и присвоено звание «профессор». Таким образом, впервые в истории Франции женщина стала профессором, впервые в истории французской высшей школы женщина возглавила кафедру и целое направление в науке. Вместе с этими фактами начала набирать мощь и сенсационно-сакраментальная волна, сопровождавшая последующую затворническую жизнь ученой дамы, которая немало способствовала распространению о ней мифов и историй, а заодно и, как это ни удивительно, служившая рекламой самой

Кюри, а также связанным с ней научным идеям. Если к моменту смерти Пьера фамилия Кюри стала повсеместно известной, то к моменту ухода самой Марии она превратилась в настоящий франко-польский бренд.

«В этот апрельский день мадам Кюри стала не только вдовой, но и одиноким, несчастным человеком» – вот предельно честное откровение дочери Марии Кюри, написавшей о матери исполненную пафоса, но вполне точную книгу-монумент. Оно одновременно дает и доказательство обратной трансформации личности ученой, но уже с багажом признанных и потрясших научный мир открытий. Женщина подсознательно вернулась к монашескому образу Марии времен покорения Сорбонны, но теперь ее отшельничество приобрело оттенок культа, оно было овеяно пеленой трагизма и немеркнувшей славы, задевающей даже толстокожего обывателя. Ее последующие вояжи в Соединенные Штаты, деловые путешествия по Европе отчетливо продемонстрировали, что само сочетание слов «мадам Кюри» приобрело оттенок изумляющей сенсации, невиданного вызова женщины общественному восприятию ее традиционной роли. Как ни странно, но именно в этом мир усматривал великолепие общения с «мадам Кюри», а вовсе не в осознании ее научных открытий. Ученых много, женщина такого масштаба – одна. Своей деятельностью Мария Кюри, не задумываясь, породила полоролевую уникальность. Научные открытия и их повсеместное признание выделили ее из женского сообщества, а факт полового различия обособил ее в ученом мире. Вот главный штрих жизненной стратегии этой женщины, которая, скорее всего, никогда не формировала каких-нибудь долгосрочных стратегий. Даже тогда, когда она осталась одна и продолжила исследования, а в конце концов получила радий в чистом виде, даже тогда она больше следовала внутренним эмоциональным порывам, чем разработанным на долгие годы планам. Ее деятельность после гибели Пьера Кюри стала во многом воплощением ожиданий общества. Она стала свидетельницей национального траура по ученому, появления улицы с его именем, института – всех тех символов увековечивания, которые говорят о почитании и благоговейном отношении к праху великого человека. Любопытно, что все это сопровождалось кампанией клеветы против самой Марии; незадачливые и ущербные околонучные головы (каких большинство в любой Академии наук) пытались отделить от ее мужа... И снова, как во времена, когда она была рядом с Пьером на вторых ролях и многими окружающими воспринималась только как жена и помощница ученого (возможно, вдохновляющая его, но никак не совершающая

самостоятельные научные шаги), одинокая упорная женщина должна была продемонстрировать свою «самостоятельную состоятельность», оказаться достойной продолжения того пленяющего масштабами семейного дела, которое они начали вместе с мужем. Эта состоятельность подтвердилась через пять лет после потери Пьера: вторая Нобелевская премия, на этот раз по химии – за выделение чистого радия, должна была расставить точки над «i» и очистить ее имя от всяких подозрений.

Имея на руках двух дочерей и престарелого свекра, Мария Кюри взвалила на себя заботы о семье. Сама того не ведая, женщина с мантией ученого самого крупного калибра, солидного администратора в высшем учебном заведении и терпеливого исследователя лаборатории все больше приобретала облик мужчины, вела мужскую деятельность и проникалась мужской психологией. Ее полоролевая функция окончательно изменилась, когда под ее началом появился Институт радия. Чем больше Мария становилась символом женщины, проникшей в самое лоно науки, тем меньше женского оставалось в ней самой. Соприкосновение с мужским миром достижений, конкуренция сначала в стенах Сорбонны, а затем в паре с мужем со всем научным миром (пусть в подсознании, но эта конкуренция объективно существовала уже потому, что Пьер Кюри был сосредоточен на научных достижениях и открытиях, а его откровенное презрение к формальным отличиям являлось не чем иным, как сублимированным свидетельством целенаправленной борьбы) начали растворять женское начало в Марии. Ее же уход в невидимую келью научного мира, замкнутость пространства, в котором она сознательно себя содержала (в том числе и под гнетущим впечатлением из-за потери спутника жизни), привели к почти полному отмиранию женственного...

Дети и семья – область, о которой следует сказать особо, когда это касается такой выдающейся ученой, как Мария Склодовская-Кюри. С одной стороны, мы имеем дело с отрешенностью, граничащей с безумием, отвержением реального мира, игнорированием общепринятых ценностей и такое презрение к действующему иерархическому построению достижений, что, кажется, слышно, как трещит по швам пирамидальная идеология Маслоу. С другой – неоспоримые факты в виде достижения научной самодостаточности Ирен Кюри, получившей Нобелевскую премию совместно с мужем (то есть повторившей жизненный сценарий матери), вполне состоявшуюся Еву Кюри, написавшую замечательное жизнеописание своей матери и внесшую весомый вклад в дело узнаваемости и популяризации имени Кюри в мировой истории. Что тут, феномен

подражания, на котором настаивал Дейл Карнеги, когда писал, что для ребенка десять минут наблюдения за работающим отцом в дверную щелку порой важнее множества бесполезных часов, проведенных вместе? Пожалуй, и да и нет. Да, потому что главное, что могут дать родители детям, – это идея и стиль поведения в обществе. Нет, потому что идею нужно передать, вложить в маленькие головки, в которых роятся разнообразные мысли. Разве найден универсальный рецепт, как сделать такую идею доминирующей?! В случае с Марией Кюри напрашивается лишь один вывод: в рамках своей семьи, закрытой от внешнего мира плотной пеленой замкнутости и независимости, она фактически создала универсальный инкубатор, в котором движение формирующегося потомства жестко ограничено невидимыми рамками, осторожно навязанными в раннем возрасте ценностями. В сущности, все повторялось: так же как и в семье, где она выросла, существовал лишь вполне определенный набор видов деятельности, которые могли быть избраны детьми. Ее дочери, несмотря на невероятную занятость Марии, формировались под колпаком, почти не соприкасаясь с параллельными мирами, существующими в каждом большом городе и даже маленькой деревне. В этом контексте любопытными являются заметные отличия в восприятии действительности дочерьми Кюри. Если старшая, более близкая к матери и помнящая отца, под воздействием семейной традиции созрела для повторения судьбы матери, какой бы странной она ни казалась обывателю, младшая имела уже иное, новое мировоззрение. В своей книге о семействе Кюри Ева приводит довольно показательный пример своего разговора с уже стареющей матерью, в ходе которого акцентирует внимание на моментах своего собственного прихорашиваний, использования различных возможностей для подчеркивания своей женственности и очарования. На фоне отвержения старшей Кюри всего, что связано с женственностью, дочь невольно проявляет ситуацию: ее великая мать никогда не была истинной женщиной, тогда как ей удалось избежать этой мрачной участи и сохранить в себе все, присущее женскому архетипу.

Вполне естественно, что творческая активность личности хоть и является управляемым процессом, но с годами угасает. В случае с мадам Кюри наряду с уменьшением исследовательской деятельности имеет место еще и акцентуация на одном направлении. Такую акцентуацию можно интерпретировать как максимальное сосредоточение на цели, а также видеть в ней определенную заикленность. Однако наиболее важным в дальнейших действиях Марии Кюри после заметного снижения

активности собственных исследовательских поисков стало целенаправленное формирование целой касты научных последователей и учеников. Эта деятельность с точки зрения распространения в мире своей идеи явилась для имени Кюри более весомой, чем сами открытия. Конечно, Мария не помышляла о популяризации своего имени в мире; она искренне заботилась лишь о том, чтобы работа, начатая ею с мужем, приобрела новую актуальность, имела максимальную степень развития. Тем не менее, управление Институтом радия, появление такого же учреждения в Польше, множество путешествий, предпринятых «ради радия», оказались универсальным механизмом пропаганды не столько дела, сколько собственного имени. Цепь знаковых событий, таких как появление Института, объявление различными академиями о почетном членстве Марии Кюри, культовое затворничество и откровенное презрение к материальной системе ценностей, словно вызываемые цепной реакцией многочисленные приглашения и вояжи – все это нагромождение декораций вокруг оваянной славой персоны являлось свидетельством ее общественной значимости и признания. В обществе росло осознание, что эта высохшая пожилая женщина причастна к чему-то великому и непостижимому, что она участница какого-то выдающегося творения, однако такого необъяснимого, что лучше не вникать в детали созданного ею. Появление Института радия с точки зрения распространения идеи может быть приравнено к созданию собственной организации, течения или нового направления деятельности, что имеет развитие во времени и качестве. А последователи всегда пользуются именем первопроходца как знаменем, с течением времени приобретающим признаки великого. Отказ же Марии Кюри от публичности, от общения с журналистами лишь усиливал экспрессию таинственного и уже почти мистического имени, еще больше подогревая любопытство публики к ее персоне. Такое восприятие образа Кюри не только создало флуоресцирующий фон исключительности, но и способствовало сотворению настоящего символа. Кроме того, многие женщины усматривали в таком «общественном отклонении» новые возможности для пола вообще, поэтому имя Кюри определенно несло двойную экспрессию. Тайна ее жизни, резонансное вхождение в мир высших достижений, создание отдельного направления в науке с ордой последователей и почитателей – все это оказалось элементами, закрепившими величие образа этой женщины, звеньями одной цепи, уводящей ее в вечность... Все эти факторы отличали имя Пьера и Марии Кюри от имен других ученых,

возводя их достижения в ранг абсолютной исключительности.

Сама же мадам Кюри вряд ли заботилась о создании ореола величия вокруг своего имени. Однако бесспорным является желание оставить след, оставить память о муже и своей деятельности, которой она посвятила всю жизнь и всю энергию. Уже после смерти мужа она, читая в Сорбонне единственный в мире курс лекций по проблематике радиоактивности, издала книгу «Труды Пьера Кюри». Затем, несколько позже, она издала курс собственных лекций «Руководство по радиоактивности». Эта простая и упорная женщина, как никто другой, осознавала, что память о людях составляют их дела, систематизированные и адаптированные для восприятия средним человеком или средним специалистом на соответствующих времени носителях информации. Как ученая и как человек, взращенный на книгах, она хорошо знала цену этим носителям, потому действовала в этом направлении необычайно активно. К закату жизни она сумела написать еще один основополагающий труд, подводящий итоги творческой и исследовательской деятельности, – «Радиоактивность». Эта книга увидела свет через год после смерти исследовательницы.

Но конечно же, все сопутствующие признаки признания величия и научных достижений этой женщины и истинного благородства ее широкой души не стоили бы ничего, если бы она действительно не была кропотливой труженицей, ежедневно и ежечасно думающей об одном: о своей миссии первооткрывателя, которую она добровольно выбрала и которую усилила, углубила и сделала неотвратимой утрата единственного на планете близкого по духу человека. Однажды, наблюдая за образованием шелковичных коконов, Мария была поражена деятельностью обычных шелковичных червей, организованностью и терпеливостью этих простейших созданий Природы. Возможно, это невольное потрясение упорядоченностью всего сущего в мире и было главным открытием: все живое, явившееся миру, имеет свою миссию, неважно, как велика она, но именно эта удивительная преемственность движения и позволяет человеку совершенствоваться, развиваться. И, кажется, не случайно она написала в одном из своих частных писем такие строки, обнажая откровенностью свой сокровенный мир: «Эти гусеницы, деятельные, добросовестные, работающие так охотно, так настойчиво, произвели на меня большое впечатление. Глядя на них, я почувствовала себя принадлежащей к их породе, хотя, быть может, и не так хорошо организованной для работы, как они. Я тоже все время упорно и терпеливо стремилась к одной цели. Я действовала без малейшей уверенности в том, что в этом истина,

зная, что жизнь – дар мимолетный и непрочный, что после нее ничего не остается и что другие понимают ее иначе».

Пожалуй, в этих простых и одновременно проникновенных словах заключена вся жизненная концепция Марии Склодовской-Кюри. Великой труженицы, отступившей от обыденного и узкого понимания роли женщины, скудной на чувства и эмоции, но обладавшей невероятной широтой души, излучавшей космическую энергию стремления к необъятному, отвергавшей любые способы обогащения, презиравшей сенсационность и даже блистательность звучания собственного имени, сумевшей при этом быть подругой, матерью и самостоятельным игроком в мире самых серьезных научных свершений.

Коко Шанель

(Габриэль Шанель)

**19 августа 1883 года – 10 января
1971 года**

*Женщина, названная королевой
моды*

*Шанель создала женщину,
которой до нее Париж не знал. Ее
влияние перешло границы профессии.
Ее имя оставляет в сознании след,
какой оставляют великие
политические деятели или
литераторы. Наконец, она
представляет собой совершенно
новое существо – всемогущее,
несмотря на легендарные женские
слабости.*

*Морис Саш в книге о Коко
Шанель «Десятилетие
иллюзий»*

*Все в наших руках, поэтому не
стоит их опускать!*

*Человек-легенда обречен
растворить себя в мифе – и тем
освятить и укрепить миф.*

Коко Шанель

Эта женщина стала символом новой эпохи и удивительных возможностей. О Габриэль Шанель говорят, что она первой отразила в моде двадцатый век, открыв фантастический мир преобразований себя при помощи одежды, она усилила современниц тяжелой артиллерией и сделала их более раскованными и эластичными внутри. В сущности, ее поход за признанием был не чем иным, как реализацией ненасытного стремления к независимости и новому, доселе невиданному уровню свободы для женщины. Именно с этой целью Коко Шанель

наделила женщин новыми многочисленными приемами и возможностями, фактически учением о том, как оставаться многоликой, обольстительной, шикарной и... в меру недостижимой. Одежда в ее случае стала языком общения с миром, средством самовыражения, но не целью, как полагают некоторые неискушенные созерцатели ее успеха.

Формальные достижения Коко Шанель не велики и сами по себе не имеют большого значения. Освобождение женщины от наивного и душащего корсета, создание элегантных шляпок, парад причудливых аксессуаров и длинных юбок – все это в конечном счете лишь механизм и эволюция развития одежды. Ведь в свое время изобретение и навязывание того самого корсета были находкой, придающей женщине ощущение притягательной в глазах мужчин несвободы. Действительно, непостижимая магия черного цвета и духи «Шанель № 5» и все остальные изобретения в искусстве представлять свой образ через одежду – это только способы влияния, механизмы, приводящие в действие оружие, а суть самой создательницы в ином.

Кроме того, специалисты настаивают, что не она была величайшим дизайнером своего времени. Более результативными кутюрье признаются Мадлен Вионне и Кристоаль Баленсиага. И вовсе не Коко Шанель вытеснила из одежды женщин корсеты, а совершил это преобразование Поль Пуаре, причем еще в то время, когда сама Габриэль постигала незамысловатые науки в унылой обстановке монастыря. Наконец, Коко Шанель не была даже первым модельером, решившимся на создание духов. Ее миссия оказалась совершенно другой, поскольку она изменила отношение самих женщин к одежде и к ощущениям, которые эта одежда может им дать. «Коко Шанель не убрала корсет из женского костюма, но убрала его из женской головы» – так оценивают ее вклад в искусство Высокой моды.

Действительно, Коко Шанель невозможно и недопустимо судить по формальным, признанным обществом современников критериям. Гораздо более весомым в личности Коко Шанель был скрытый философский смысл в создании стереотипа современной женщины: будто бы следуя мужским желаниям и являясь мужчинам в виде, максимально приближенном их ожиданиям, женщина вместе с тем получает необъяснимую власть и способность навязывать патриархальному миру свои идеи. Главное, что удалось сделать легендарному модельеру, – изменить восприятие общества женской сути. Коко Шанель удалось соединить в одежде и стиле мужские ожидания и женскую раскованность, независимость и свободу. Полностью зависима от мужчин в начале пути, Коко Шанель за годы

развития своей идеи в значительной степени продвинула свои замыслы при помощи очарованных ею поклонников. Нередко или даже часто совершая исключительно мужские поступки, демонстрируя мужское поведение, она сделала себя не только независимой, но и несказанно влиятельной, почти всесильной законодательницей стиля, перед которой преклонялись и мужчины, и женщины, которую боготворил почти весь мир.

Территория нелюбви

Рождение и первые годы жизни в почти нищенствующей семье мелкого торговца из провинциального французского городка Сомюра пропитали Габриэль ранним осознанием тяжелого крестьянского труда и утлого дна общества, сумрачная тень которого всегда довлела над нею в тяжелые годы становления. Перспектива остаться на обочине жизни удесятряла ее силы, стимулируя противостоять любым трудностям и искать обходные пути любых преград.

Хотя у Великой мадемуазель достаточно биографов, настоящих подробностей ее детства известно не так уж много. Достигнув влияния, Коко Шанель постаралась перекроить свою биографию вместе с модой и стилем. Но даже при сложности отделения вымысла от действительности можно однозначно говорить о понимании малышкой Габриэль с первых лет жизни двусмысленности своего существования, катастрофическом дефиците любви и родительской привязанности. Ключевым событием детства оказалась ранняя смерть матери. Это потрясло до основания, перевернуло жизнь двенадцатилетней девочки вверх дном, словно бросив в яростный кратер вулкана, в котором можно либо сгореть заживо, либо появиться на свет заново, обновленной и закаленной, с притуплённой чувствительностью и сурово-агрессивной установкой на все окружающее. Похоже, именно такое преобразование и случилось с Габриэль. Потерянная и лишенная материнской ласки, девочка была добита поступком отца, который отдал ее в приют. Уже в это время она ощутила вопиющее различие между полами: если мальчики после смерти матери были пристроены в семьи родственников, девочек ждало тусклое монастырское прозябание. Глубоко внутри ее естества засел тяжелым осадком и тот печальный факт, что изнуренная работой и рано ушедшая из жизни мать была постоянно привязана к детям, тогда как отец всегда вел вольный образ жизни, не отягощая себя излишними заботами ни о потомстве, ни о достатке. Не исключено, что такой фатальный

опыт матери отвратил ее от собственного материнства.

Она чувствовала себя абсолютно брошенной и нередко закатывала чудовищные истерики. Совершенное игнорирование девочки отцом в период формирования личности (он так ни разу и не навестил ее в приюте) в значительной степени способствовало формированию специфического отношения будущей законодательницы моды к мужскому полу. Отец не выполнил своей основной функции по отношению к дочери: из-за отсутствия любви отца Габриэль не смогла стать полноценной женщиной, оставшись наедине со своими страхами и сомнениями. В результате ее скрытое предубеждение против мужского мира и даже некоторая озлобленность имела определенное сублимированное выражение в непреодолимом напряженном желании отомстить мужчинам за детские ощущения своей ущербности и отсутствие того положения в обществе, которым изначально обладают мужчины. Успешная деятельность, которая должна была обеспечить достижение высокого и независимого социального статуса, а еще лучше – общественного признания, стала едва ли не навязчивым ориентиром Габриэль после того, как она оставила монастырь.

Долгое пребывание в монастырском приюте научило ее не бояться жизни, привило стойкий иммунитет к событиям любого рода. Годы душевных мук и блуждания в замкнутом пространстве суровой священной обители придали ей сходство с едва родившимся на свет кукушонком, который, чтобы выжить, выталкивает из гнезда других птенцов чужой птицы. Жажда жизни и цепкость девочки сформировались взамен нежности и ласки; а болезненная склонность к чистоте и порядку, привитая в монастырских стенах, навсегда отпечаталась в ее сознании. И если продолжительная фрустрация в раннем возрасте, ужасающее сиротство и одиночество, гнетущее ощущение беспомощности и бедности стали первым восприятием мира, то к моменту выхода из приюта в самостоятельную взрослую жизнь ее самооценка заметно изменилась. Габриэль с юных лет была готова к конкуренции и борьбе гораздо лучше детей, которые выросли в счастливых семьях, где есть любовь. Закалка тяжелых лет дала ей силы женской стихии для успешной борьбы с противоположным полом, она тайно вознамерилась создать в мужской цивилизации такое положение для женщин, от которого бы ахнули законодатели современной культуры. Несмотря на миловидные внешние черты, в характере Габриэль появились не свойственные девушкам жесткие нотки, она становилась такой же, как реальный мир, с которым ей долгое время приходилось сталкиваться, расшибаясь о его углы. Девушка стала практичной,

проворной, смелой до агрессивности и изворотливой до непредсказуемости. От терпеливых монахинь она переняла тихую настойчивость и старательность, а также способность выдерживать продолжительный монотонный труд. Стойкие непритязательные женщины научили ее ловко обходиться со всеми принадлежностями для рукоделия: ее готовили к жизни, а скорее всего – к выживанию в противоречивом и неоднозначном патриархальном мире.

Ношение униформы также отложило специфический отпечаток на восприятии девушкой одежды. В течение долгих лет она будто была стиснута и придавлена монастырской строгостью стиля. Кроме того, дополнительной мотивацией к освоению нехитрых премудростей примитивной кройки и шитья стала необходимость научиться выглядеть привлекательно, не имея особых средств. В течение долгих монастырских лет девушка сполна насмотрелась на беспомощность и бесперспективность женщин, тянущих бессмысленную лямку религиозного смирения, поэтому ей не терпелось изменить свою жизнь, стать другой, увидеть иные, более яркие краски жизни и плоскости бытия, которые, она была уверена, существуют. Именно поэтому одной из наиболее действенных и четких подсознательных установок, которую Габриэль вынесла из приюта, была ставка на сильных мужчин. Кроме того, негативный опыт несчастной семьи, в которой она родилась, довлел над нею, оставив заметный отпечаток рационализма в поведении. Прежде всего, она оценивала мужской мир по поведению своего отца, который в ее восприятии представлял человеком, привыкшим скользить по поверхности. Уже в годы формирования женственности Габриэль ощущала внутреннюю напряженность: она постоянно ожидала от мужчин подвоха. Тут стоит перескочить через многие события, чтобы отметить: кульминация предубеждения и тревожности Коко Шанель по отношению к мужчинам пришлась на ее связь с Артуром Кейпелом, возможно единственной подлинной страстью Габриэль, – он обманул ожидания Габриэль и женился на другой. Этот случай поставил ее перед фактом – она иная и в своей неполноценности не может претендовать на любовь, как не может надеяться на преданность мужчины. Это был поворотный момент в судьбе Шанель, потому что всю последующую жизнь она демонстрировала гипернезависимость и вызывающую свободу отношений с мужчинами, которые, по сути, являлись компенсацией раннего чувства ущербности и отторжения. А продолжительная и глубокая фрустрация из-за женитьбы мужчины, которого она жаждала видеть своим спутником жизни, была связана еще и с фобией несоответствия высшему обществу.

Габриэль поклялась, что достигнет такого статуса, который будет стоять над богатством, званиями и титулами и, может быть, даже над любовью.

Раннее взросление привело девушку к весьма оригинальной самоидентификации. Во-первых, она пребывала в незыблемой уверенности, что умение потрясаяще выглядеть и эффектно преобразовывать свою внешнюю оболочку дает почти неограниченную власть над мужским миром. Во-вторых, ее стихийно формирующаяся натура ощущала, что доверия мужчинам не может быть по определению: глубоко внутри нее до конца дней жило детское потрясение поступком отца, который после смерти матери покинул ее на произвол судьбы. Таким образом, еще в годы монастырского становления в глубинах женского естества Габриэль зародилась непростая концепция взаимоотношений с мужчинами, в основе которой лежало необычное переплетение чувств – болезненного недоверия к мужчинам и растущего желания использовать их возможности, смешанного с трепетным стремлением к любви. Брак по расчету казался ей слишком упрощенным способом решения обозначенных задач и потому неприемлемым. Уязвленная и униженная годами одинокого прозябания в приюте девушка была готова на все. Она осознавала: чтобы стать игроком в этом неженском мире, необходимо слепить из себя независимую фигуру. Тогда можно играть желаниями мужчин, как мячиком, то с радостью принимая бросок, то со всей силой негодования отбрасывая от себя. Существовал еще один важный нюанс, толкавший юную Габриэль в объятия мужчин, уверенно стоящих на ногах и пользующихся авторитетом в обществе. Она смотрела на мир глазами реалистки и прекрасно понимала, что ее воспитание и незамысловатое образование в законсервированном сдержанном монастырском мирке никак не обеспечат восприятие ее как девушки с утонченным вкусом, изысканными манерами и адекватным набором знаний, необходимым для принятия ее высшим обществом. А в том, что Габриэль готовила себя к более масштабной роли, чем ей сулила судьба, нет никакого сомнения. Подняв планку своих вожеланий на пока еще недостижимый уровень, она с необычайным рвением взялась за преобразование своего облика. Но в период расцвета женственности девушка не помышляла усадить себя за книги или пытаться получить престижное образование. Она сделала другой выбор, решив пройти путь познания через мужчин, втянув в себя, как чайный аромат, их мудрость, манерность, элегантность...

В новой жизни девушки в Мулене появились возможности, которые она не преминула испытать. Несмотря на отсутствие

голоса, Габриэль всерьез решила попробовать себя на сцене. В многочисленных историях о законодательнице моды XX века не раз упоминалось, что она, выучив пару простеньких песенок, с чувством исполняла их перед завсегдатаями кафешантана «Ротонда». Именно со сценическими пробами больше всего связывают и приклеившееся к девушке прозвище Коко, которое осталось с нею на всю долгую жизнь. В этой связи важно заметить, что Габриэль не довольствовалась тем, что дает ей судьба, а сама встала на путь активного поиска. Если в магазине одежды Габриэль искала применения своим рукам, то на подмостках она искала случая продать себя целиком, как живую игрушку в блестящей упаковке. Но это была на редкость активная жизненная позиция, которой она осталась верна в течение всей жизни. Установка «Действовать в любых, даже самых неблагоприятных условиях» каждый раз будет выводить ее на новый, ранее неведомый и кажущийся недостижимым уровень. В маленьком Мулене юная Шанель начала одновременную борьбу на всех возможных фронтах, и это не могло не привести ее к успеху.

Благодаря внешней привлекательности и оригинальности образа Габриэль сумела ослепить одного из прожигавших время в «Ротонде» состоятельных офицеров Этьенна Бальсана. Он скептически относился к карьере начинающей певички, зато быстро убедил ее прекратить выступления и удалиться на время с ним в богатый особняк родового гнезда. Ее первый мужчина оказался дворянином и обладателем немалых средств, которые позволяли ему вести беззаботную жизнь отъявленного кутилы. Роскошь жизненного уклада Этьенна произвела на малышку Шанель неизгладимое впечатление, но ее с самого начала тяготила роль содержанки. Тем более что она была не единственной пассией безнадёжного щеголя в погонах. Чтобы выжить и победить, ей надо было снова предстать иной, отличной от всех и вместе с тем выразительной и привлекательной. Умея ловко орудовать ножницами и иголкой, девушка попыталась выделиться хотя бы стилем одежды, более вольным и свидетельствующим о ее независимой натуре. О ловеласе Бальсане тогда говорили, что больше всего он любит лошадей и женщин. И, конечно, горделивую девушку больно задевало быть одной из многих. Но, осознавая всю двусмысленность своего положения, она намеревалась извлечь из ситуации наибольшую пользу. Ей хотелось попасть в мир аристократии, а для этого надо было действовать, выделяться, стать единственной и неповторимой. Именно тут и помогло отсутствие изысканного шаблонного воспитания, что способствовало раскованности и

легкости: она прошла по общепринятым нормам ношения неудобной и одинаковой по стилю одежды, как ледокол, ломая все на своем пути и открывая новую, более удобную и простую дорогу. Наконец, еще одно подталкивало девушку: одежда женщин высшего света была для нее несказанно дорога, им необходимо было противопоставить что-то совершенно иное по сути, сногшибательное и разящее наповал. Во главу угла самой идеи молодая куртизанка поставила простоту и удобство.

Поэтому Коко с задором и определенным вызовом отказалась от принятых в офицерском кругу мудреных широких платьев с корсетом, драпированных целыми метрами ткани. Шанель, еще сама того не осознавая, начала создавать собственный стиль. Его основой послужил стиль одежды тех самых элегантных и любвеобильных мужчин, с которыми пришлось общаться в обществе Бальсана. В ход пошли рубашки, галстуки, жакеты, бриджи-галифе для верховой езды – то есть предметы мужского гардероба, которые виртуозные руки девушки после небольшой стилистической доработки превратили в удобную и вместе с тем вызывающую, необычную для глаза женскую одежду. Работа захватила ее, а результаты были приняты не только благодаря смелости использования нового стиля. Сама Коко нравилась мужчинам своей легкостью и одуряющей фееричностью; на фоне невзрачного поведения изысканно однообразных кокеток ее манеры обескураживали и пленяли оригинальностью и смелостью. Она же затеяла большую игру: нарциссическая натура, Коко Шанель бредила тем, чтобы завораживать и влюблять в себя, однако сама уже помышляла о совершенно другом. И девушка «с фигурой подростка и вкусом феи» очаровывала мужчин, но вовсе не для любви, ей нужна была независимость и полная власть на этом слащавым и слюняйским миром, который прежде низвергнул ее в канализационную яму.

Покорение мира моды

Мужчины в жизни Габриэль Шанель всегда были своеобразными ступенями. И естественно, самой весомой ступенью была первая, которая ознаменовала главную трансформацию некогда уязвленной психики. Коко Шанель благодаря созданию своего собственного дела очень плавно и последовательно перешла из категории женщин, способных существовать только при мужчине, в очень малочисленную группу женщин, способных быть самодостаточной личностью, развиваться под воздействием внутренних импульсов. Жалкая

содержанка со сложным детством и зависимым от каприза мужчин положением, Габриэль давно была внутренне готова к самостоятельному развитию, открывающему путь к полной свободе. Она страшилась власти мужчин над собой, как пожара, поэтому ее игра была направлена на тайное противоборство с противоположным полом. Нужны были только средства и ободрение, и она выбрала единственно возможное оружие – свое женское очарование. И не зря: и деньги, и психологическую поддержку предприимчивая девушка получила от своих кавалеров.

И если богатый любитель увеселительных мероприятий Этьенн Бальсан познакомил ее с высшим светом и своим полуравнодушным отношением к экспериментам любовницы с нарядами не отвратил последнюю от этого дела, то следующий мужчина в ее жизни помог совершить поистине революционный переворот. Это было как тройное сальто: раз – и вместо решившейся на акробатику бедной куртизанки после виртуозного кульбита на то же место чудесным образом опустилась деловая женщина. Только теперь уже холодная, расчетливая и желчная. Ее отношение к миру было отображением отношения окружающих к маленькой сироте Габи. В высшей степени показательно, что она никогда не вспоминала о своих родственниках, демонстрируя редкое безразличие к прежней жизни. Обновленная Габриэль резко, с присущим ей властным жестом зачеркнула все, что было до рождения Коко Шанель.

Конечно, на самом деле все было не так просто, потому что Коко Шанель полагалась не на везение, а на отважные нововведения и их агрессивный маркетинг. Она поражала работоспособностью и деловыми подходами к ведению дела, совершенно не свойственными для двадцатилетней девушки. С другой стороны, это опять-таки был ее единственный шанс изменить жизнь коренным образом. Просто она очень хотела вырваться из своего круга, забыть запах зловонной нищеты и наслаждаться независимостью и славой, сама мысль о которой вызывала у нее умиленное головокружение. Ради такого можно было работать двадцать четыре часа в сутки. И она ничуть не жалела себя. Впрочем, соблюдая золотое правило наглядного примера, а именно: она осознавала, что сама является единственной моделью и единственной рекламой собственного дела.

С наследником английской династии углепромышленников, заядлым игроком в поло и настоящим аристократом Артуром Кейпелом по прозвищу Бой Коко Шанель познакомилась как раз благодаря Бальсану. Говорили, что Артур обладал

необыкновенным обаянием, тонким вкусом и был весьма хорош собой. Возникшая между ним и Габриэль любовная связь, казалось, была неминуема. Ведь расчетливая девушка действовала наотмашь, сражая своих мужчин наповал. Эта-то связь и привела к тому, что в Париже на улице Камбон появился первый собственный бутик Шанель. Со временем он вырос до знаменитого салона мод и на всю жизнь оставался для королевы моды своеобразной штаб-квартирой и напоминанием о мужчине, которого она, по всей видимости, любила. В первые же месяцы она работала едва ли не до изнеможения, создавая удивительные и простые вещи. Она никогда не ждала вдохновения. Жакеты, свитера игроков в поло, блузы с галстуками – все, что заимствовала Шанель у мужчин, после обработки неуемной Коко превращалось в нечто обворожительное и таинственное.

Продвижение идеи изменения моды неожиданно совпало с войной. Казалось бы, все начинания должны были прекратиться, ведь сложно думать о красоте, когда мир в очередной раз вдруг сталкивается со смертью и кровью. Но настойчивая модистка была иного мнения; она утверждала, что война сослужила ей незаменимую службу. Ее острое, восприимчивое к малейшим переменам чутье подсказало, что надо неотступно следовать за клиентурой. Привыкшие к шику и роскоши, богатеи всегда останутся податливыми к дорогостоящему авангардизму. В небольшом и престижном для обитания городке Довилль, куда съезжались обитатели соседних поместий и парижские богачи, Шанель открыла уже не просто аматорскую шляпную мастерскую, а настоящий магазин, ставший источником новой моды. Оригинальные фланелевые жакеты, необычные вязаные туники и юбки прямого покроя с открытыми лодыжками начали завоевывать мир именно с этой точки земного шара. А сами женщины были неожиданно обескуражены какой-то новой свободой, подаренной Шанель. В то время, когда толстосумы и их шикарные дамы состязались в стильности, сама Коко без устали работала над новыми способами совершенствования одежды.

Прошло совсем немного времени, и подобный бутик появился и в Биаррице, фешенебельном курорте, куда в сомнительное время политических перемен стекалась богатая знать, напуганная продвижением немецких войск. Хотя Коко Шанель оперировала ссудами своего богатого друга, она проявила изумляющую для необразованной женщины деловитость. Например, она организовала в Биаррице настоящий Дом моделей, ориентированный на девушек из высшего общества. При этом платья из ее коллекции легко расходились по три тысячи франков. Она уловила, что успехом будут пользоваться более

открытые и более откровенные купальники без излишних украшений, заставив клиенток выстраиваться в очереди за своей продукцией. Коко Шанель сама внедряла свои «дурные манеры» в жизнь, например загорая полураздетой под открытыми лучами солнца и взглядами зевак. Она становилась скандально известной и тем самым легко приучала более состоятельных и менее волевых к своему стилю жизни. Незаметно Коко становилась богатой. Но полученные баснословные суммы она и не думала транжирить. В первую очередь Коко Шанель возвратила деньги Артуру Кейпелу, совершив символический акт приобретения независимости и отвержения мужского покровительства, основанного на сексуальной эксплуатации. Отныне дело принадлежало только ей, а изысканная форма проституции осталась позади. Но в таком событии был и иной подтекст – богатый аристократ к тому времени женился на девушке своего круга, чем больно ранил приобретающую известность Шанель. Ей еще раз указали на ее место, и она с еще большим рвением взялась за развитие открытого производства нового стиля.

Уже через несколько лет после начала самостоятельного движения в мире Высокой моды журнал «Харперс Базар» отмечал, что женщина, в гардеробе которой нет хотя бы одной вещи от Шанель, безнадежно отстала от моды. А концу войны, пока сражающиеся мужчины уничтожали друг друга на залитых кровью полях битв, на прилавках Коко впервые появились элегантные бежевые ансамбли из платьев и пальто, а также вечерние платья из черного тюля, украшенные черным янтарем. Все предложенное отличалось удобством и новизной: одежда не стесняла движений, включая между тем элементы, которые выглядели вызывающе.

С Артуром Кейпелом они вроде бы оставались друзьями, но в душе Коко Шанель словно что-то оборвалось. В очередной раз мужчины играли в ее судьбе злую и подлую шутку, заставляя ее ощетиливаться и приобретать все больше мужских черт характера. Внезапная же гибель Кейпела в автомобильной катастрофе через год после женитьбы выбила Коко из колеи на долгие месяцы; это событие показало, что ей не чужда эмоциональность и глубокая привязанность. Не исключено, что, оказись бедная сирота из монастырского приюта избранницей этого мужчины, она отказалась бы от самостоятельного продвижения к успеху и не достигла бы таких головокружительных высот в области Высокой моды, посвятив себя счастливой семейной жизни с любовью и материнством, которые кто-то должен был пробудить. Но время уходило, и традиционная женская роль ускользала, как берег для

уплывающего вдаль корабля.

А вот на другом берегу, куда неотступно несло ее корабль, в царстве мужских принципов ждали упорные конкуренты, ненавязчиво стимулирующие дальнейшую трансформацию полоролевой функции. Чтобы утвердиться в самостоятельном неженском бизнесе, необходимо было соединить цикличность, или серийность, нововведений с динамичностью их внедрения в массовое сознание, естественно не теряя творческой жилки. Коко Шанель очень хорошо уловила возможности исторического момента и именно благодаря этому сумела вырвать пальму первенства у Поля Пуаре, который небезосновательно величал себя «тираном» моды. И если знаменитый создатель моды XX века покори́л Париж на добрый десяток лет раньше Шанель, открыв еще в первые годы века свой Дом моделей и собственный журнал на Рю Аубер, то неутомимая Коко разрушила его монополию своей экстравагантностью и личным присутствием в продвижении тех или иных предметов одежды. Казалось, она одевала в первую очередь себя, а уж затем весь остальной мир. Сначала заминалась она сама, а уж с нею – ее одежда, и в этом оказалось основное преимущество Коко.

Наконец, главной революцией в моде, которую совершила Шанель, стало массовое поклонение новинкам. Если до нее модельеры работали с аристократической, богатой аудиторией, кругом избранных, считающих себя обладателями тонкого вкуса, Коко Шанель расширила свою клиентурную базу до невероятных пределов, сделав каждую новинку доступной для каждой женщины. Причем далеко не только для красавиц. «Мода становится модой только тогда, когда выходит на улицы», – утверждала Коко Шанель, ставшая знаменитой и узнаваемой повсеместно. Действительно, визуальная и техническая простота моделей позволяла создавать их многочисленные репродукции даже портнихам-самоучкам в домашних условиях, что совершенно изменило восприятие модельера в глазах общественности. Коко Шанель дала обыкновенным женщинам возможность следовать за модой, что сделало ее общественно значимой. Именно это позволило ей навечно связать новинки со своим именем, хотя некоторые творческие решения принадлежали вовсе не ей.

Печаль и смятение Коко Шанель по поводу смерти возлюбленного рассеялись, когда она познакомилась с великим князем Дмитрием Павловичем, изгнанным из России за участие в убийстве Распутина. Отпрыск царской семьи был моложе Коко, но это не помешало возникновению любви между ними. Короткий феерический роман с кузеном российского монарха привел к...

созданию знаменитых и чарующих духов. Князь, от которого веяло какой-то непостижимой мистикой, сумел пробудить у практичной француженки уверенность в том, что духи имеют тайную и сильную власть над человеческими мыслями. Во время совместного путешествия в Грае он познакомил Коко Шанель с выдающимся химиком-парфюмером Эрнестом Бо, экспериментировавшим со смесями различных ингредиентов. Несмотря на то что до этого существовали лишь однокомпонентные духи, Коко Шанель решила на смешение цветочного аромата. Появившиеся в результате смелого смешения многих ингредиентов духи Chanel № 5 завоевали весь мир, принеся Коко Шанель сказочные прибыли. Она все делала по-другому, чтобы врезаться в память уникальным, абсолютно новым решением той или иной задачи. И даже тут, выпуская духи, Шанель использовала вместо привычных вычурных флаконов из цветного или матового стекла совершенно прозрачный хрустальный параллелепипед без единого украшения. Вызывающая простота произвела сенсацию восприятия, настолько публике это показалось необычно и скандально.

Удивительно, но каждый новый мужчина в жизни Коко Шанель становился новым этапом приобретения мудрости и заполнения брешей в образовании, оставляя какую-то символическую память в виде ее творческого взлета. После женитьбы и смерти Артура Кейпела, с уходом которого свершилось полное разрушение представлений о брачном союзе с женщиной, любовники и просто поклонники стали мелькать в жизни Коко, как шальные декорации в удачном спектакле. Она не была счастлива, но жила признанием, почитанием и восхищением мужской половины человечества, постепенно превращаясь в Вечную мадемуазель. Не к этому ли стремилась та ущемленная и обиженная девушка, так и не сумевшая избавиться от комплекса недоверия к мужчине?

Последовавший за связью с великим князем Дмитрием многолетний роман с герцогом Вестминстерским научил Коко ценить роскошь, почувствовать вкус к изысканным драгоценностям и твиду, из которого она впоследствии создала свой знаменитый костюм. Герцог открыл двери в дома многих влиятельных людей, в том числе состоялось личное знакомство Коко с Черчиллем, с которым они жили на соседних виллах. Очень хочется верить, что герцог Вестминстерский действительно предлагал Коко Шанель стать его женой. Но скорее всего, это хорошо обыгранная легенда в интерпретации самой Мадемуазель, обрамленная высокопарной фразой о том, что «герцогинь много, а Коко Шанель одна». С возрастом одиночество сказывалось все

болезненное; ей еще более важно было подчеркнуть свой независимый статус как утешительный приз за отказ от традиционной роли. Зато из этой связи Коко Шанель вынесла страстное увлечение драгоценностями, конечно в творческом, а не в стяжательном смысле, и чисто английскую привязанность к свитерам, которые сумела, вместе с использованием подделок драгоценностей, возвести в культ.

Пожалуй, наиболее благоговейное отношение самой Мадемуазель было к Сергею Дягилеву, которого она однажды назвала единственным учителем. Известный русский хореограф был необычайно популярен в Европе, его спектакли считались вершиной балетного искусства. Молва утверждает, что знаменитое изобретение Коко Шанель – маленькое черное платье – было навеяно балетом Дягилева. У практичной Мадемуазель водились деньги и присутствовал неизменный талант заводить знакомства с выдающимися мужчинами. Она ненавязчиво помогла Дягилеву, профинансировав легендарную постановку «Весны священной». На подпитку экзотическими и оригинальными идеями она никогда не жалела средств...

И еще об одном мужчине Коко Шанель нельзя не упомянуть. Без преувеличения, в полном объеме ювелирная линия Chanel реализовалась благодаря талантливому художнику и издателю Полю Ирибу. Пятидесятилетняя Коко настолько увлеклась, что чуть было не лишилась своего уникального статуса «Мадемуазель». Они даже были обручены, но Поль Ириб неожиданно умер от сердечного приступа прямо на теннисном корте. Именно с Полем Дом Chanel представил эпатажную коллекцию ювелирных украшений из бриллиантов. Как описывала мероприятие пресса, представленные на черных мраморных подставках восковые манекены женских фигур с украшениями, отраженные во множестве зеркал, выглядели божественно... Тут впервые были показаны новые формы бриллиантов – в виде треугольника, шестиугольника, трапеции. Нужно было постоянно удивлять публику, и Шанель при помощи близких мужчин совершала невероятные трюки.

Шанель одела женщин в брючные костюмы. Ее маленькие черные платья теперь носили все – от принцесс до горничных. Она предложила украшения, в которых были смешаны фальшивые камни с настоящими. Даже после десятка лет вынужденного затворничества в Швейцарии появление Коко Шанель с новой коллекцией в послевоенном Париже опять превратило ее имя в сенсацию. Несмотря на холодный прием (безусловно, инспирированный конкурентами), она вновь менее чем за три года добилась сногшибательного успеха. Даже

возраст не помешал ей потеснить на Олимпе Высокой моды новые символы – Кристиана Диора и Эльзу Скиапарелли.

Коко Шанель была далеко не первой известной женщиной, которая предложила носить брюки и сделать короткую элегантную стрижку. Но она «осветила» эту трансформацию в одежде и стиле. Закрепив за собой статус модельера с безупречным вкусом, создав из собственного имени брэнд при содействии уже самих почитателей, она могла отныне вводить или выводить из моды все, что вздумается. «Украшения ставят свою метку на эпохе. Я бы хотела, чтобы моя была отмечена бижутерией Шанель», – она не вымаливала, она требовала вхождения в Историю как плату за тот адский труд и неординарную, вряд ли счастливую судьбу, полную признания и страсти, но лишенную любви.

Мир слушает тех, кто умеет говорить

Бывшая воспитанница монастыря, содержанка без образования покорила весь мир, превратив себя в величайшую легенду, монумент XX века. Одним из технических секретов находок Шанель было удобство: в предложенной ею одежде можно было жить. Но с техническим достижением она объединила новую философию для женщины, наделив ее иным, более раскованным и свободным образом мыслей. Став главной манекенщицей своей торговой марки, она благодаря неограниченной уверенности в себе и развитой способности очаровывать переубедила публику и заставила следовать за собой. Почему ей так легко удавалось привлечь внимание выдающихся современников? Потому что она всегда демонстрировала иной, отличный от традиционного и ожидаемого, крайне вызывающий стиль поведения. За счет этого и еще невероятного для женщины цинизма ей удавалось представлять пред миром непредсказуемой. Это любят, потому что всегда ждут от такого человека очередной выходки. Сама Коко Шанель как явление была сплошная беспардонная выходка. Она, конечно же, понимала все это и играла. Ей импонировало величие, поклонение, блистательность живой иконы, и потому она очень старалась не потерять форму.

Наличие личного культа Коко Шанель неоспоримо, ее мировая популярность не имела аналогов. Действительно, мы имеем дело с женщиной, которая не только поставила в своей жизни творчество выше всего остального, но и сумела плоды своих творений воплотить в индустрии своего века, добиться

максимального объединения идей эволюции красоты с техническим прогрессом времени, заставила служить себе не только влиятельных мужчин своего времени, но и самые действенные технологии. В отличие от многих других мужчин и женщин, в течение почти всей жизни Шанель демонстрировала необыкновенную чуткость к своему внутреннему голосу, не отвергая чужих мнений, она никогда не считалась с ними и все свои решения принимала сама. Суровое детство в монастыре научило ее быть непримиримой и даже черствой, лишенной жалости к окружающему миру, который она рассматривала почти исключительно сквозь призму использования в своих личных целях. Люди в восприятии Коко Шанель были преимущественно манекенами, но ее сильная воля позволяла ей эксплуатировать их без всякого стыда. Правда и то, что наряду с нетерпимостью к людям она изумляла своей сосредоточенностью и способностью к продолжительному, почти адскому труду.

Мир узнал Шанель тридцатилетней, когда она, не стучась в дверь, ворвалась в узкое пространство Высокой моды. Эта пылающая женщина, восхитительная внешне и жуткая внутри, моментально оценила все выгоды манипулирования массовым сознанием и навязывания идей. Очень быстро она осознала, что для узнаваемости необходим резонанс, оттенок загадочности или, еще лучше, откровенного скандала, основанного на вызове общественному мнению. Единственным сопутствующим условием резкого поведения должна быть практичность, реальность предлагаемого. Тогда все что угодно приживется в мире, где одни навязывают идеи, а другие их безоговорочно принимают, боготворя создателей нового, какими бы ужасными они ни были. Коко Шанель всегда исповедовала эту идеологию.

Все, что она делала, сопровождалось удивительными легендами. Это происходило изнутри ее натуры: связанная невидимыми путями патриархальной паутины, не являясь богатой девушкой с блистательной внешностью и образованием, она долго ощущала скрытую ущербность в светском обществе. Но устойчивое желание доминировать и покорять мир, рожденное в годы безрадостного детства, развило и редкую смекалку, а также уверенность в необходимости действовать решительно. Сдавленная судьбой в начале пути, она терпеливо сносила внутри все переживания брошенного и обделенного любовью ребенка; набрав же сил, она разжалась, как пружина, с невероятной, космической мощью. И победила мир шика и роскоши его же оружием – сладкой иллюзией о безупречном вкусе и необходимостью платить умопомрачительные деньги за простые предметы одежды и аксессуаров, за то, что позволяет под

выразительной и привлекательной внешней формой маскировать примитивный внутренний мир.

Кажется, она сама постаралась окружить легендой каждую свою новинку. О введении Коко в моду черного цвета журналы писали, что, будто бы не имея возможности носить траур по своему погибшему в автокатастрофе возлюбленному, она заставила всех женщин носить черное. Другая история призвана утолить любопытство обывателя по поводу внедрения в мир короткой стрижки. Согласно версии, она собиралась в Оперу, но газовая колонка взорвалась и опалила несколько прядей. Взглянув в зеркало, Коко решительно взялась за большие ножницы. Естественно, новую прическу тут же заметил весь Париж.

Подобно многим другим замечательным людям, которым свойственно улавливать ход часов Истории, Шанель понимала значение мифологизации своей жизни. Красивая, оттененная оригинальностью легенда всегда довершает то, что хотелось бы видеть в героине. Многое ей удалось навязать: например, она с исступлением в течение пятидесяти лет твердила о своем утонченном вкусе. Легенды хороши, когда они касаются сразу нескольких известных в обществе людей, – это Коко Шанель усвоила очень хорошо. Она всегда большое значение придавала знакомствам. Если в начале пути знаменитые и богатые мужчины могли рассматриваться как потенциальные помощники в продвижении идеи, то, став деловой женщиной, Мадемуазель-модистка рассматривала их уже преимущественно в качестве добрых друзей, которые своим ненавязчивым содействием могли бы способствовать росту ее популярности.

Коко Шанель отдавала себе отчет в том, что даже простое упоминание ее имени вместе с известным мужским именем даст много новых поводов для порождения выгодной ей информации. Она приложила немало усилий, чтобы в числе близких друзей числились такие люди, как Пабло Пикассо, Жан Кокто, Сергей Дягилев, Игорь Стравинский, Уинстон Черчилль... Вряд ли будет преувеличением сказать, что в друзьях у Коко был весь интеллектуальный Париж. И она сама сделала все, чтобы это было именно так.

Связи со знаменитыми мужчинами действовали как безотказная реклама для женщин. В результате среди клиенток Шанель оказались самые очаровательные и известные женщины своего времени, например Катрин Денев, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, принцесса Монако Грейс, герцогиня Виндзорская, наконец, Жаклин Кеннеди-Онассис, Франсуаза Саган, Глория Свенсон.

Фактически кульминационным моментом ее профессионального признания стало приглашение в Голливуд. Шанель работала на знаменитую киностудию как художник по костюмам. С Жаном Кокто Мадемуазель окунулась в мир киноискусства, а результатом их сотрудничества стал необычайно популярный фильм того времени «Кровь поэта», для которого Шанель создала несколько костюмов. Она засветилась и во французском кинематографе: костюмы от Шанель замечены в «Любовниках» Луи Маля, «Опасных связях» Роже Вадима, она участвовала в постановке пьес Кокто «Антигона» и «Орфей», балетов «Голубой экспресс» и «Аполлон».

Коко Шанель хорошо знала, какие выгоды сулит оперирование смертью. И она не упустила момент, создав деловой костюм розового цвета – словно окропленный кровью президента Кеннеди. Он стал одной из самых знаменитых моделей, вошедших в Историю вследствие трагедии нации. Жаклин Кеннеди надела его в ноябре 1963 года, превратив саму Коко Шанель в идола современной моды.

Еще одним секретом ее успеха стало перевоплощение женщины. До Коко все знаменитые модельеры были мужчинами. Они превращали женщину в объект желания, красивую куклу, в игрушку и прекрасный цветок, во что угодно, только не в человека. Свободная одежда из джерси, которую Шанель ввела в моду еще в Довилле, позволила женщине вести себя по-новому, стать энергичной и стремительной.

Совершала ли она ошибки? Безусловно, ведь она позволяла себе быть просто человеком, эмоциональной женщиной с присущими ей страстями и тревогами. Пожалуй, самым крупным ляпом в ее жизни оказалось участие в секретной операции специальных служб. Все началось с нового мужчины: в пятидесятилетнем возрасте Коко в очередной раз позволила себе увлечься. Ганс Гюнтер фон Динклагге был на полтора десятка лет моложе и служил атташе в посольстве Германии. Достоверно неизвестно, как возникло знакомство, но не остается сомнений в том, что Шанель намеревались использовать вслепую, а именно: попытаться заключить сепаратный мир между западными союзниками и Германией. Есть сведения, что операцией руководил лично шеф немецкой военной разведки Вальтер Шелленберг. План заключался в использовании знакомства Шанель с британским премьером Черчиллем. По всей видимости, угасающая Коко была просто ослеплена мужским вниманием. Так или иначе, она по личному поручению Шелленберга отправилась в Мадрид, где намеревалась через знакомого ей британского посла в Испании выйти на связь с Черчиллем. Операция с треском

провалилась, зато после освобождения Франции Коко была задержана. От нее потребовали немедленно покинуть страну, что вылилось в годы невольной ссылки.

Как большинство выдающихся женщин, Коко Шанель намеревалась оставить о себе как можно больше материализованных носителей информации, прямо или косвенно связанных с ее именем. Она ловко сотрудничала с пишущей братией, намереваясь ненавязчиво управлять теми, кто брался описывать ее жизнь. Когда дело касалось такого тонкого процесса, как создание ее публичного образа, все шло в ход – от чистого вранья до откровенных просьб и рекомендаций. Тут она снова становилась женщиной, ужасно капризной, похожей на маленькую обидчивую девочку. Живая Габриэль Шанель и овеванная славой, легендарная Коко Шанель – два совершенно разных образа. Она знала это и настаивала, чтобы Великая мадемуазель выглядела безупречной во всем. Писатель и друг Коко Марсель Эдрих, ставший ее «летописцем», опубликовал монологи Коко Шанель, в которых она поведала, что ей самой хотелось бы прочитать в книге о себе, конечно же пропуская при этом покрытые сумраком и пылью страницы своей жизни или предлагая взамен свои собственные версии трактовки событий для формирования завершенной легенды. Она верила в то, что ее имя будет жить долго, и потому тщательно вычищала, выхолащивала образ гениальной несуществующей женщины. Но в этом также проявилась ее гениальность.

Находясь в самом центре безумного вихря эмансипации, неподражаемая и экстравагантная Коко Шанель своей собственной успешной карьерой и фантастической независимостью от мужчин стимулировала женщин к работе над собой и достижению своей цели. Возможно, за все это непререкаемый авторитет французов писатель Андре Мальро назвал Коко Шанель среди трех самых знаменитых фигур в истории Франции XX века – наряду с Шарлем де Голлем и Пабло Пикассо. Что ж, женщине, у которой «одевался XX век», многое может быть позволено и многое прощено...

Мэрилин Монро (Норма Джин Бейкер) 1 июня 1926 года – 5 августа 1962 года

*Символ сексуальности и
женского успеха середины XX века*

*Меня не интересуют деньги. Я
хочу только одного: изумлять.*

Мэрилин Монро

За Мэрилин Монро не числится ничего выдающегося, кроме того, что она была выдающейся женщиной. Женщиной, очаровательной, порой обескураживающей своей чувственностью, которой упивалось целое поколение. Женщиной, которая покорила кинематограф, неожиданно дав зрителям то, что лежало в основе их неосознанных ожиданий и подтверждало подлинность внутренних стремлений. Женщиной, изменившей стандарты женского идеала и красоты.

Конечно, в эволюции женского раскрепощения было много совпадений, и прелестная и откровенная актриса далеко не первой пыталась проникнуть в запретное пространство и стать предвестником новой сексуальной революции. Но именно после Мэрилин Монро женская сексуальность вышла из тени и перестала быть общественно порицаемым пороком, превратившись в весомую составляющую самой женственности. Заменив сакраментальную идеологию девичьей скромности и невинности, символ Мэрилин Монро таинственным образом расширил диапазон женского оружия в борьбе за самоидентификацию и самодостаточность пола в патриархальном мире. Не споря о том, хорошо это или плохо, можно лишь констатировать, что образ Мэрилин Монро в восприятии общества стал ступенью к новой реальности, новой эре взаимоотношений Мужчины и Женщины.

Есть еще один нюанс, который объективный наблюдатель не должен выпускать из виду, когда речь идет о Мэрилин Монро. Да, она лишь следовала технологиям кинематографа и маркетинга, развитие которых совпало с ее собственным становлением. Да, она в большей степени является продуктом многочисленной

армии предприимчивых людей, научившихся манипулировать людскими инстинктами и желаниями. Она часто теряла себя, свое истинное лицо, путаясь со своим самоопределением и идентичностью, терзаясь простым и вечным вопросом: «Кто я и зачем пришла в этот мир?» Химерические надежды, которые не могли сбыться в силу отсутствия сильной проникновенной идеи, в конце концов погубили отчаянно борющуюся с собой женщину. Но важно и другое: она, родившись в зловонной клоаке «асфальтовых джунглей», безнадежно потерянная и не имеющая абсолютно никаких шансов увидеть другую жизнь, сумела максимально использовать внешность для покорения вершин кинематографа и добилась успеха там, где большинство даже очень красивых женщин терпели поражение. И в конце концов осталась в памяти человечества культовым образом, в значительной степени изменившим представление мира о роли женщины в обществе.

Комплексы брошенного ребенка

Мэрилин Монро (Норма Джин Бейкер) родилась в семье, где родители не слишком отягощали себя обязательствами перед потомством.

Мать Нормы, Глэдис Бейкер, занималась преимущественно собой, проводя жизнь в бесцельном существовании, как затерявшаяся молекула, беспорядочно сталкивающаяся с себе подобными в хаотическом броуновском движении. Она сама впитала в себя весь набор тревог и проблем несчастного ребенка, когда ее собственная мать «любила мужчин», а дети «мечтали об отце». Устойчивый комплекс невостребованности и отсутствия любви в жизни беспокойной Глэдис Бейкер породил такую же устойчивую неспособность любить самой. В погоне за иллюзией счастья она пыталась компенсировать свою глубокую и никогда не заживающую душевную рану неразборчивостью связей и отсутствием привязанности к родным детям. Первых двух детей эта экзальтированная женщина без всяких сомнений оставила под опекой отца, поскольку ощущала их «чужими», а появившаяся вслед за ними Норма – от другого мужчины – также была для нее обузой. Глэдис, по всей видимости, была не способна к каким-либо глубоким чувствам, а бесконечные попытки обрести глубокую привязанность так и не увенчались успехом. Может быть, потому, что она пыталась найти себя за счет маленьких человечков, которым так ненавязчиво дала жизнь и которым обязана была дать хоть немного тепла.

Следствием легкомысленного образа жизни Глэдис Бейкер стало то, что Норма не знала, кто ее отец, а ее представления о матери оказались смутными и очень противоречивыми. Пожалуй, и сама Глэдис Бейкер не была уверена в том, кто конкретно является отцом девочки. Это с раннего детства сформировало в Норме беспокойное и угнетающее ощущение неполноценного и брошенного ребенка, дополнявшееся неослабевающей тревогой, что однажды и мать бросит ее навсегда. Нельзя не согласиться с биографами Мэрилин Монро в том, что именно эти комплексы брошенного ребенка доминировали в течение всей короткой жизни женщины, предопределив ее многие поступки и направления усилий и пробудив желание бороться. Правда, это желание мать и окружение девочки не раз намеревались приглушить: стресс повторялся снова и снова, пока не превратился в постоянный судорожный страх, в неослабевающее чувство искусственно возвращенного изгоя.

Девочке пришлось жить в разных семьях и заменяющих семью коллективах, не только познавая различные социальные условия, но и сталкиваясь с противоборствующими мировоззрениями, жизненными укладами и различными системами ценностей. Первая семья, куда мать ее определила за небольшую плату, воспитание чужих детей рассматривала как вполне сносную статью постоянного дохода. Это была зыбкая социальная среда беспрерывно действующего инкубатора. В жизни двух достаточно забитых с точки зрения восприятия цивилизации людей царили пуританские ценности и в высшей степени консервативный уклад жизни, а походы в церковь были главным актом добропорядочности. Человек в их понимании родился для единственно важной цели – превратиться в универсальную и малочувствительную биологическую машину. И хотя в чужом доме девочке не пришлось голодать и к ней, скорее всего, не относились предвзято, это был чужой дом, вызывавший впоследствии у нее гнетущие воспоминания и противоречивые эмоции. Отчуждение и вакуум чувств не могли не породить ран в душе у ребенка, которого взрослые люди перебрасывали из рук в руки, как кожаный мячик для игры в гандбол. Один из наиболее детальных биографов Мэрилин Монро Дональд Спото, описывая этот период, справедливо отмечает: «Норма была наверняка сломана психически и эмоционально, живя в условиях постоянного стресса, который был связан с ее неопределенной самоидентификацией, а также с тем, что девочка не знала, когда и почему ее мать внезапно явится, чтобы затем столь же внезапно исчезнуть». Кроме того, в этом доме на воспитании было много детей, которые то появлялись, то исчезали; Норма же пробыла в

нем дольше всех, и семь тягостных лет исковерканного детства, конечно, служили ей немой подтверждением того, что она не нужна родной матери. Наверняка нечто подобное она могла слышать и от воспитывающих ее людей, тем более что девочка никогда не знала своего отца. По всей видимости, мысль об отце порой становилась навязчивой и острой, потому что Мэрилин всю жизнь с какой-то болезненной и фатальной страстью искала встречи с неким мистическим мужчиной-отцом, образ которого завладевал ее сознанием в сложные моменты жизни.

В значительной степени настойчивые и безуспешные попытки Нормы уже тогда, когда она стала известной актрисой Мэрилин Монро, найти для себя достойного спутника жизни совпадали с внутренним желанием вернуть отца или найти его в таком мужчине. Большинство мужчин, с которыми она имела дело впоследствии (как в деловом, так и в интимном плане), в значительной степени служили некими эрзацами отца, а она почти всегда искала у них ободрения, духовной поддержки и эмоциональной вовлеченности, нежели чего-то иного. Кстати, многих из них она полушутя и называла «папулями», и, похоже, в этом был заложен серьезный контекст детского комплекса. С одной стороны, в ней жил образ собственной матери, не способной к семейной жизни, с другой – неугасимое и навязчивое желание обрести покой и гармонию рядом с сильным человеком противоположного пола, образ которого гораздо больше соответствовал ее представлениям об отце, чем о муже. Порой кажется, что она соглашалась на интимные отношения с такими мужчинами как бы в обмен за временно исполняемую каждым из них роль отца. Причем Норма, или Мэрилин, нуждалась в защите и участии гораздо больше и гораздо чаще, чем сама могла дать мужчине, и это ключевое внутреннее противоречие неизменно действовало как клин, каждый раз кроша и разрушая неустойчивую основу ее семейной жизни.

Но это было уже спустя годы после мрачных уроков детства. Когда же ее наконец забрали из приемной семьи, в сумбурной жизни Нормы вместе с матерью появилась еще одна экстравагантная и в высшей степени экзальтированная особа. По всей видимости, именно Грейс Макки стала для девочки отправной точкой, с которой Мэрилин Монро начала настойчивое продвижение к своему кинематографическому образу, обеспечившему ей публичное признание и успех. Грейс жила вместе с матерью Нормы, участвуя, а может быть, и подталкивая ее к бесконечным похождениям за женским счастьем в спальни чужих мужчин. Работая в быстро разрастающейся кинематографической мастерской Голливуда, она имела

возможность следить почти за всеми сторонами жизни звезд обволакивающей весь мир киноиндустрии, и внешний блеск их бытия служил ей манящим магическим маяком. Не чувствуя в себе сил и уверенности приблизиться к декоративному миру актеров, впечатлительная натура Грейс перенесла все свои нереализованные желания и надежды на маленькую дочку своей ветреной подруги с расшатанной нервной системой. Именно от этой женщины Норма впервые узнала о существовании кино и с удивлением услышала, что она может и должна стать актрисой. Сама Грейс упивалась образом некой красотки Джин Харлоу, ослепительной блондинки, охотно поигрывающей своими прелестями перед камерами. Именно этот образ и был взят за основу для формирования мистической и одуряющей маски, которая в будущем получит имя Мэрилин Монро. Бесконечные внушения со стороны Грейс Макки, внутренне опустошенной и одинокой (как и ее мать, Глэдис и еще многие миллионы женщин пытались взять бастионы счастья путем бесконечных попыток выловить своего единственного мужчину в бездонном и обманчивом море людской суеты), все больше стремившейся заменить ей мать, сделали свое дело. Как удачно выразился Спото, работа Грейс «состояла в неустанном совершенствовании иллюзий». Бесконечные внушения носили и вербальный характер: настойчивая учительница требовала от Нормы неоднократных повторений вслух, что она станет киноактрисой и кинозвездой. Это сопровождалось походами в кино, вытравливающими из естества Нормы навязанные и, по всей видимости, ненавистные ей пуританские ценности, ранее приобретенные в приемной семье. А после фильмов девочку ненавязчиво подталкивали вести себя и поступать так, словно она – это маленькое юное воплощение Джин Харлоу. И Норма, несмотря на всегда присутствующую в ней неуверенность в себе, начала медленно, но последовательно приобретать очертания самоидентификации, связанной, прежде всего, с привлекательной внешностью и способностью к игре. Среди прочего девочка познакомилась с техническим оружием актрис – впечатляющими и порой шокирующими возможностями искусного визажа. Грейс удалось добиться своим постоянным внушением довольно много, хотя детский панический страх оказаться отверженной стал причиной просто безумной робости Мэрилин Монро, не покидавшей ее никогда, даже после достижения всеобщего признания.

Далеко не только первые годы жизни, которые Норма провела в чужой семье, способствовали развитию у нее гипертрофированного восприятия себя и своей связи с миром. Очень скоро стресс от многолетнего нахождения в чужом доме

сменился новыми, пожалуй, еще более глубокими и удручающими для сознания переживаниями. Началось с того, что ее мать, которой еще не исполнилось и тридцати двух лет, фактически утратила способность выполнять свои материнские обязанности и была помещена в санаторий для лечения психического расстройства. Случилось то, чего Норма страшилась больше всего, – она лишилась матери, теперь уже окончательно, и возникшая между ними пропасть оказалась такой глубокой, что возведение моста стало абсолютно невозможным даже по прошествии многих лет, когда Глэдис выписалась из клиники и просила дочь о внимании. Образ матери был навсегда разрушен в ее сознании так основательно и безнадежно, что не подлежал восстановлению ни в каком варианте, и следствием этого было раздвоенное, бесконечно меняющееся отношение к собственной роли женщины-матери, порой переходящее в панический страх или безудержную истерику. Эти ощущения преследовали Мэрилин Монро на протяжении всей жизни. Вопиющее опустошение, сковавшее сознание маленькой девочки, брошенной среди хаоса асфальтовой пыли, высоких бездушных строений и мрачнодвигающихся в немом пространстве людей, отпечаталось неизлечимым рубцом глубокой фрустрации.

Но испытание судьбы оказалось бы неполным, если бы временное внутреннее успокоение, связанное с тем, что Грейс Макки решила взяться за опекунство над девочкой, не сменилось вдруг жестоким разочарованием нового отчуждения: Грейс неожиданно вышла замуж и ее новый муж настоял на отправлении Нормы в сиротский дом. Уныние холодного дома и фатальная трогательность редких встреч с новой матерью усиливались еще более острыми и драматическими переживаниями, связанными с попытками сначала отчима, а затем и сводного брата изнасиловать еще не сформировавшуюся девушку. Годы детства и девичества, таким образом, оказались набором красноречивых свидетельств того, что она зря появилась на свет, что ее безумное существование без любви и тепла может принести только горечь и слезы непознанной чувствительности и отвергнутого стремления прижаться к чьему-то родному плечу. Вместо привычного и теплого вокруг была лишь пустота казенных стен и натянутые, будто резиновые, улыбки наставников. В таких условиях в жизни Нормы не мог не появиться параллельный мир, служащий заменителем реальности. Девочка жила фантазиями и мечтами, а ее впечатлительность возросла до гигантских размеров. И отдавая дань справедливости, стоит отметить, что именно Грейс сумела создать основной элемент этого мира – возможно, единственную зацепку, за которую могло ухватиться

несчастное существо, произведенное на свет не вовремя и не теми людьми...

В юном же возрасте появление в сумбурной жизни девушки стимулов в виде постоянных подбадриваний, разговоров об уготованной судьбе и констатирования ее стремительно растущей физической привлекательности сыграли свою роль: Норма свято уверовала в то, что единственно возможный способ вырваться из адского заколдованного круга потерянности и бедности – это стать актрисой. Собственно говоря, у нее и не было другого выбора. Повсюду было темно, и лишь одна полоска чуть брезжущего света указывала на открывающуюся возможность. Норма лишь тем отличалась от многих тысяч других привлекательных девушек, что очень четко идентифицировала свою цель и решила любой ценой достичь успеха – не ради самого успеха, о котором она ничего не знала, а для того, чтобы забыть этот ненавистный и несправедливый мир, который так долго жалил ее своей неприязнью.

Цепь событий, на которые девушка не имела никакого влияния, подвела ее к раннему замужеству, казавшемуся странным и непонятным. Все было и простым, и сложным: если бы она не приняла этот вызов, ее ожидал бы сиротский дом. Впереди же была самостоятельность и жизнь со взрослым мужчиной. Она выбрала тот путь, где, как ей казалось, было больше возможностей. На самом деле всем руководила все та же строгая и властная госпожа, имя которой Безднадежность. Безднадежность и отсутствие выбора почти всегда сопровождали Норму Джин Бейкер и позже – Мэрилин Монро. Безднадежность произвела ее на свет, отправила в чужую семью, выплюнула из вновь обретенной семьи в детский дом, затем, наконец, подтолкнула в шестнадцатилетнем возрасте к замужеству... Она была щепкой, по воле ветра следующей за его безудержными порывами, не в силах за что-нибудь зацепиться. Но она сделала невероятное: она таки смогла зацепиться.

Путь к фотоаппарату и кинокамере

Пока именно на внешность девушка направляла свои первые усилия. Она страстно хотела быть привлекательной, хотя глубоко в подсознании это желание было проекцией все того же извечного страха перед отвержением. Ей казалось, что яркая, притягивающая взгляды внешность позволит не только нравиться, но и быть принятой в некое новое сообщество, куда изначально путь ей был заказан. Поэтому не случайно Норма часто прибегала

к занятиям на гимнастических снарядах, бегу и даже поднятию тяжестей, причем отдавалась она этому с какой-то маниакальной страстью, словно от этого зависела вся ее дальнейшая жизнь. Внешность была единственным мостиком, который мог вывести ее на тропу успеха, и она отчетливо осознавала это.

А кроме того, случаи сексуальных притязаний со стороны отчима и кузена укрепили в ней восприятие примитивной модели отношений между мужчиной и женщиной. Хотя первоначально она испытывала лишь нескрываемое отвращение перед перспективой физической близости, все большее поклонение мужчин, сраженных ее девичьим очарованием, резко изменило ее отношение к этому. Она, пожалуй, даже выказала готовность играть с мужчинами в затеянную ими же игру, подражая их своим телом, как приманкой, и полностью контролируя ситуацию. Если мужчина рассматривает женщину в основном как сексуальный объект, то почему не воспользоваться этим влечением для решения собственных задач? Если мужчина теряет голову из-за ее наивно и будто бы невинно демонстрируемых прелестей, то все, что она должна вынести из создавшейся ситуации, – подороже продать свой внешний блеск. Однако ни свадьба, ни надвигающаяся тень упорядоченной семейной жизни, которую отвергала ее душа, – ничто не могло отвратить девушку от навязчивой мысли стать преуспевающей актрисой. Это была уже не слепая мечта, это был вполне осязаемый и понятный план действий, который она начала реализовывать с какой-то невообразимой отрешенностью, словно была запрограммирована.

Неизвестно, чем бы закончила юная искательница счастья, если бы на пути ей не встретились настоящие интеллектуалы, побудившие обратиться к другой плоскости развития – духовной. Стоит оговориться: у Нормы Джин не было друзей, она постоянно искала поддержки в безудержных путешествиях в заманчивый мир своих фантазий. Восприимчивая психика сделала ее уязвимой мишенью, и она с детства не питала особой привязанности и доверия к людям, часто предпочитая общение с ними дружбе с собаками, которые казались ей более последовательными и верными.

Очень скоро молодая женщина поняла, что не желает посвящать свою жизнь семье. А намеренное выпячивание внешности и ряд шагов, направленных на продвижение этого козыря в мир шоу-бизнеса, не могли не дать всходов: очень скоро она попала в поле зрения профессионального фотографа. Жизнь Нормы Джин в это время никак нельзя назвать пассивным ожиданием счастья; она действительно была необыкновенно деятельной, причем эта деятельность на поверку оказалась

исключительно одновекторна. Она бросила работу в самолетостроительной компании, куда устроилась ранее. Норма стала медленно, но верно разрушать брак, который с некоторых пор становился обузой для пробуждающейся отъявленной карьеристки. Она сумела добиться того, чтобы ее приняли в модельное агентство. Норма Джин всеми силами сосредоточилась на цели, собралась настолько, насколько это могла сделать необразованная девушка с дюжиной диких комплексов, среди которых доминировало ощущение потерянного в хаосе мегаполисов унылого внебрачного ребенка, которое тяжелым прессом сдавливало ее самооценку. В то же время темный и мрачный смог нависших проблем лишал искательницу счастья иллюзий, вытравливая из души мечтательность и желание сказочных превращений. Она давно и точно знала, что если чего-то сумеет добиться, сделает это лишь благодаря собственным усилиям.

Первый результат борьбы за признание состоял в неожиданном появлении ее фотографий на обложках не менее тридцати журналов. Хотя это во многом результат и маркетинговых технологий самого агентства, суть все равно состояла в одном: эту девушку заметили, выделив ее из сонмища таких же пытливых красоток, жаждущих продать себя подороже. Норма Джин оказалась более выразительной и более откровенной в своих фотосессиях, где камеры четко фиксировали одуряющий аудиторию симбиоз – странную смесь полной трагизма невинности и дикого соблазна. Да, она начала эксплуатировать свое тело, выставляя его на всеобщее обозрение, воспользовавшись самым универсальным и надежным посредником – фотообъективом.

В это время произошли еще некоторые события, коренным образом повлиявшие на будущее Нормы Джин. Она добилась развода, поставив жирную точку на своей семейной жизни, а заодно признав, что брак, мешающий карьере, должен быть аннулирован. И почти в это же время Норма Джин весьма осознанно начала встречаться с мужчинами, которые не только были много старше, но и непременно занимали особое положение на социальной лестнице. Более того, значительная часть их странным образом были прямо или косвенно связаны с ее вожаемой целью – работой в киноиндустрии. Можно долго дискутировать относительно актерского мастерства и таланта Нормы Джин, но один факт остается бесспорным: своему появлению в киностудии в качестве начинающей киноактрисы она была целиком обязана потрясающей способности убеждать тех мужчин, с которыми у нее сложились близкие отношения.

Любопытно, что лишь немногие мужчины, с которыми Норма Джин познакомилась с этот период, оставались ее друзьями, не переступив зыбкую грань дружбы между мужчиной и женщиной. Более того, и в период кинопроб, и в час признания многие специалисты весьма скептически оценивали способности новоиспеченной актрисы играть серьезные роли. Однако ни сомнительные оценки таланта, ни элементарное отсутствие организованности у самой Нормы Джин, выражавшееся в систематических опозданиях на работу и удивительной неспособности делать что-либо творческое в утренние часы, не смогли помешать ей закрепиться в узком и противоречивом пространстве киностудии, насквозь пропитанном запахом остервенелой конкуренции и зависти. Конечно, если бы у нее напрочь отсутствовал актерский талант и если бы она оказалась неспособной к непрерывному творческому поиску и самосовершенствованию, старт стал бы одновременно и финишем актерской деятельности. Но главный вывод не в этом факте, а в том, что, оказавшись один на один с суровой и непреклонной особой по имени Жизнь, Норма Джин решила для победы применить абсолютно все формы борьбы, не считаясь ни с общественным мнением, ни с моралью. Принятые в отдельно взятом пространстве и времени ценностные ориентиры она с легкостью в сердце преступила для того, чтобы изменить свою жизнь и выиграть свой шанс. По всей видимости, такое возможно лишь для тех индивидуумов, которые в силу различных причин оказывались в таком социальном тупике, масштабы которого меняют восприятие и заставляют действовать против общественных правил, противопоставляя им единственно возможное – свои собственные условия игры. Именно так и поступила Норма Джин в момент превращения в Мэрилин Монро, и ее единственное преимущество перед тысячами таких же обездоленных и жаждущих счастья женщин заключалось лишь в четком знании, ради какой конкретной цели она идет на подобные жертвы. Впрочем, возможно, для нее это и не было жертвой, а просто в какой-то момент стало приемлемой формой социальной мимикрии. Ведь, в конце концов, ее сделали такой: она лишь оказалась гибкой и податливой в глазах и в руках тех влиятельных и сильных людей, которые хотели ее использовать. Она как бы назначила цену, мужчины как бы приняли ее вызов, и сделка, об условиях которой никто никогда не сказал ни слова, состоялась...

Получив свою первую роль, с виду легкомысленная девушка, взор которой на самом деле был обращен в совершенно немыслимые, непредсказуемые дали, легко рассталась с

прошлым. В один из обычных, ничем не примечательных дней бесцветная и безлика куколка по имени Норма Джин Бейкер таинственным образом выпорхнула из киностудии пестрой привлекательной бабочкой с новым именем – Мэрилин Монро. Смена имени для этой девушки имела гораздо больший смысл, чем предполагали корифеи киноиндустрии, придумавшие и освятившие это имя для придания звучности новому создаваемому образу. Для нее самой это событие ознаменовало чудесное превращение, трансформацию личности, которая, по сути, зачеркнула всю предшествующую жизнь.

Однако главное, что вынесла для себя в этот ключевой период Норма Джин, – это не умение побеждать, а осознание необходимости совершенствования. Она начала меняться, в ее мир пришли книги, причем серьезные. Тут присутствовала устойчивая мотивация, щемящее чувство ущербности и неполноценности подстегивало ее восприятие и закаляло выносливость. Интуитивно рвущаяся к славе и признанию старлетка прекрасно понимала: если она не будет соответствовать уровню глубокой и многогранной актрисы, то чрезвычайно быстро исчерпает свой шанс, а на отведенное ей место очень скоро придут другие, более молодые, более яркие и более продажные. Конкуренция безумного мира развитой цивилизации и умение с детства самостоятельно обучаться на ходу, а также необыкновенная, поистине фантастическая способность вызывать жалость у окружающих сделали свое дело. Ее неискушенная игра формировала бесчисленных союзников, а она без сомнения принимала любую помощь, заставляя других работать на собственные интересы. Превратившись в Мэрилин Монро, она начала длительную военную кампанию за свое будущее сразу на нескольких фронтах. Игра рискованная, но возможная для отчаянных голов, которым нечего терять. То, что она залпом прочитала в этот период, позволило ей позже познакомиться с творчеством Толстого и Достоевского. Кроме того, Норма Джин встала на сложный и шероховатый путь самостоятельной коррекции личности. Среди наук, которые она начала активно осваивать, были не только основы театрального мастерства и литературы, но и такие редкие вещи, как психология и история, визаж и элементы риторики, музыка и мировая культура. То, что для другой женщины было банальной борьбой за место, для Нормы Джин означало жизнь или смерть. Где-то она походила на владеющую колдовской магией хорошенькую пиявку: от встреченных на жизненном пути мужчин она страстно впитывала мудрость книжного синтеза и повадки вальяжных дельцов, от женщин – умение непринужденно и вместе

с тем упоительно играть. В любом случае, она использовала свои ограниченные физической красотой данные с максимальной практичностью. Для необразованной девушки, ворвавшейся в шикарный мир кино и видевшей до этой невиданной роскоши лишь убогость и нищету обочины жизни, это было искусство возможного.

Идея стать звездой прогрессировала и очень скоро стала навязчивой. Ради этой вожащенной мечты женщина сумела вытеснить из головы все остальное, она готова была пожертвовать всем ради того, чтобы разорвать сковывающие ее оковы жалкой жизни, в которой она всегда ощущала себя лишней и брошенной. Очень скоро актриса уловила, чего ожидает публика, режиссеры и обозреватели средств массовой информации, и начала разыгрывать этот образ. Образ по имени Мэрилин Монро. Фактически, это психовизуальное моделирование самой себя и стало ключевым элементом стратегии восхождения к головокружительным высотам успеха.

Звездная пыль, затмевающая реальность

Актриса по имени Мэрилин Монро быстро входила в моду в американском кинематографе, очень скоро раздвинув и границы национального восприятия собственного образа. Среди причин, способствовавших выделению Мэрилин даже из весьма выразительной среды актеров, стала на редкость многогранная деятельность. Ее неизменно подстегивало ощущение собственного несовершенства, которое к тридцати годам приняло форму навязчивой, постоянно присутствующей мысли, похожей на паранойю. Актриса не ограничивалась лишь кинематографом. В арсенале Мэрилин оказались широкие возможности фоторекламы, потому что она по-прежнему старательно позировала, где бы ни появлялись фоторепортеры, а порой не отказывалась поучаствовать и в фотосессиях, которые были призваны рекламировать очередной фильм, но на самом деле давали новые козыри самой актрисе.

Способность заводить друзей в среде масс-медиа открывала широкие возможности рекламы своего имени через прессу и новостные каналы, а Мэрилин с радостью откликалась на любое предложение публичной демонстрации себя, рассматривая буквально все в качестве витрины для некоего привлекательного изваяния с оттенком общественного резонанса и скандала. Очень скоро такой подход дал своеобразные всходы: актрису начали воспринимать как некое экстравагантное украшение любого

вечера, презентации и даже мероприятий государственного масштаба. В конце концов она неожиданно (или, может быть, естественно) попала в объектив внимания самого президента Соединенных Штатов. Последовавший за этим любовный роман с Джоном Кеннеди оказался, пожалуй, одним из классических эпизодов сногшибательной рекламы актрисы, причем есть веские основания полагать, что как раз она была заинтересована в придании встречам с президентом оттенка публичности и интриги.

Жажда экспрессии и нескончаемого восхищения на чаше весов всегда перевешивали здравый смысл и границы безопасности. Так было в течение всей жизни актрисы, и ее магнетический вампиризм в отношениях вполне очевиден: желание притягивать к себе известных людей и очаровывать их прорывалось изнутри вулканическими порывами и было таким сильным и таким устойчивым, что не могло не отразиться на восприятии обществом ее демонстративной натуры и явно экстравагантного образа. Ее второй муж Джо Ди Маджио, третий – Артур Миллер, известный актер Ив Монтан, президент США Джон Кеннеди – вот лишь несколько известных имен, безусловной популярностью и известностью которых виртуозно воспользовалась Мэрилин Монро благодаря близким с ними отношениям. К этому можно добавить, что Мэрилин Монро с легкостью воспроизводила легкомысленные песенки, быстро приобретающие популярность.

Итак, какие же элементы стратегии Мэрилин Монро оказались оправданными при создании исключительно обаятельного образа, воспринимаемого обществом? Ведь, по большому счету, в начале пути она не имела никакой иной стратегии, кроме повторения того, что уже прошли до нее ее настоящая и приемная матери, а именно подражания тем, кого в обществе принято называть кинозвездами. Но ее имитация несколько отличалась от материнских проб. Прежде всего тем, что она стремилась к успеху с какой-то фатальной отрешенностью, имея перед собой единственную цель и единственный способ прорвать жестокое кольцо безнадежности, вычеркнув все остальное, подчинив свою жизнь одной-единственной цели. Мрачные образы матери и Грейс Макки, а также нависающая над семейством вечная тень бедности настолько отталкивали и пугали ее, что она готова была к любым жертвам ради торжества в кинематографе.

В то время как Глэдис Бейкер и Грейс Макки только экспериментировали и пытались благодаря визуальному приближению к избранным образам завоевать больше мужчин

или найти таким образом своего единственного мужчину, для самой Мэрилин психовизуальная тренировка, многочисленные знакомства и мужчины были лишь средством к преодолению еще одной ступеньки на пути к новой жизни. Она хорошо разобралась в целях и средствах, никогда не путая их, и это стало одним из ключевых факторов всеобщего признания. Мужчины сами по себе слишком мало значили для нее. Любопытно и то, что Мэрилин реально использовала свою сексуальность в качестве последнего средства, когда понимала, что иные отношения с тем или другим мужчиной невозможны. Она уступала, намереваясь максимально соответствовать желаниям мужчины, опять-таки лишь для того, чтобы получить билет в новый, прежде закрытый, зал для избранных. Внутренний контекст ее поведения предопределил достаточно уникальную внешнюю форму – как в кинематографе, так и в частной жизни, а именно: соединение того, что априори не может взаимодействовать, оставаясь инертным: невероятной сексапильности и потрясающей, почти святой невинности. Она подсознательно жаждала привлекать внимание к себе и делала это благодаря своей сексуальности. Однако Мэрилин вовсе не стремилась к тому, чтобы утонуть в море физической любви, и, похоже, где-то глубоко внутри в ней жил животный страх перед распутной жизнью, ставшей предвестником конца и для ее собственной матери, и для женщины, впоследствии заменившей ей мать. Она действовала по принципу оправданной необходимости, вряд ли увлекаясь сексом. Или если и увлекаясь, то неизменно памятуя о том, для чего все это затеяно. Секс ради секса, любовь ради любви были для Мэрилин лишь моментом, за которым немедленно следовал следующий, напоминающий, что она должна совершить нечто невероятное, приворожить миллионы своей игрой и стать символом, культом.

Для Мэрилин, безусловно, больше всего на свете значила собственная жизненная установка, четко определенные внутренние ориентиры, что превращает даже тактику эпизодических рывков во вполне последовательную стратегию достижения цели. Косвенно это подтверждает и неспособность стать подругой не только какому-нибудь мужчине, но и любому другому человеку, равнодушному к продвижению ее идеи. Мир должен был крутиться вокруг нее, и в этом состояла эгоистическая компенсация актрисы за ее отвержение в детстве и юности. Будучи в душе доброй и сердечной женщиной (что выражалось далеко не только в забрасывании своего окружения многочисленными подарками), Мэрилин Монро, как и ее мать и бабушка, не могла по-настоящему любить, отдавая. А многочисленные подарки окружающим, вполне вероятно,

отражали лишь бессознательное желание замаскировать свою неспособность любить. Ее любовь, или замещение этого чувства, была не столько своеобразной, сколько ощутимо подчиненной цели, хотя, возможно, поступала она так неосознанно. Дело в том, что, старательно пытаясь соответствовать представлению мужчины своего времени о партнерше во всех сферах взаимоотношений двух полов, она не менее старательно намеревалась получить от партнера содействие в продвижении своих интересов и идей.

Не пытаясь расставить все точки над «і» в покрытой тайной истории смерти Мэрилин Монро, можно лишь констатировать очевидное: передозировка лекарственных препаратов стала следствием манипулирования некоторыми людьми из близкого окружения актрисы ее психическим состоянием эмоционально-чувственной сферой и, в конце концов, небезуспешными попытками корректировать ее представление о собственной личности и саму мотивацию. Хотя тайна смерти тоже сыграла свою роль, приковав на долгие годы внимание масс к личности киноактрисы.

С другой стороны, в демонстрации удивительной чувственности и проявлялось действие ее самого мощного оружия. Примененные в период наиболее хлесткой для общественного сознания волны раскрепощения женщины в обществе, исключительные приемы Мэрилин Монро демонстрации великого женственного сыграли в ее становлении несоизмеримо большую роль, нежели все вместе взятые хитроумные приемы ее делового окружения. Ее будто бы наивная и как бы скрытая сексуальность, демонстрируемая едва ли не повсеместно, превратила актрису в своеобразную обольстительницу масс, откровенно открытую и одновременно неприступную, недостижимую.

И в то же время было бы непростительной ошибкой полагать, что актриса принимала решения в основном под впечатлением эмоций и прорывающихся наружу осколков ее многочисленных комплексов. Существует множество иных свидетельств того, что холодный расчет, практичность и волевой подход ко всем сторонам своей деятельности присутствовали в характере Мэрилин Монро, диктуя окружению ее правила игры. Если женская эмансипация начала 50-х годов была волнением, то действия Мэрилин Монро довели ее до штормового предупреждения некогда непоколебимому мужскому миру. В пользу такой интерпретации говорят неумолимые и одновременно красноречивые факты ее поступков. Например, будучи доброй и сердобольной в душе, она относилась к людям с

удивительно эгоистичным подходом чрезвычайно целеустремленного человека, не желающего тратить даже крупницы своего времени там, где отсутствовал ее личный интерес или где была угроза ее личностной целостности, – другими словами, с теми, от кого исходила потенциальная опасность внедрения в ее не слишком устойчивую психику. Она легко вытеснила из сознания свою мать, заботясь лишь о формальном содержании Глэдис. Затем она прекратила общение с некогда создавшей ее Грейс Макки, в том числе и потому, что для самой Мэрилин эта женщина исчерпала свой потенциал и стала уже ненужным балластом для психики и трансформировавшегося мировоззрения. Еще через некоторое время она с такой же беспредельной легкостью рассталась со своей наставницей Наташей Лайтесс, которая фактически заменяла ей мать в течение многих лет становления. Она сделала это со спокойной рассудительностью, легко презрев не только чувства и эмоции, но и тот факт, что Наташа на тот момент была поражена смертоносным раком. В жизни Мэрилин Монро была разрушительницей, ясно и недвусмысленно требовавшей, чтобы весь мир был у ее ног. Без сомнения, она была энергетическим вампиром, питаясь от сильных и мудрых. Она без сожаления разбила чужую семью для завоевания мужчины. Хотя актриса и осуществляла слабые попытки уговорить писателя Артура Миллера не разводиться из-за нее с женой, кстати долгое время бывшей и ее подругой, все женское естество кричало и требовало обратного, и ни один мужчина не сумел бы оставаться безучастным к эгоцентричным воплям Монро. Драматизм этих действий состоял еще и в том, что, добиваясь этого мужчины, собственническая натура актрисы едва ли не тотчас отбрасывала приобретение за ненадобностью и невозможностью использовать по назначению. Осознавала ли Мэрилин Монро, что она не способна создать полноценную (а значит, традиционную) семью? Пожалуй, да. Но разве это могло ее остановить?

Стоит ли говорить, что, играя с массами поклонников в любовь, она относилась к ним лишь со снисходительной иронией. Когда однажды ее пригласили принять участие в каком-то публичном мероприятии, актриса не без доли серьезности заметила: «Придется дать массам искусство». К слову, в этом высказывании Мэрилин Монро заложена еще одна немаловажная деталь, а именно: она свято верила в то, что стремление к успеху в кинематографе может служить заменителем выдающейся идеи, что ее игра сродни исключительному творчеству созидания, а сама она является символом этого нового, набирающего обороты популярности жанра. Ключевым моментом такой позиции

является признание Мэрилин своей исключительности, осознание роли и даже некой миссии, в принципе, далеко выходящей за рамки самого кинематографа.

Любя мужчин и опираясь на них как на деловых партнеров, Мэрилин Монро никогда не забывала о себе. Так, после создания в значительной степени мифической киностудии «Мэрилин Монро Продакшн» актриса владела контрольным пакетом в 51 %, не уступая партнерам-мужчинам в таком щекотливом и исключительно деловом вопросе. Мэрилин Монро была слишком сосредоточена на себе, и все, что хоть как-то мешало ее собственным планам и представлениям, тут же вычеркивалось, выбрасывалось и вытеснялось. Но выбрав в качестве объекта для продвижения в мир свою собственную персону, она одновременно заметно сузила свои возможности. Ибо любой человек имеет гораздо больше недостатков, чем продукты его творческой деятельности. Но не вызывает сомнения, что у Мэрилин Монро по мере творческого и профессионального роста стала явственно проявляться исключительная черта «мужских» стратегий, выражающаяся в навязчивом стремлении держать под неусыпным контролем всё и вся.

Одним из ключевых элементов жизненной стратегии Мэрилин Монро явилось неустанное использование всех возможных механизмов саморекламы. Вообще надо признать, что самореклама и технологии внедрения символов в общественное сознание, по всей видимости, были хорошо усвоены актрисой, которая сама являлась продуктом маркетинговых технологий. Хотя большинство своих решений она принимала импульсивно и эмоционально, руководствуясь интуицией и внутренним чутьем, нет никакого сомнения в том, что Мэрилин Монро всегда рассматривала проблему рекламы своего имени и своей деятельности как основу успеха. Это было даже не столько элементом стратегии, сколько никогда не угасающим фанатичным стремлением быть на слуху. Ради рекламы своего имени эта женщина была готова на все, и само действие становилось для нее эквивалентом признания и любви, – того, к чему подсознательно стремилась обделенная в детстве душа. Причем в случаях, когда судьба сулила ей выигрышные ходы, она не останавливалась ни перед чем. Например, Мэрилин Монро легко позабыла про свой медовый месяц, когда представился случай побывать в подразделениях, принимающих участие в военных действиях в Корее. Оторванные от дома солдаты и офицеры представляли собой в первую очередь бесчисленную армию поклонников, энергетические волны восторга которых раскачивали Мэрилин Монро, как подвешенный к небу кораблик.

Почитатели были без ума от ослепляющих откровений актрисы, а она питалась их неутоленным вожделием и сверкала в золотистых брызгах славы.

Инсценировки всевозможных скандалов, имеющих целью приковать внимание толпы к своей персоне, стали поистине слабостью актрисы. С того времени, как она осознала силу газетной статьи и удачно размещенного в журнале портрета, она уделяла колоссальное внимание моделированию склочных ситуаций и всевозможных способов привлечения внимания гвардии корреспондентов. Впервые крупный скандал возник в связи с появлением календарей с обнаженной Монро – в то время, когда она едва закрепилась в кинокомпании. Ей грозило увольнение, но девушка ловко выпуталась из скверной ситуации, объяснив журналистам, что была вынуждена сниматься в таком виде, поскольку голодала и не имела крыши над головой. Одним выстрелом Мэрилин удалось убить двух зайцев: загладить шероховатости в киностудии и открыть счет виртуозной эксплуатации некоторых трепетных и, естественно, сомнительных фактов своей биографии, которые необычайно расположили к себе практически всю пишущую братию. Начав рисовать собственную биографию, Мэрилин не удержалась от порождения мифов о себе, что характеризует ее не только как человека дальновидного, но и как человека, имеющего явные намерения оставить ощутимый след после ухода в небытие. Она подошла к собственному образу в высшей степени творчески, сознательно насытив картину своей жизни под названием «Мэрилин Монро» трогательными и душещипательными фактами, призванными вызвать восхищение и симпатию к девушке, которая много испытала и с невероятным трудом сумела достичь признания.

После календарей скандальные выходки актрисы сопровождали ее постоянно. Идеи для этого выбирались самые разные: от банального заготовленного обрыва бретельки на платье до яростного отстаивания чьих-то гражданских прав. Она сама была живым воплощением необычности, скандальности и сексуальности – полный набор того, что нужно любому изданию для привлечения внимания читателей. К этому можно добавить, что Мэрилин поддерживала тесные, дружеские отношения с некоторыми известными журналистами, что способствовало появлению определенных материалов в нужное время и в нужном месте. Следует отметить также умение актрисы выходить замуж за весьма известных людей, что делало и браки, и их расторжение насыщенными для публики событиями.

А кроме того, она оказалась одной из первых, кто удачно совмещал игру в кино с исполнением незамысловатых песенок,

ориентированных на самую неискушенную часть аудитории, а когда ее имя приобрело известность, она охотно согласилась на публикацию своей биографии. Мэрилин Монро использовала все, без исключения, возможности, чтобы запечатлеть свой неповторимый образ и оставить его в истории.

Стоит оговориться: многое, что наблюдателям может показаться стратегией продвижения к успеху, является не чем иным, как проявлением эмоций, духовной и физической слабости, по-своему расшифрованными обществом, часто не без помощи манипулятивных технологий. Собственные же роли были как вспышки ослепительно яркого света, но они не могли заменить идеи, после окончания игры они становились застывшими образами красочной сказки, не имеющей продолжения. Мэрилин осознавала это и непрерывно пыталась перейти на другой уровень; ведь и мотивация создания собственной киностудии проистекала именно из этого беспокойства. Она перепробовала многое, включая даже благотворительность. К сожалению, этой неординарной женщине так и не удалось отыскать нечто такое, что претендовало на мощную, действенную идею, и чем больше она осознавала свою неспособность сделать это, тем больше погружалась в безумную трясину депрессии...

Мэрилин Монро всегда боролась с постоянно преследующим ее болезненным ощущением, что она является лишь универсальным орудием для производства денежных знаков. Причем продавалось всякий раз именно тело, и болезненное ощущение, что она не является целостной личностью, способной продемонстрировать иные качества, не менее замечательные, чем блистательная внешность, никогда не покидало ее, порождая не только горечь бессонных ночей и бесконечных терзаний, но и непереносимое желание совершенствоваться, со временем ставшее неотъемлемой частью всей ее жизненной стратегии. Именно это отличает Мэрилин Монро от бесчисленных масс фавориток шоу-бизнеса, не способных и не готовых продемонстрировать что-нибудь еще, кроме своих прелестей. К сожалению, Мэрилин не удалось развить свою личность и преодолеть барьеры, сформированные ее исковерканным детством, полубезумной матерью, толстокожими опекунами да и самой атмосферой шоу-бизнеса, в котором единственным мерилом побед является способность извлекать из масс ослепляющие порядком цифр прибыли.

«Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности», – заметил как-то Сенека. Но Мэрилин Монро вряд ли задумывалась над этой фразой, ее фатальное стремление

к привлечению внимания, навязчивая потребность почитания толпой, безумное желание воспламенить воображение и обострять чувства многих людей неизменно доминировали не только в ее поведении, но и во всем жизненном укладе. Она, пожалуй, не могла не уйти рано, ибо никогда не сумела бы смириться с угасанием собственной популярности, не пережила бы забвения при жизни – в этом вся ее наполненная до краев эмоциональностью и чувственностью чаша Женщины. В этом был ее крест и ее лаконичная и в то же время емкая миссия...

www.badrak.kiev.ua

v_badrak@mail.ru

notes

Примечания

Фрустрация – состояние гнетущего напряжения, тревожности, безысходности и отчаяния, возникающее как следствие невозможности самореализации.